

Д Ж Е Й Н Х О К И Н Г

быть ХОКИНГОМ

ИСТОРИЯ ЖИЗНИ СТИВЕНА ХОКИНГА,
РАССКАЗАННАЯ ДЖЕЙН ХОКИНГ

ВСЕ, ЧТО ВЫ ХОТЕЛИ УЗНАТЬ О СТИВЕНЕ ХОКИНГЕ,
НО СТЕСНЯЛИСЬ СПРОСИТЬ...

Джейн Хокинг
Быть Хокингом
Серия «civilization»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9361063
Быть Хокингом : [перевод с английского] / Джейн Хокинг: Эксмо; Москва; 2015
ISBN 978-5-699-79131-6

Аннотация

Стивен Хокинг известен читателям как выдающийся физик современности, сделавший множество открытий в теории «черных дыр». А что мы знаем о Хокинге как об обычном человеке, любящем отца и мужа, жизнелюбе и мечтателе, на долю которого выпали такие испытания судьбы, которые нельзя пожелать даже врагу? Джейн Хокинг была рядом с ним 26 лет, любила и разделяла с мужем все трудности. Про ее непростой опыт совместной жизни с гением, обо всех трудностях, выпавших на долю их семьи, и моментах счастья расскажет эта книга. Такого Хокинга вы еще не знали.

Содержание

Часть первая	5
1. Обретение крыльев	5
2. На сцене	11
3. Хрустальная карета	16
4. Сокрытые истины	20
5. Принципы неопределенности	24
6. Семейная история	30
7. Служить верой и правдой	36
8. Введение в физику	43
9. Улица Литл-Сент-Мэри	48
10. Зимние каникулы	54
11. Прихоти учебы	57
12. Бесславный финал	63
13. Этапы жизни	67
14. Несовершенство мира	71
Часть вторая	76
1. Неспящие в Сиэтле	76
2. Terra Firma	82
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Джейн Хокинг БЫТЬ ХОКИНГОМ

Jane Hawking
TRAVELLING TO INFINITY
© 1999, 2007 Jane Hawking

© Перевод на русский язык. ЗАО «Компания ЭГО Транслейтинг», 2014
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

Посвящается моей семье

Человеческая речь подобна треснутому котлу, и когда нам хочется растрогать своей музыкой звезды, у нас получается собачий вальс.

Гюстав Флобер

Часть первая

1. Обретение крыльев

История моей жизни со Стивеном Хокингом началась летом 1962 года, хотя, возможно, ее стоит рассказывать с того момента, когда мы впервые встретились десятью годами раньше, еще не придавая этому особого значения. В начале 1950-х я поступила в первый класс школы Сент-Олбанс для девочек, мне было семь лет. Я помню, что в соседнем классе у стены какое-то время сидел мальчик с непослушными золотисто-каштановыми волосами. Учебное заведение порой принимало мальчиков, включая моего брата Кристофера, который в то время тоже учился в начальной школе, но мальчика с непослушными волосами я встречала только несколько раз, когда в отсутствие преподавателя нас, первоклашек, подсаживали на уроки к старшим ребятам. Мы не заговаривали друг с другом, но я не сомневаюсь в достоверности этого воспоминания, так как именно в тот период Стивен учился в школе Сент-Олбанс; позже его перевели в частную подготовительную школу по соседству.

Сестер Стивена я помню лучше, поскольку они учились в школе дольше. Младшая из них, Мэри, была лишь на полгода моложе Стивена и выделялась на общем фоне, будучи весьма эксцентричным персонажем: полная, неопрятная, рассеянная, обреченная на одинокие игры. Ее прекрасный цвет лица не позволяли оценить неприглядные очки с толстыми линзами. Филиппа была младше Стивена на пять лет; яркоглазая, подвижная и легкая на подъем, с короткими светлыми косами, круглолицая и розовощекая. В школе все подчинялось строгим правилам, распространявшимся как на учебные занятия, так и на дисциплину, а ученики (что типично для школьников) нетерпимо относились к любым проявлениям индивидуальности. Считалось нормальным, если у родителей есть «Роллс-Ройс» и загородный дом; но если вас, как меня, привозили на довоенной «Стандарт-10»¹ или, что еще ужаснее, на допотопном лондонском такси, как Хокингов, то вы становились посмешищем или объектом унижительной жалости. Дети Хокингов ложились на пол своего такси, чтобы не попасться на глаза одноклассникам. К сожалению, на полу «Стандарта-10» не было места для подобного обходного маневра. Сестры Хокинг покинули школу еще до окончания начальных классов.

Их мать я знала издавна. Ее поджарая маленькая фигурка в шубке частенько виднелась на углу возле пешеходного перехода у школы, где она поджидала своего младшего сына Эдварда: он приезжал на автобусе из загородной подготовительной школы. В этой же школе учился мой брат после ясельного периода в Сент-Олбансе. Школа под названием «Эйлсфорд» была знаменита розовой формой, обязательной для мальчиков: розовая куртка и кепка. В остальном она представляла собой райское место для мальчиков, в особенности для тех, у кого не было академических наклонностей. Игры, отряды бойскаутов-волчат², турпоходы и театральные постановки, в которых мой отец часто выступал в качестве пианиста, занимали большую часть времени учащихся. Миловидному и обаятельному Эдварду в его восемь лет было трудно ужиться в приемной семье – именно тогда я впервые услышала о Хокингах в свете их непомерного увлечения книгами, которые они читали и за ужином, что вынуждало любого не столь просвещенного сотрапезника хранить за столом молчание.

Моя школьная подруга Диана Кинг на себе испытала действие этого семейного обычая Хокингов (возможно, именно потому она, услышав впоследствии о моей помолвке со

---

¹ Малолитражный трехскоростной седан британской компании Standard Motor Company, производился вплоть до начала Второй мировой войны.

² Wolf cubs – бойскауты 8–10 лет в Англии («младшая дружина»).

Стивеном, воскликнула: «Ох, Джейн! Ты связала себя с семейством безумцев!»). Благодаря Диане я впервые обратила внимание на Стивена летом 1962 года, в тот благословенный период после экзаменов, когда она, я и моя лучшая подруга Джиллиан наслаждались заслуженным почти-отдыхом до конца четверти. Потому что мой отец занимал должность старшего государственного служащего при королевском дворе, у меня уже было несколько выходов во взрослый мир, не ограничивающийся школьными занятиями, домашними заданиями и экзаменами, – я побывала на званом ужине в Палате общин³ и на летнем приеме в саду при Букингемском дворце⁴. Диана и Джиллиан собирались покинуть школу летом после окончания занятий, в то время как я планировала остаться на первую четверть следующего учебного года, исполняя роль старшей ученицы и готовясь к поступлению в университет. В ту пятницу мы собрали сумки и, поправив свои соломенные шляпки, направились в город выпить чаю. Не пройдя и ста ярдов, на противоположной стороне улицы мы увидели то, что привлекло наше внимание: молодой человек шел неровной походкой в обратном направлении, опустив голову; его лицо было скрыто от мира за беспорядочными прядями прямых каштановых волос. Погруженный в собственные мысли, он не смотрел по сторонам и поэтому не заметил группу школьниц, глазевших на него через дорогу. Зрелище было необычным для сонной улицы пуританского городка Сент-Олбанс. Мы с Джиллиан в изумлении пялились на парня во все глаза, но на Диану он не произвел видимого впечатления.

Впоследствии моя школьная подруга, услышав о моей помолвке со Стивеном, воскликнула: «Ох, Джейн! Ты связала себя с семейством безумцев!»

– Это Стивен Хокинг. Пару раз приглашал меня на свидание, – объявила она наконец своим потерявшим дар речи слушательницам.

Мы недоверчиво захихикали:

– Да ну! Не приглашал!

– Да, приглашал. Он странный, но очень умный, друг Бэзила [ее брата]. Один раз мы ходили с ним в театр, и еще я была у них дома. Он участвует в демонстрациях «Запретите бомбу»⁵.

Мы скептически нахмурились и последовали в город, однако прогулка не доставила мне удовольствия: по необъяснимой причине мне было не по себе из-за встречи с этим молодым человеком. Возможно, мне не давала покоя его эксцентричность, вступающая в противоречие с моей довольно заурядной жизнью. Может быть, у меня возникло предчувствие, что мы еще увидимся. Как бы то ни было, эта сцена глубоко врезалась в мою память.

В те летние каникулы мне было уготовано лучшее, что может пожелать девушка-подросток на пороге независимости, хотя для моих родителей это, по всей вероятности, было кошмаром: меня отправили на летние курсы в Испанию, а в 1962-м такое место назначения казалось столь же отдаленным, загадочным и полным опасностей, каким в наши дни кажется, к примеру, Непал. Преисполненная самоуверенности, на какую способны лишь восемнадцатилетние, я была убеждена в том, что могу сама о себе позаботиться, – и оказалась права. Курс был прекрасно организован, студентов распределили по группам и расселили в домах местных семей. В выходные нас вывозили на экскурсии с гидом, и мы объехали все достопримечательности: побывали в Памплоне, где во время корриды быков выпускают на улицы; на единственном бое быков, который я видела за всю мою жизнь и который показался мне жестоким и диким, но зрелищным и завораживающим; в Лойоле, где жил святой Игнатий,

---

³ Нижняя палата парламента Великобритании.

⁴ Официальная лондонская резиденция королевы.

⁵ Массовые послевоенные демонстрации в Лондоне в рамках движения за ядерное разоружение.

написавший молитву, которая из-за многочисленных повторений проникла в плоть и кровь всех учеников школы Сент-Олбанс, не исключая меня:

Научи нас, Господи,
достойно служить Тебе,
давать научи, невзирая на цену...

Когда не было экскурсий, наши дни проходили на пляже, а вечера – на набережной, в ресторанах и барах, где мы участвовали в фиестах и танцах, слушали хриплоголосых певцов и ахали, любуясь фейерверками. Я быстро сошлась с людьми, не принадлежащими крохотному миру Сент-Олбанса, – в основном моими новыми друзьями стали другие молодые люди с курса – и вместе с ними окунулась в экзотическую пьянящую атмосферу Испании, пробуя на вкус взрослую, независимую жизнь вдали от дома, родительской семьи и отупляющей школьной дисциплины.

Когда я вернулась в Англию, меня тут же взяли в оборот родители, обрадованные моим возвращением в целости и сохранности; они задумали семейное путешествие в Нидерланды, Бельгию и Люксембург. Этот опыт еще больше расширил мой кругозор: мой отец стал специалистом по таким поездкам, устраивая их для нас в течение многих лет – с тех пор как я впервые посетила Бретань в возрасте десяти лет. Его энтузиазм поместил нас в авангард туристического движения: мы проехали сотни миль по извилистым деревенским дорогам Европы, находящейся в процессе восстановления после травмы военного времени, посещали города, соборы и художественные галереи, которые становились открытием и для родителей. Поездки были одновременно и познавательными, являя собой лучший образовательный коктейль из истории и искусства, и приятными, наполненными жизненными радостями – вином, хорошей едой и летним солнцем – на фоне военных мест памяти и кладбищ на полях Фландрии.

Когда не было экскурсий, наши дни проходили на пляже, а вечера – на набережной, в ресторанах и барах, где мы участвовали в фиестах и танцах, слушали хриплоголосых певцов и ахали, любуясь фейерверками.

Осенью я вернулась в школу, где почувствовала, как выросла моя уверенность в себе в свете пережитого летом. Я постепенно выбиралась из кокона, а школа лишь в ничтожной мере поддерживала мою новообретенную в путешествиях самостоятельность. Будучи старшей ученицей, я устроила показ мод для шестиклассниц, используя новые формы сатиры, которые почерпнула из телепрограмм; модели были сконструированы из предметов школьной формы, надетых не на то место, где им предназначено находиться. Ни о какой дисциплине уже не могло быть и речи, когда вся школа скандировала на лестнице за дверями актового зала, требуя допуска на шоу, а мисс Миклджон (также известная как Мик), коренастая, закаленная непогодой преподавательница физкультуры, под чье низкое, пугающе неженское рявканье выстраивалась вся школа, впервые чуть не пала жертвой апоплексии, безуспешно пытаясь перекричать несмолкающий гвалт. В отчаянии она прибегла к дребезжащему громкоговорителю, который в обычном порядке доставали лишь на дни спорта и выставки домашних животных, а также с целью регулирования бесконечной «змейки», в которую мы выстраивались, маршируя по закоулкам Сент-Олбанса на ежеквартальную проповедь в аббатстве.

Та первая осенняя четверть учебного 1962 года не предназначалась для шоу. Ее предполагалось посвятить поступлению в университет. К прискорбию, мои отметки оставляли желать лучшего. Кубинский ракетный кризис, случившийся в октябре вопреки нашему заискиванию перед президентом Кеннеди, окончательно и бесповоротно поколебал чувство без-

опасности моего поколения и перечеркнул наши надежды на будущее. Игры сверхдержав подвергали наши жизни такому риску, что никто не чувствовал уверенности в наступлении какого бы то ни было будущего. Всей школой с настоятелем аббатства во главе мы молились за мир, а я в это время вспоминала предсказание фельдмаршала Монтгомери, сделанное в конце 50-х: в течение следующих десяти лет начнется атомная война. Все мы, от мала до велика, понимали, что перед ядерным ударом нас ожидает лишь четырехминутное предупреждение и что этот удар будет означать скорый конец всей цивилизации. Моя мама отозвалась о перспективе третьей мировой войны в своей обычной манере: спокойно, философски и разумно. Она сказала, что скорее предпочла бы быть стертой с лица земли наравне со всеми живущими, чем испытывать невероятную душевную боль, связанную с призывом мужа и сына на войну, с которой нет возвращения.

Помимо нависшей над нами угрозы, связанной с внешнеполитической ситуацией, меня беспокоила собственная усталость после экзаменов на аттестат о среднем образовании и равнодушие к школьным делам на фоне летних открытий. Серьезность эпопеи с поступлением в университет обернулась унижительным провалом: ни Оксфорд, ни Кембридж не заинтересовались моей персоной. Ситуация была тем более болезненной, что мой отец лелеял надежду на то, что я буду учиться в Кембридже, с тех пор как мне исполнилось шесть. Понимая мои чувства, директор школы мисс Гент постаралась меня утешить пространными рассуждениями о том, что не поступить в Кембридж не так уж и позорно, потому что многие студенты университета мужского пола интеллектуально слабее девушек, которым было отказано в поступлении из-за высокой конкуренции за учебные места. В те дни соотношение мест в Оксфорде и Кембридже составляло 10 к 1: десять мужчин на одну женщину. Она порекомендовала принять приглашение на собеседование в лондонский Уэстфилд-колледж, женский вуз в Лондоне, организованный по принципу Гиртон-колледжа⁶, расположенного в Хэмпстеде, в некотором отдалении от других факультетов Лондонского университета. Так получилось, что холодным и промозглым декабрьским днем я села на автобус в Сент-Олбанс, чтобы преодолеть пятнадцать миль, отделяющих нашу школу от Хэмпстеда.

День прошел настолько неудачно, что путь домой я восприняла с облегчением, хотя за окном автобуса была та же унылая серая слякоть и мокрый снег. На факультете испанского языка мне пришлось туго: предметом собеседования оказался преимущественно Т. С. Элиот, о котором я практически ничего не знала и была вынуждена блефовать. Затем меня отправили в очередь перед кабинетом ректора. Подошло мое время, и я встретила с деканом – женщиной, проводившей собеседование в бюрократическом стиле бывшего государственного служащего: она практически не поднимала глаз от бумаг, а когда поднимала, то смотрела поверх роговой оправы очков. Чувствуя крайнее раздражение из-за фиаско на предыдущем интервью, я решила сделать так, чтобы она меня запомнила, пусть даже ценой упущенного места в колледже. Поэтому когда она сухо и формально спросила меня: «И почему же вы выбрали в качестве первого иностранного языка испанский, а не французский?» – я ответила тем же сухим формальным тоном: «Потому что испанцы более темпераментны, чем французы». Бумаги выпали из ее рук, и она таки взглянула на меня в упор.

К моему глубочайшему изумлению, мне предложили место в Уэстфилде, но к Рождеству я уже не испытывала оптимизма по этому поводу: мой энтузиазм по поводу Испании большей частью угас. Когда Диана пригласила меня на новогоднюю вечеринку, которую она устраивала вместе с братом 1 января 1963 года, я появилась там в темно-зеленом опрятном наряде из шелка (синтетического, разумеется), с волосами, зачесанными назад и свернутыми в экстравагантный завиток, застенчивая и неуверенная в себе до глубины души. Там, прильнув к стене в углу комнаты, спиной к свету, сопровождая фразы жестами длинных

⁶ Женский колледж в Кембридже с полным пансионом.

тонких пальцев, изящно сложенный, с волосами, падающими на лицо поверх очков, в мягком пиджаке черного бархата и красном бархатном галстуке-бабочке стоял Стивен Хокинг, молодой человек, которого я видела прогуливающимся по летней улице.

Он стоял в некотором отдалении от других гостей, разговаривая с другом из Оксфорда о космологическом исследовании, начатом им в Кембридже, – но не с тем куратором, на которого рассчитывал: не у Фреда Хойла, популярного телевизионного ведущего научных программ, а у человека с необычным именем – Dennis Sciama. Поначалу Стивен полагал, что имя его малоизвестного преподавателя читается как *Скиама*, но, как выяснилось по приезде в Кембридж, верно было произносить *Шама*. Он признался, что испытал облегчение, когда прошедшим летом (в то время, когда я сдавала выпускные экзамены в школе) узнал, что ему присудили степень бакалавра с отличием в Оксфорде. Таков был благополучный результат устного собеседования, которое проводится, когда комиссия заходит в тупик, не в силах определить, какого диплома достоин академически неуспешный кандидат, проявляющий, судя по работам, проблески гениальности: с отличием, отличие второго класса или без отличия. Последнее приравнивалось к провалу на экзаменах. Он небрежно уведомил комиссию, что если ему присудят степень с отличием, то он отправится писать диссертацию в Кембридж, став своеобразным троянским конем в стане соперника; если же отличие второго класса (в этом случае он также мог бы заниматься исследованиями), то останется в Оксфорде. Экзаменаторы не стали рисковать и присудили степень с отличием.

Я увидела Стивена, прислонившегося к стене в углу комнаты, изящно сложенного, с волосами, падающими на лицо поверх очков, в мягком пиджаке черного бархата и красном галстуке-бабочке.

Стивен объяснил своей немногочисленной аудитории, состоящей из меня и его оксфордского приятеля, что он также нимало не рисковал, обеспечив себе пути к отступлению, понимая ничтожность шансов получить степень с отличием в Оксфорде, учитывая его пренебрежительное отношение к учебе. Он не посетил ни одной лекции; его ни разу не заметили за общими академическими занятиями с друзьями; ходили легенды о том, что он разорвал неоконченную работу, бросил ее в мусорную корзину преподавателя и вышел из аудитории, и это была правда. Опасаясь, что он не сможет продолжить научную работу, Стивен подал заявление на поступление в секретариат Ее Величества и уже прошел предварительный отбор, представлявший собой уик-энд в загородном доме. В принципе, он был готов к вступительным испытаниям для службы при дворе сразу после выпускных экзаменов. Однажды утром он проснулся (по обыкновению поздно) со смутным ощущением, что ему что-то нужно было сделать, кроме привычного прослушивания аудиозаписи «Кольца нибелунга»⁷. Поскольку он не вел ежедневника, полностью полагаясь на свою память, то он и не смог выяснить, что же это было, до тех пор, пока через несколько часов на него не снизошло просветление: это был день экзаменов для поступления на королевскую службу.

Стивен не посещал ни одной лекции; его ни разу не заметили за общими академическими занятиями с друзьями; ходили легенды о том, что он разорвал неоконченную работу, бросил ее в мусорную корзину преподавателя и вышел из аудитории.

Я слушала его, замороженная и изумленная, испытывая притяжение к этому необычному персонажу со странным чувством юмора и независимой личностью. То, как он рассказывал свои истории, стоит отдельного упоминания: поток речи перемежался приступами смеха, ими он доводил себя до икоты и почти задыхался; так его смешили собственные

---

⁷ «Кольцо нибелунга» – цикл из четырех эпических опер Рихарда Вагнера, основанных на реконструкциях германской мифологии, на исландских сагах и средневековой поэме «Песнь о нибелунгах».

шутки, предметом которых зачастую был он сам. Я увидела в нем человека, похожего на меня: он точно так же шел по жизни, спотыкаясь, но замечая забавную сторону своих неудач; был достаточно застенчив, но умел выражать свое мнение. Однако, в отличие от меня, Стивен обладал развитым чувством собственной ценности и имел достаточно самоуверенности, чтобы его демонстрировать. Вечер подходил к концу; мы познакомились и обменялись адресами, но я не думала, что мы еще когда-нибудь увидимся, если это не произойдет случайно. Я сочла небрежную прическу и галстук-бабочку фасадом, манифестом независимости суждений, который в будущем не затронет моих чувств; я пройду мимо, как Диана, а не замру в восхищении, встретив его на улице.

2. На сцене

Несколько дней спустя я получила от Стивена карточку с приглашением на вечеринку 8 января. Надпись была сделана прекрасным каллиграфическим почерком – я завидовала этому навыку, но не смогла освоить, несмотря на продолжительные занятия. Я посоветовалась с Дианой, которая тоже была приглашена. Она сказала, что праздник посвящен двадцать первому дню рождения Стивена (об этом ни слова не говорилось на карточке), и пообещала зайти за мной. Трудно было выбрать подарок для человека, с которым я только что познакомилась, поэтому я остановилась на памятной грампластинке.

Дом на Хилсайд-роуд в Сент-Олбансе оказался истинным памятником бережливости. Не то чтобы это было чем-то необычным в те дни: послевоенное время заставило всех относиться к деньгам с уважением, быть осмотрительными в покупках и избегать ненужных трат. Просторный трехэтажный дом из красного кирпича, построенный в начале XX века по адресу Хилсайд-роуд, 14, обладал определенным очарованием, поскольку сохранился в первозданном виде и не был испорчен такими нововведениями, как центральное отопление или ковровые покрытия. Природа, естественный износ и дети оставили свои отметки на обшарпанном фасаде дома, скрытом за беспорядочной изгородью. Глициния обрамляла ветхое витражное крыльцо; в свинцовой раме передней двери недоставало нескольких цветных стеклянных ромбов. Хотя за звонком в дверь не последовало немедленной реакции, через какое-то время ее все же открыла та самая персона, которую можно было наблюдать в шубке у пешеходного перехода. Она представилась как Изабель Хокинг, мать Стивена. С ней рядом стоял очаровательный маленький мальчик с темными волнистыми волосами и яркими голубыми глазами. За их спинами единственная лампочка освещала длинный, мощный желтой плиткой коридор, тяжеловесные предметы мебели – среди них старинные маятниковые часы – и оригинальные обои «Уильям Моррис»⁸, потемневшие от времени.

По мере того как члены семейства начали возникать из-за двери гостиной, чтобы поприветствовать новоприбывших, я обнаруживала, что среди них нет незнакомых мне лиц. Мать Стивена была знаменита своими бдениями у перехода; его брат Эдвард – маленький мальчик в розовой кепке; сестер Мэри и Филиппу я помнила со школы, а высокий, седовласый и представительный отец семейства Фрэнк Хокинг однажды помогал выгнать пчелиный рой из нашего садика на заднем дворе. Мы с моим братом Крисом хотели понаблюдать за тем, как он будет это делать, но, к нашему разочарованию, он с мрачным и неприязненным видом выдворил нас восвояси. Фрэнк Хокинг был не только единственным пчеловодом в городке, но и одним из немногих его жителей, владеющих парой лыж. Зимой он пронесился вниз по склону мимо нашего дома, направляясь к полю для гольфа, где летом мы устраивали пикники и собирали букеты из колокольчиков, а зимой катались вместо санок в жестяных корытах. В моем сознании сложились кусочки мозаики: всех этих людей я знала по отдельности, но никогда не представляла их частью одной семьи. В конце концов, объявился и последний недостающий элемент: Агнес Уокер, шотландская бабушка Стивена. Она жила в мансарде и вела отдельное хозяйство, но спускалась в гостиную на семейные празднества. Агнес также была хорошо известна в Сент-Олбансе тем, что мастерски играла на фортепиано; свое умение она раз в месяц демонстрировала на публике в здании мэрии, в ансамбле с Молли дю Кейн, руководителем и энтузиастом местного удалого ансамбля народных танцев.

Танцы и теннис – вот и все, что составляло мою социальную жизнь в подростковые годы. На этих занятиях у меня появились друзья, мальчики и девочки из соседних школ, из самых разных семей. Когда мы были не в школе, то всюду ходили вместе: пили кофе

---

⁸ Знаменитый дизайнер рисунков на обоях, отличающихся характерными растительными элементами.

утром в воскресенье, играли в теннис по вечерам и посещали мероприятия теннисного клуба летом, а зимой – классы бальных и народных танцев. Тот факт, что наши матери тоже посещали вечера народных танцев, наряду со многими пожилыми и немощными жителями Сент-Олбанса, нисколько нас не смущал. Мы садились в сторонке и танцевали отдельными группами, не пересекаясь со старшими. В нашем уголке порой вспыхивали романы, порождавшие ворох слухов и пригоршню дразг, которые затем исчезали так же быстро, как и появились. Мы были легкой на подъем, дружелюбной стайкой подростков; мы жили проще, чем современные дети, а атмосфера на танцах была непринужденной и благонаправленной, чему способствовал заразительный энтузиазм Молли дю Кейн. С неизменной скрипкой на плече, она была главной заводилой на танцах, в то время как мощная фигура бабушки Стивена с прямой спиной восседала за роялем; ее пальцы с мастерским проворством бегали по клавишам, но ни один толстый завиток на лбу ни разу не дрогнул. В своем величии она оборачивалась, чтобы осмотреть танцоров ничего не выражающим взглядом. Она-то и была той, что спустилась по лестнице, чтобы приветствовать гостей, пришедших поздравить Стивена с днем рождения.

Среди приглашенных находились как друзья, так и родственники. С некоторыми Стивен познакомился в Оксфорде, но в основном это были его сверстники или погодки из школы Сент-Олбанс, поступившие в Оксфорд в 1959-м, что принесло школе добрую славу в тот год. В свои семнадцать Стивен был младшим из них, слишком юным для поступления в университет той осенью, в особенности принимая во внимание тот факт, что многие будущие однокурсники были на несколько лет старше его, поступив в Оксфорд после прохождения обязательной воинской службы, впоследствии отмененной. Позже Стивен признавал, что не сумел лучшим образом воспользоваться годами учебы в университете из-за этой разницы в возрасте между ним и его однокурсниками.

По этой же причине среди его друзей оказались в основном одноклассники, поступившие в Оксфорд вместе с ним. Я была знакома лично только с Бэзилем Кингом, братом Дианы. Остальных знала лишь понаслышке: их называли новой элитой общества Сент-Олбанса. По слухам, это были воинствующие интеллектуальные авантюристы нашего времени, которые критически отвергали любую банальность, высмеивали любую реплику, являющуюся общим местом или клише, утверждали собственную независимость суждения и исследовали пределы человеческого мышления. Наша местная газета, *The Herts Advertiser*, протрубила об их успехе четыре года назад, заполнив передовую их именами и лицами. Мои студенческие годы были еще впереди, а они уже окончили университет. Естественно, они отличались от моих друзей, и мне, умной, но ничем не примечательной восемнадцатилетней ученице, стало не по себе. В этой компании никто не стал бы тратить вечер на народные танцы. Болезненно переживая свою неопытность, я забилась в угол ближе к огню, усадив Эдварда на колени, и оттуда прислушивалась к разговору, не предпринимая никаких попыток вмешаться в него. Некоторые из присутствующих сидели, другие стояли у стены просторного и холодного обеденного зала, обогреваемого одной лишь печью со стеклянной передней панелью. Разговор был прерывистый и состоял преимущественно из шуток, ни одна из которых не блистала пресловутым интеллектом. Единственное, что осталось в моей памяти, – даже не шутка, а загадка о человеке, который жил в Нью-Йорке и хотел попасть на пятидесятый этаж, но доехал на лифте только до сорок шестого. Почему? Потому что не дотянулся до нужной кнопки...

После этого вечера я надолго утратила связь со Стивеном. У меня появились занятия в Лондоне: я поступила на секретарские курсы, где обучали революционному методу стенографии, использующему алфавит вместо знаков и состоящему в пропуске всех гласных. Первое время я вставала вместе с отцом и совершала вместе с ним утренний спринт к восьмичасовому поезду, но потом обнаружила, что мне не обязательно быть в школе на Окс-

форд-стрит так рано. Я могла позволить себе более расслабленный график, чем тот, которого придерживался мой самоотверженно преданный работе отец. Поэтому я неспешно прогуливалась до станции и как раз успевала на девятичасовой поезд, в котором уже не было помятых изможденных работяг средних лет в темных костюмах. На девятичасовой садилась совсем другая публика. Не проходило и дня, чтобы я не встретила кого-нибудь из знакомых: они были одеты неформально и никуда не спешили, возвращаясь в колледж после выходных или направляясь на собеседование в Лондон. Это была лучшая часть моего дня; остальное время, за исключением короткого обеденного перерыва, я проводила в тесном классе в окружении многочисленных старомодных печатных машинок и не замолкающих старых дев, чьи амбиции сводились к тому, чтобы как можно большее количество раз быть приглашенной в Букингемский дворец, Кенсингтонский дворец и Кларенс-хаус⁹.

Революционный метод стенографии оказалось легко освоить, но слепая печать мне не давалась. Стенография могла пригодиться в университете для быстрого конспектирования лекций, однако стучать по клавишам было ужасно утомительно и трудно; я не могла напечатать и сорока слов в минуту, в то время как мои одноклассницы уже окончили курс и освоили другие полезные секретарские навыки. Честно говоря, стенография имела ограниченное применение; навыки машинописи, напротив, с годами не утратили своей ценности.

По выходным у меня была возможность отвлечься от ужасов машинописи и повидать старых друзей. В одну из февральских суббот я встретила с Дианой, проходившей сестринское дело в больнице Святого Фомы, и Элизабет Чент, тоже школьной подругой, которая готовилась стать учительницей в младших классах. Мы сидели в нашем любимом логове – кофейне единственного в Сент-Олбансе универмага «Гринс». Обменявшись учебными новостями, мы стали обсуждать друзей и знакомых. Внезапно Диана спросила: «Ты слышала про Стивена?»

Моя подруга спросила: «Ты слышала про Стивена? Он в больнице уже две недели. Он спотыкался, не мог завязать шнурки. Сделали кучу ужасных анализов и выяснили, что у него какое-то страшное неизлечимое заболевание, приводящее к параличу. Это что-то типа рассеянного склероза, ему осталось жить несколько лет...»

«Ах да, – продолжила Элизабет, – ужасно, правда?» Я поняла, что речь идет о Стивене Хокинге. «О чем это вы? – спросила я. – Я ничего не знаю». «Ну, он в больнице уже две недели – думаю, в Бартс¹⁰, где преподавал его отец и сейчас преподает Мэри». Диана рассказала о том, что произошло: «Он спотыкался, не мог завязать шнурки. – Она помолчала. – Они сделали кучу ужасных анализов и выяснили, что у него какое-то страшное неизлечимое заболевание, приводящее к параличу. Это что-то типа рассеянного склероза, но не совсем; говорят, ему осталось жить несколько лет».

Я была поражена известием. Лишь недавно познакомившись со Стивеном, я уже испытывала к нему симпатию, несмотря на всю его эксцентричность. Мы оба смущались в присутствии других, но обладали внутренним стержнем. Невозможно было представить, что кто-то лишь на несколько лет старше меня уже смотрит в лицо собственной смерти. Мы не принимали конечность существования в расчет, будучи достаточно молодыми, чтобы ощущать себя бессмертными. «Как он?» – проговорила я, находясь в смятении от услышанного. «К нему заходил Бэзил, – продолжила Диана, – и сказал, что он очень подавлен: анализы не сулят ничего хорошего, да тут еще парень из Сент-Олбансе, лежавший на соседней койке, отдал Богу душу. – Она вздохнула. – Из-за своих социалистических принципов Стивен наста-

---

⁹ Королевские резиденции.

¹⁰ Госпиталь Св. Варфоломея в Лондоне.

ивает на том, чтобы лежать в общей палате, вопреки желанию родителей». «Известно, в чем причина болезни?» – спросила я отрешенно. «Не совсем, – ответила Диана. – Предполагают, что ему сделали вакцинацию против оспы нестерильной иглой перед поездкой в Персию пару лет назад и вирус поразил позвоночник. Но никакой уверенности в этом нет, это лишь гипотеза».

Всю дорогу до дома я думала о Стивене. Мама заметила, что я чем-то обеспокоена. Она не была знакома со Стивеном, но слышала о нем и знала, что он мне нравится. Я предупредила ее о том, что он очень эксцентричен, на случай, если бы она вдруг с ним столкнулась. Услышав о его болезни, мама, чья вера в Бога поддерживала ее на протяжении войны, помогала сохранять присутствие духа во время смертельной болезни любимого отца и периодов депрессии мужа, спокойно сказала мне: «Почему бы тебе не помолиться за него? Это помогает».

Тем сильнее было мое изумление, когда неделю спустя, стоя на платформе в ожидании девятичасового, я увидела Стивена, небрежной походкой направлявшегося вдоль железнодорожных путей с коричневым холщовым чемоданом в руках. Он беззаботно улыбался и, похоже, обрадовался, увидев меня. Выглядел он менее экстравагантно и, честно говоря, более привлекательно, чем раньше: исчезли черты прежнего образа, который он культивировал в Оксфорде, – галстук-бабочка, черная бархатная куртка, даже небрежная прическа. На смену ему явились обычный бордовый галстук, бежевый плащ и достаточно короткая стрижка на чистых волосах. Наши предыдущие встречи проходили при приглушенном освещении; в свете дня я оценила его широкую располагающую улыбку и ясные серые глаза. За массивной оправой очков, делавших его похожим на сову, скрывался персонаж, напоминавший моего героя из Норфолка, лорда Нельсона. Мы вместе сели на поезд до Лондона и проговорили всю дорогу, хотя о его болезни почти не упоминали. Я сказала, что очень опечалена новостью о его пребывании в больнице, на что он наморщил нос и ничего не сказал. По его поведению можно было подумать, что все в порядке, и я решила больше не заговаривать об этом, чтобы не мучить его. Он сказал, что возвращается в Кембридж; уже у Сент-Панкраса¹¹ он объявил, что довольно часто ездит домой на выходные, и пригласил меня в театр. Конечно же, я согласилась.

«Возьми меня за руку», – сказал Стивен властно. Я повиновалась, затаив дыхание в молчаливом восхищении.

Мы встретились в пятницу вечером в итальянском ресторане в Сохо¹², что само по себе уже было достаточно расточительным мероприятием. Однако у Стивена были подготовлены также и билеты в театр, и нам пришлось спешно окончить трапезу, оказавшуюся до неприличия дорогой, чтобы, пройдя от реки к югу, успеть в Олд Вик¹³ на «Вольпоне»¹⁴. Мы второпях добежали до театра, бросили сумки под наши кресла в заднем ряду партера, и пьеса началась. Мои родители любили ходить в театр, поэтому я уже посмотрела другую великую пьесу Джонсона, «Алхимик», которая понравилась мне от начала до конца.

«Вольпоне» оказалась не менее увлекательной, и вскоре я уже с головой окунулась в интриги старого лиса, решившего испытать искренность чувств своих наследников и павшего жертвой обстоятельств.

Находясь в восторженном состоянии после просмотра пьесы, мы горячо обсуждали ее, стоя на автобусной остановке. Проходивший мимо бродяга вежливо попросил у Стивена немного мелочи. Тот запустил руки в карманы и с огорчением воскликнул: «Простите! У

¹¹ Один из тринадцати центральных железнодорожных вокзалов Лондона.

¹² Торгово-развлекательный квартал в центральной части Лондона.

¹³ Театр в Лондоне, расположенный к юго-востоку от станции Ватерлоо.

¹⁴ «Вольпоне, или Хитрый Лис» – комедия-фарс Бена Джонсона.

меня нет ни монетки!» Бродяга усмехнулся, подмигивая в мою сторону. «Порядок, парень, – сказал он. – Понятное дело». В эту минуту подошел автобус, в который мы и запрыгнули. Усевшись, Стивен повернулся ко мне с растерянной улыбкой: «Мне ужасно жаль... – сказал он. – Кажется, у меня не хватает даже на проезд. У вас не найдется немного мелочи?» Меня терзало чувство вины за растраты Стивена сегодняшним вечером, так что я поспешно закивала. Подошел кондуктор и навис над нами, а я все никак не могла найти кошелек в закоулках моей сумочки. Мое смущение резко возросло, когда я поняла, что кошелек пропал. Мы выскочили из автобуса на первом светофоре и помчались обратно в Олд Вик. Главный вход в театр уже закрыли, но Стивен устремился к служебному подъезду. Там было открыто, в коридорчике горел свет. Мы тихонько пробрались внутрь; впрочем, театр оказался безлюдным. В конце коридора мы очутились перед дверью, которая вела прямо на сцену: опустевшую, но все еще ярко освещенную. В ужасе мы на цыпочках пробежали по ней и спустились по ступенькам в темный партер. Практически сразу же, к нашему обоюдному облегчению, под нашими креслами отыскался мой зеленый кожаный кошелек. Мы уже шли обратно к сцене, когда свет погас и на нас обрушилась темнота. «Возьми меня за руку», – сказал Стивен властно. Я повиновалась, затаив дыхание в молчаливом восхищении, а он уверенно помог мне подняться по ступенькам, провел по сцене, и мы вышли в коридор. К счастью, служебную дверь еще не заперли. Спотыкаясь, мы выбежали на улицу и там согнулись пополам от смеха. Мы побывали на сцене Олд Вик!

3. Хрустальная карета

Через несколько недель после эпизода в Олд Вик и под конец курса скорописи мама встретила меня дома, воодушевленно размахивая листком бумаги с известием от Стивена. Он позвонил, чтобы пригласить меня на Майский бал в Кембридже¹⁵. Известие было сногсшибательным. За год до моих выпускных экзаменов по школе прошел слух, что одну из девочек пригласили на Майский бал. Все остальные, включая меня, зеленели от зависти и смаковали каждую подробность торжества, со временем ставшего притчей во языцех. Сейчас же, вопреки всяким ожиданиям, пришла моя очередь. Когда Стивен позвонил, чтобы повторить приглашение, я с радостью приняла его. Вопрос о том, что надеть, решил сам собой, когда я отыскала в магазинчике рядом со школой стенографии платье из белого с синим шелка, на которое у меня как раз хватило денег.

Майский бал, который, с присущей Кембриджу противоречивостью, всегда проводится в июне, должен был состояться через несколько месяцев. Тем временем мне нужно было заняться пополнением собственного кошелька, опустошенного покупкой бального платья, чтобы обеспечить себе путешествие в Испанию, которое я планировала на лето. Я заключила соглашение с агентством по временному трудоустройству в Сент-Олбанс. Мое первое назначение представляло собой подработку на полтора рабочих дня в Вестминстер-банке, управляющий которого – терпеливый, добрый мистер Эберкромби – был другом моего отца. Меня усадили за телефонный коммутатор, но я, не имея ни малейшего представления о том, что нужно делать, запаниковала перед панелью с мигающими лампочками и могла только лихорадочно выдергивать одни штепсели и вставлять другие в свободные отверстия. В результате я лишь отрезала все входящие звонки и соединила людей, сидящих друг напротив друга. После этого я переходила с одной временной работы на другую; время шло, весна сменилась ранним летом и наступила пора Майского бала.

Стивен заехал за мной жарким июньским днем, чтобы отвезти в Кембридж, и я поразилась перемене к худшему в его состоянии, произошедшей со времени театральной эскапады. Я даже усомнилась в его способности справиться с отцовской машиной – гигантским старым «Фордом-Зафирой». Прочная, как танк, она, по всей вероятности, форсировала реки в Кашмире, когда семья Хокинг – без Стивена, который в то время оставался в школьном пансионе в Англии, – жила в Индии несколько лет тому назад. Я боялась, что эта сногсшибательная во всех отношениях машина окажется слишком скоростной для своего водителя – худощавого, хрупкого, прихрамывающего, опирающегося на руль, чтобы выглянуть из-за приборной панели. Я познакомила Стивена с мамой. Она не выказала ни удивления, ни тревоги; лишь помахала нам вслед, как фея-крестная, отправляющая меня на бал в компании Прекрасного Принца в хрустальной карете, уносящей нас прочь.

Дорога в Кембридж обернулась кошмаром. Я обнаружила, что Стивен позаимствовал стиль вождения у отца, который был знаменит своей безудержной прытью за рулем, не гнушался обгоном на подъеме и повороте и даже, по слухам, ездил по встречной полосе автомагистрали. Заглушая все наши попытки завязать разговор, ветер с ревом врывается в открытые окна, а мы всё неслись на головокружительной скорости через поля и рощи Хартфордшира¹⁶, направляясь в пустоши Кембриджшира. Перепуганная, я лишь одним глазком выглядывала в окно, пытаюсь рассмотреть дорогу перед нами; что касается Стивена, то он спокойно озирается по сторонам – лишь дорога, похоже, несколько его не интересовала. Не исключая, что его бесстрашие было обусловлено авантюризмом, связанным со смертельным приговором,

---

¹⁵ Выпускной бал в Кембридже.

¹⁶ Графство на юго-востоке Англии.

который вынесла ему судьба. Но мне от этого не становилось легче; я молча поклялась себе, что поеду обратно поездом. У меня уже появились серьезные сомнения в том, что Майский бал – это такая уж сказочная идея.

Опровергая законы статистики дорожных происшествий, мы умудрились добраться неповрежденными до прибежища Стивена – красивого пансиона стиля 30-х годов, предназначенного для выпускников. Другие его обитатели заканчивали наводить марафет в преддверии кутежа. Я переделалась в комнате на верхнем этаже, которую отвела мне экономка, а затем была представлена соседям Стивена и другим аспирантам, чье противоречивое отношение к нему поставило меня в тупик. К нему обращались на научном жаргоне, порой с едким сарказмом или сокрушительной критикой, но всегда с юмором. Что касается отношения к нему как к личности, то я почувствовала исходящую от них мягкую внимательность, граничащую с любовью. Мне было очень трудно совместить эти крайности. Я привыкла к согласованности между отношением и обращением и испытывала замешательство в обществе этих людей, которые могли разыгрывать роль адвоката дьявола, вступая друг с другом – то есть со Стивеном – в яростный спор, а через минуту уже, как ни в чем не бывало, заботиться о его личных нуждах, как если бы он был их господином. Меня не учили разделять разум и чувство, интеллект и сердце. В этих вопросах я была неискушенной и должна была многое усвоить – по кембриджским стандартам такая неискушенность граничила с предсказуемостью и банальностью.

Стивен заехал за мной жарким июньским днем, чтобы отвезти в Кембридж, и я поразилась перемене к худшему в его состоянии.

Сначала все мы отправились на поздний ужин, состоявшийся на первом этаже ресторана на углу Кингс-Парейд¹⁷. С моего места открывался вид на башенки и шпили Кингс-колледжа¹⁸, на темный силуэт часовни и проездной башни на фоне сияющей панорамы заката Восточной Англии. Это само по себе было достаточно волшебно. Затем мы вернулись в дом, чтобы завершить последние приготовления перед десятиминутным променадом по просторам садов на Задворках¹⁹, где водная гладь отражает зелень бесконечных газонов, до старинных дворишков колледжа Тринити-холл, где учился Стивен. Он настоял на том, что в колледж надо взять его магнитофон и коллекцию кассет, чтобы установить в комнате, предоставленной в наше распоряжение на случай, если нам захочется отдохнуть от увеселений, но ноша оказалась слишком тяжелой для него. «Ой, да будет тебе, – добродушно проворчал один из его приятелей. – Давай понесу». И так и сделал.

Небольшой, неброский, укрытый от посторонних глаз Тринити-холл представляет собой довольно разношерстную картину: скопление зданий, среди которых есть очень старые, просто старые, викторианские и современные; просторные газоны, цветочные клумбы и терраса с видом на реку. Мы подошли к колледжу с противоположного берега Кэм, перед тем немного постояв на высоком изгибе нового моста, недавно построенного по эскизу трагически погибшего в 1960 году студента Тимоти Моргана, о чем очень серьезным тоном поведал мне Стивен. С этого моста нам открылся поистине сказочный вид, который напомнил мне о загадочном поместье из моего любимого французского романа «Большой Мольн» Алена-Фурнье, герой которого, Августин Мольн, случайно набредает на сияющий огнями замок среди необитаемых холмов и из восхищенного наблюдателя внезапно превращается в участника шумного веселья, музицирования и танцев, не зная, чего ему ожидать в следую-

¹⁷ Историческая улица в центре города Кембриджа.

¹⁸ Часовня Королевского колледжа в Кембридже – шедевр английской перпендикулярной готики, считаемый многими визитной карточкой университетского Кембриджа.

¹⁹ The Backs – живописные сады, разбитые вдоль реки Кэм в университетском центре Кембриджа, буквально на задворках университетских корпусов.

щий момент. Здесь, в Тринити-холле, в ночном воздухе трепетали звуки оркестров; лужайка у реки была украшена мерцающими фонариками, как и грандиозный лесной бук в ее центре; пары уже танцевали на подиуме, устроенном вокруг дерева. В павильоне на самой высокой точке лужайки нас ожидали друзья Стивена, с которыми мне еще не довелось познакомиться. Мы были представлены друг другу, после чего выстроились в очередь за шампанским (официанты наливали его из ванны!), а затем перешли к буфету и остальным ожидавшим нас развлечениям: в зале для торжественных мероприятий, где яблоку было негде упасть, на далекой сцене выступало чуть слышное кабаре; в комнате с элегантным интерьером струнный квартет пытался переиграть размещившийся на лужайке ямайский шумовой оркестр; на углу рядом со старой библиотекой с горящей жаровни подавали каштаны. Наши спутники разбрелись кто куда, а мы остались сидеть на террасе у реки и наблюдать за танцующими парами, сплетающимися под гипнотические ритмы шумового оркестра. «Извини, что я не танцую», – сказал Стивен. «Ничего страшного», – солгала я.

Мне удалось уговорить Стивена выйти на танцпол. Обнявшись, мы осторожно покачивались из стороны в сторону, пока оркестр не окончил выступление.

Однако до танцев дело все же дошло: еще раз посетив буфет и получив очередную порцию шампанского, мы обнаружили в укромном уголке подвала джазовый оркестр. В комнате было бы абсолютно темно, если бы не странные сполохи голубоватого света. Фигуры мужчин были неразличимы, однако их манжеты и воротнички сияли неестественно ярким светом; девушки же полностью терялись в сумраке. Меня заворожило это странное зрелище. Стивен объяснил, что особый свет ламп отражается от флуоресцентных частиц стирального порошка на одежде; именно поэтому рубашки молодых людей светились так ярко, в отличие от новых платьев девушек, еще не знавших прикосновения Tide, Daz или другого моющего средства и поэтому не сиявших призрачным светом. В темноте погреба мне наконец удалось уговорить Стивена выйти на танцпол. Обнявшись, мы осторожно покачивались из стороны в сторону, посмеиваясь над танцующими голубоватыми отблесками, пока, к нашему разочарованию, оркестр не окончил выступление и не отправился восвояси.

В ранние утренние часы двери всех колледжей, участвующих в Майском бале, открываются для любого посетителя. На рассвете мы доковыляли по Тринити-стрит до просторного помещения Тринити-колледжа, где чья-то чрезвычайно деятельная и ответственная подружка уже готовила завтрак. Я же упала в первое попавшееся кресло и тут же задремала. Какая-то добрая душа отвела меня, почти уже спящую, в пансион на Адамс-роуд, где я проспала до девяти утра.

Дневную программу для посетительниц Майского бала спланировали с эффективностью современного туроператора, с одним лишь отличием – она была более познавательной. Дополнительно к исследованиям на соискание степени доктора философии по химии друга Стивена Ник Хьюз и Том Уэсли увлеченно участвовали в издании путеводителя по послевоенной архитектуре Кембриджа в качестве его редакторов. Книга называлась *Cambridge New Architecture*²⁰ и планировалась к публикации в 1964 году. Стивен разделял их увлечение и играл в проекте роль приглашенного консультанта. Неудивительно, что им не терпелось продемонстрировать объекты своего исследования любым более-менее заинтересованным зрителям. Хотя в наше время к этим зданиям относятся скептически, в 60-е это был предмет восхищения, знак послевоенного восстановления и развития; новая волна дорог, зданий и ландшафтной перепланировки сметала на своем пути старинные постройки, луга и деревья. В то время консервация еще не вошла в моду.

²⁰ «Новая архитектура Кембриджа».

С рвением первопроходцев наши экскурсоводы перечисляли своим впечатлительным и невежественным гостям характерные особенности новой архитектуры, объекты которой были недавно завершены или еще не достроены. К ним относился проект Хью Кассона по обновлению улицы Сиджвика, а также Колледж Черчилля – памятник сэру Уинстону, чье беспокойство о недостатке ученых и инженеров в Англии привело к основанию колледжа в 1958 году. Потом нас отвели к Гарвей-Корт²¹, построенный колледжем Гонвиля и Каюса; это было здание, для чьего описания даже у создателей Cambridge New Architecture не находилось подходящих слов. Они лишь могли охарактеризовать его как «эксперимент, сила принуждения которого так велика, что со временем его обитатели даже начинают получать удовольствие от жизни в нем», а в его защиту добавили: «Это самое смелое решение из всех, что были реализованы в Кембридже для решения проблем, связанных с проживанием студентов». Я и не подозревала, что через двенадцать лет буду жить в непосредственной близости к этому сомнительному эксперименту в области современного жилищного строительства. Наконец в качестве уступки традиции и бонуса для обучающихся в менее достопримечательных университетах, нам разрешили заглянуть внутрь часовни Кингс-колледжа.

После обеда мы отправились на лодочную прогулку, а затем пришло время что-то решать по поводу дороги домой. «Думаю, мне лучше вернуться на поезде», – несмело предложила я Стивену, но он и слышать об этом не хотел. Не желая его обидеть, я вновь заняла пассажирское место в устрашающем «Форде-Зафире». Обратная дорога была ни на йоту не легче. К тому времени, как мы доехали до Сент-Олбансе, я приняла твердое решение: как бы ни был прекрасен Майский бал, я больше не собиралась участвовать в подобных аттракционах. Мама находилась в палисаднике, когда мы появились в воротах. Я скупно попрощалась со Стивеном: «Спасибо, до свидания» – после чего, ни разу не обернувшись, прошествовала в дом. Мама догнала меня, в ужасе от моего жестокосердия, и с упреком сказала: «Ты ведь не собираешься отправить бедняжку восвояси, не предложив ему даже чашечку чая?» От ее слов мне стало совестно. Я выбежала из дома, надеясь, что Стивен еще не уехал. Он сидел в машине, пытаясь завести двигатель. Машина, припаркованная у ворот, медленно скатывалась с крутой горки, поскольку он уже опустил ручной тормоз. С готовностью дернув тормоз кверху, Стивен остался на чай, который мы сервировали на лужайке в саду. Увлеченно пересказывая события бала моей маме, он вел себя очень внимательно и был абсолютно очарователен. Я переменила решение: Стивен мне очень нравился, а его дорожное безумие можно было и потерпеть при условии, что мне не придется участвовать в нем регулярно.

---

²¹ Студенческая резиденция, построенная в современном стиле.

4. Сокрытые истины

Прошло две недели, и в нашей семье произошло прибавление: родители решили поучаствовать в программе предоставления временного жилья французским студентам и взяли в дом шестнадцатилетнюю девушку, чья лучшая подруга по необъяснимой прихоти судьбы поселилась у Хокингов. Еще не закончился июнь – после Майского бала прошло совсем немного времени, – когда Изабель Хокинг пригласила меня и двух француженок съездить вместе с ней в Кембридж. К моему несказанному облегчению, ее манера вождения оказалась вполне заурядной; она поддерживала светскую беседу, высказывая мысли в интеллектуальной манере – живо и исчерпывающе, а приготовленный ею пикник (по ее выражению, «холодные закуски») превосходил все ожидания. Мы ели на веранде в комнате Стивена на первом этаже в доме на Адамс-роуд. Благодаря этим обстоятельствам я и мои родители стали ближе и чаще общаться с Хокингами. Когда Стивен в очередной раз приехал в Сент-Олбанс на выходные, родители пригласили его на обед, во время которого проявили безупречное гостеприимство и ничем не выдали беспокойства, вызванного его внешним видом. Между тем, Стивен вернулся к оксфордским привычкам. Его блестящая прямая челка спадала ниже, чем когда-либо, а пиджак-смокинг из черного бархата и красный галстук-бабочка превратились в униформу, в вечный манифест против того самого традиционализма, который воплощали мои родители. Со своей стороны, они, должно быть, утешались мыслью о том, что эта встреча подводит некий итог периоду сближения, так как я снова собиралась ехать в Испанию.

Когда Стивен в очередной раз приехал в Сент-Олбанс на выходные, родители пригласили его на обед, во время которого проявили безупречное гостеприимство и ничем не выдали беспокойства, вызванного его внешним видом.

Ранним июльским утром 1963 года папа отвез меня в Гатвик²² на студенческий рейс, отправление которого было назначено на девять утра, а прибытие в Мадрид – на час дня. Однако вылет отложили из-за неполадки в двигателе. Меня ничуть не обеспокоила ни задержка рейса, ни ремонт двигателя, ни тот факт, что после взлета с потолка самолета начала капать вода, постепенно превращаясь в сосульки. Меня несколько не смутил даже тот факт, что главный пилот и его помощники распивали пиво в кабине самолета, в которую нас, студентов, пригласили на экскурсию. Билл Льюис, знакомый нашего семейного врача, встречавший меня в аэропорту Мадрида, был значительно более взволнован. «Я думал, что ты летишь с пересадкой на Северном полюсе!» – пошутил он, когда я наконец вышла с таможенного контроля около пяти часов вечера. Он отвез меня к себе домой, где познакомил с супругой, пригласившей бывать у них в любой вечер после шести, а затем проводил до места, где нашел для меня пристанище. Его хозяйка по имени Пилар, миниатюрная черноволосая незамужняя женщина, была счастливой обладательницей необыкновенно масштабной и благоустроенной квартиры, расположенной в двух шагах от Льюисов. У Пилар жила еще одна англичанка, Сильвия, служащая посольства Великобритании. Сильвия тут же пожаловалась на друзей Пилар, которые могли нагрянуть в гости в любое время дня и ночи; выслушав ее, я постаралась спланировать свое время так, чтобы уехать из Мадрида как можно раньше, успев при этом насладиться каждым моментом пребывания в столице и ее окрестностях: посетить музей Прадо и съездить в королевские резиденции Аранхуэс и Эскориал на переполненном туристическом автобусе. Конечно же, я побывала и в Толедо, средневековом

---

²² Аэропорт в Лондоне.

городе, построенном на скале над рекой Тахо, где в XIII веке мирно сосуществовали евреи, арабы и христиане, занимаясь науками, а в XVII веке Эль Греко создал лучшие из своих полотен. С группой студентов я совершила паломничество в Долину Павших, el Valle de los Caídos, монументальный комплекс, задуманный как памятник погибшим по обе стороны баррикад в Гражданской войне²³, но фактически являющийся местом захоронения исключительно фашистов, включая самого Франко²⁴. Монумент был воздвигнут силами военнопленных из республиканской армии. Я начала понимать, что большинство изуродованных нищих на улицах Мадрида представляет собой трагический, живой след Гражданской войны, и это понимание стало для меня Испанией в новом, неприглядном прочтении, которое шизофреническим образом шло вразрез со старым впечатлением. В середине XX века это все еще была страна тревожных контрастов, запечатленных Гойей в XVIII и начале XIX века на картинах и рисунках, которые я видела в Прадо.

Тем временем в доме Пилар назревал кризис – по крайней мере, нас с Сильвией не покидало такое предчувствие. Мы уже несколько раз отклоняли ее приглашения на вечерний променад и в результате все чаще слышали раздраженный стук кастрюль на кухне, а время, равно как и наличие, трапез становилось все более непредсказуемым. Мне было немного неловко покидать Сильвию в беде, но я все равно купила билет на поезд с климатической установкой и сбежала в безопасную Гранаду, где надолго остановилась в международном студенческом общежитии с забавным и непредсказуемым контингентом. В основном это были испанцы, способные за секунду разговора перейти от политики к поэзии. Чтобы сохранить остатки разума, я иногда сменяла накаленную атмосферу дискусионных баталий на горячий воздух прогретых солнцем полуденных улиц Гранады и наблюдая за играми цыганских детей у входов в свои пещеры²⁵ или гуляла в окрестностях мавританского дворца Альгамбра, в садах Хенералифе, замороженная экзотической и экстравагантной красотой этого места.

Убаюканная ароматом роз и журчанием фонтанов, погруженная в полудрему, я часами сидела под арками во «дворе ручья»²⁶ Хенералифе, наблюдая оттуда за неприступными стенами, скрывающими внутренние дворы Альгамбры, изукрашенные причудливой тонкой резьбой. Распростертый под солнечными лучами, ослепительный город лежал у моих ног. Его сияние прерывалось лишь бутыльно-зелеными шпильями кипарисов и ярко-пурпурными и розовыми полосками бугенвиллеи, карабкающейся по снежно-белым стенам. Прекрасный город, но и невыразимо жестокий. Здесь был убит талантливейший из его сыновей. Именно в Гранаде в начале Гражданской войны в Испании повстанцы-оппозиционеры франкистских сил расстреляли величайшего испанского поэта XX века Федерико Гарсиа Лорку. Ритмы, образы и цветовая гамма его поэзии создали в моем воображении картину Андалусии задолго до того, как я впервые увидела ее воочию.

В то время как я предавалась длительному созерцанию неотступной красоты Гранады, меня одолевали приступы одиночества. В прошлом у меня уже бывали периоды чрезвычайной подавленности, причины которых я не знала. Теперь же она стала мне ясна и оказалась довольно предсказуемой: я просто нуждалась в человеке, с которым могла бы поделиться своими впечатлениями. Более того, я осознала, что больше всего мне хотелось бы поговорить

²³ Имеется в виду Гражданская война в Испании (июль 1936 – апрель 1939) – конфликт между Второй Испанской Республикой в лице правительства испанского Народного фронта (республиканцы, лоялисты) и оппозиционной ей испанской военно-националистической диктатурой под предводительством генерала Франсиско Франко (мятежники), в результате которого была ликвидирована Испанская Республика и свергнуто республиканское правительство.

²⁴ Франсиско Франко – испанский военный и государственный деятель, правитель Испанского государства в 1939–1975 годах. По его приказу была создана Долина Павших.

²⁵ В Гранаде цыгане издревле живут в земляных пещерах; этот обычай сохранился до сих пор.

²⁶ Патио-де-ла-Асекиа (*Patio de la Acequia* – «двор ручья»).

со Стивеном. С первых минут знакомства между нами возникло взаимопонимание, обещающее согласие и совместимость. Из-за его болезни любые отношения с ним были обречены на ненадежность, быстротечность и печальный конец. Могла ли я помочь ему реализовать себя и стать счастливым, пусть и ненадолго? Я сомневалась в своей пригодности для такой миссии, но мои новоприобретенные друзья из многонациональной среды, которым я открыла душу, в один голос советовали действовать решительно. «Если ты нужна ему, то ты просто обязана это сделать», – говорили они.

Некоторое время я пыталась утихомирить внутреннюю неразбериху, но в конце концов неодолимая жажда приключения оторвала меня от исторических красот Гранады и усадила в душный автобус, переполненный рыночными торговцами и их товаром (большей частью живым, хлопающим крыльями и кудахчущим). Я стояла на автобусной остановке в ожидании рейса до станции Ла-Линеа, последнего форпоста Испании перед Гибралтаром, когда ко мне подошел мужчина и спросил, не хочу ли я обучаться испанским танцам. К моему удивлению, он отметил, что у меня подходящая внешность и фигура. Хотя к тому моменту я весьма поднаторела в отшивании местных мачо, мне польстили его слова. Казалось, что мужчина действительно тот, за кого себя выдает. Он не говорил сальностей и не заигрывал; напротив, изъяснялся вполне откровенно. В руке он держал карточку с адресом его танцевальной студии. Я как раз взвешивала его предложение, когда из-за угла вынырнул автобус до Ла-Линеа и навсегда увез меня прочь от искушения. Иногда я чувствую легкий приступ сожаления о том, что тот автобус пришел вовремя, нарушив все неписанные законы передвижения испанского пассажирского транспорта. Кто знает, как сложилась бы моя жизнь, если бы он прибыл хотя бы несколькими минутами позже?

Я очень хотела помочь Стивену реализовать себя и стать счастливым, пусть и ненадолго.

Сойдя на Ла-Линеа, я перешла физический барьер, разделяющий Испанию и Гибралтар: он представлял собой баррикаду из крашеных в зеленый цвет металлических реек около шести метров в высоту и был оборудован воротами с пунктом таможенного контроля. Гибралтар, несмотря на всю нелепость присущей ему атрибутики британского колониализма, был наиболее удобным отправным пунктом для моей единственной в жизни поездки в Африку, в Танжер²⁷, где я впервые встретилась с потомками людей, завоевавших Испанию в 711 году и правивших ею более семисот лет, – с арабами. Они мне понравились. Со мной, юной англичанкой, путешествующей в одиночку, обращались крайне почтительно, в отличие от испанцев, не пропускавших ни одной иностранной юбки. Это были люди с глубоким чувством собственного достоинства, гордящиеся своим художественным мастерством и демонстрирующие его продукт в каждой торговой палатке Касбы²⁸. Их отличает кротость и гостеприимство, а также любопытство в отношении жизни в Европе; я имела возможность убедиться в этом за бесконечными чашками горячего и сладкого мятного чая, которым меня потчевали в каждой лавке, где я приобретала хотя бы одну грошовую безделушку.

Пока меня не было в Мадриде, над головой Сильвии уже просвистело несколько снарядов в виде гремящих кастрюль. Пилар все меньше устраивал размер прибыли, получаемой от постояльцев, тем более что у нее, несомненно, имелись и другие весомые денежные поступления разного происхождения. В связи с этим Сильвия была выдворена из своей комнаты и переселена ко мне. Мы решили, что нет худа без добра, а один в поле не воин. Однако Сильвию не устраивала перспектива остаться одной в столь опасной обстановке. До этого я не рассказывала Льюисам правды о жилье, которое они заботливо подыскали

²⁷ Крупный портовый город в Марокко.

²⁸ Крепость в самой высокой точке Танжера.

для меня: мне не хотелось, чтобы они сочли меня неблагодарной за их помощь и гостеприимство. Но теперь час истины настал. Мы решили проинформировать супругов о том, что происходит в *lacasade Pilar*²⁹. Сильвия пришла в их дом вместе со мной в приемное время – шесть вечера, – и мы поведали Льюисам о чередовании посетителей мужского пола, имевших определенно отталкивающий вид. Было очевидно, что Пилар держала бордель, пусть и не в коммерческих масштабах, и намерена была поставлять миловидных английских девушек на потеху своим обрюзглым стареющим знакомым. Мы рассказали о том, как нас пытались прижать в углу, когда мы возвращались домой вечером, подкарауливая нас за *sereno*, сторожкой ночного вахтера, хранившего ключи от всех домов на улице и появлявшегося по хлопку, чтобы отворить дверь в подъезд. Мы мимоходом упомянули о характерных звуках веселья определенного рода, вырывавшихся из-за дверей других комнат квартиры, и о подозрительном дребезжании ручки запертой двери, ведущей в спальню.

В лице британских экспатриантов, из которых состояло общество в гостиной Льюисов в мой последний вечер в Мадриде, мы с Сильвией нашли весьма благодарную публику для своих рассказов. Миссис Льюис поперхнулась джином с тоником, а другие гости завороженно ухмылялись. Сразу же появились ростки надежды на обретение Сильвией нового жилья в приоритетном порядке. Большинство из друзей Льюисов, как и Сильвия, работали в посольстве Великобритании, хотя до этого вечера она не знала лично никого из них. Они были людьми интересными, но скромными, что давало хорошую рекомендацию дипломатической службе и неплохую перспективу карьерного роста. На следующий день я вернулась в Англию студенческим рейсом. Мне было грустно оставлять позади все произошедшее со мной: многообразие впечатлений, видов и звуков, новых знакомых и связанные с ними интригующие истории, но я с еще большим нетерпением устремлялась к открывающимся мне непредсказуемым и разнонаправленным возможностям.

---

²⁹ В доме Пилар (*исп.*).

5. Принципы неопределенности

Мои попытки связаться со Стивеном после Испании были безрезультатны. Его мать сказала, что он уже вернулся в Кембридж и что дела с его здоровьем очень плохи. Приближалась осень, и я готовилась к отъезду из дома; меня ожидал новый жизненный этап – учеба в Лондоне. На следующие несколько недель я с головой окунулась в академическую и социальную круговерть Уэстфилда в частности и Лондона в целом. Концерты, театр и балет внезапно оказались прямо под боком. Я как раз направлялась на одно из мероприятий, толкаясь в лондонской подземке с группой приятелей, когда нам в глаза бросились заголовки, кричащие об убийстве президента Кеннеди. Тогда же, в ноябре 1963 года, снова объявился Стивен. Он собирался приехать в Лондон к стоматологу и хотел узнать, не соглашусь ли я сходить с ним в оперу. Перспектива была значительно более соблазнительной, чем танцы для первокурсников, представлявшие собой, несмотря на повальную битломанию, полную катастрофу: мальчики подпирали стенки до последнего танца. Хотя я с детства любила музыку, мне не доставало формального образования в этой сфере, и в опере я была лишь раз – вместе с классом, на «Свадьбе Фигаро» в «Сэдлерс-Уэлс»³⁰. Моя единственная попытка освоить музыкальный инструмент – флейту – безвременно канула в Лету, когда в возрасте тринадцати лет я сломала обе руки, катаясь на коньках по замерзшему озеру в парке, расположенном на месте древнеримского города Веруламия, предшественника Сент-Олбанса.

В том ноябре в пятницу во второй половине дня мы со Стивеном встретились на Харли-стрит, где у его дяди, австралийца Рассела Коула, был стоматологический кабинет. Стивен шел, прихрамывая, раскачиваясь из стороны в сторону; для поездки на любое сколько-нибудь протяженное расстояние ему требовалось такси, ставшее дорогостоящей необходимостью. Примечателен был тот факт, что чем более шаткой становилась его походка, тем больше крепили и ожесточались убеждения. Мы решили посетить Собрание Уоллеса³¹, находившееся в нескольких шагах от Харли-стрит; по пути он объявил, что вовсе не разделяет всеобщего преклонения перед героизмом убитого президента. По его мнению, поведение Кеннеди во время Кубинского ракетного кризиса иначе как безрассудным не назовешь; из-за него весь мир находился на грани атомной войны; угроза военного вмешательства исходила в первую очередь от Кеннеди, а не от русских. Более того, продолжал Стивен, со стороны Соединенных Штатов объявление победы было каламбуром, поскольку Кеннеди согласился вывести американские ракеты из Турции лишь для того, чтобы умиловить Хрущева. Несмотря на энергозатраты, требуемые для столь яростного отстаивания собственных идей, и затруднения, связанные с передвижением, Стивен был неутомим; поэтому после Собрания Уоллеса мы спустились по Риджент-стрит в поисках ресторана. Мы переходили улицу, и посередине дороги, в тот момент, когда для автомобилей загорелся зеленый, Стивен споткнулся и упал. С помощью прохожего я помогла ему подняться, и после этого он опирался на мою руку. Наша вера в себя была подорвана; мы подождали такси и поехали в Сэдлерс-Уэлс, на оперу «Летучий голландец». Впечатление оказалось мощное: мы были потрясены великолепием музыки и драматизмом легендарного сюжета. Голландец, обреченный скитаться по штормовым морским волнам, пока не найдет ту единственную, готовую пожертвовать собой ради любви к нему, предстал в диком затравленном образе и проклинал судьбу, раскачиваясь на подмостках бутафорского корабля. Сента, влюбленная в него

³⁰ Оперный театр в Лондоне.

³¹ Wallace Collection (*англ.*) – сравнительно небольшой (ок. 5500 экспонатов), но редкостный по подбору и качеству предметов частный художественный музей в лондонском квартале Марилебоун. Представляет собой одно из лучших в мире собраний французского искусства XVIII века (картины, фарфор, антиквариат).

девушка, была невинна и чиста. Тем не менее, как и большинство сопрано в операх Вагнера, она оказалась достаточно увесистой, чтобы твердо держаться на поверхности вращающейся части сцены. Я почувствовала, что Стивен идентифицирует себя с главным героем, и начала понимать причины его демонической манеры вождения автомобиля. Отцовская машина была для него способом выражения ярости в ответ на удар, нанесенный ему Судьбой. Он, как и «Голландец», скитался по мирским волнам в поисках спасения, демонстрируя поведение, которое иначе как безрассудным не назовешь.

После вечера в опере я почувствовала желание побольше узнать о состоянии здоровья Стивена. Я совершила несколько вылазок в Лондон в поисках старых знакомых, поступивших на медицинский факультет, и обивая пороги невыразительных офисов благотворительных учреждений, работающих с неврологическими заболеваниями. Каждый раз я возвращалась несолоно хлебавши. Возможно, незнание стало наименьшим из возможных зол. Да и была ли судьба менее благосклонна к Стивену, чем ко всем нам? Над миром нависала угроза атомной войны, и никто не мог быть уверен в том, что проживет положенные ему семьдесят лет.

В период зимнего бесцветного затишья между Рождеством и Новым годом я зашла к Стивену домой в Сент-Олбанс. Я застала его на пороге – он собирался в Лондон на очередную оперу вместе с отцом и сестрами. Однако его радость при виде меня была настолько неподдельной, что я без колебаний приняла его спонтанное приглашение сопровождать его и отца через неделю в такой же поездке – на этот раз нас ожидала опера Штрауса «Кавалер розы». Судя по всему, походы в оперу были традиционным времяпрепровождением в семье Стивена, тогда как я являлась неофитом и пока еще не составила определенного мнения об этой смешанной форме искусства. Сочетая в себе музыку и актерскую игру, опера вызывала сильное эмоциональное потрясение у зрителя; тем не менее потеря концентрации даже на секунду грозила выпадением из контекста до такой степени, что происходящее на сцене казалось абсурдным. В следующем семестре Стивен, судя по всему, обнаружил неисчерпаемый источник билетов в оперу: он то и дело приезжал в Лондон, чтобы отвести меня в Ковент-Гарден или Сэдлерс-Уэлс. Однажды я заикнулась о том, что с большим удовольствием сходила бы на балет (его я люблю с тех пор, как мне исполнилось четыре), но это предложение было отвергнуто с сокрушительным презрением. Я узнала, что балет – это бесполезная трата времени, музыка в нем тривиальна и не стоит того, чтобы ее слушали. Услышав такую отповедь, я не сказала Стивену о том, что при помощи студенческого профсоюза мне удалось достать билет на «Ромео и Джульетту» Чайковского с Фонтейн и Нуриевым. Мы с девочками сидели на дешевых местах, на заднем ряду амфитеатра Ковент-Гарден, высоко над бельэтажем, где обычно сидели Хокинги. Представление было божественным и оставило у меня лучшие воспоминания.

Никто не мог быть уверен в том, что Стивен проживет положенные ему семьдесят лет.

Стивен продолжал часто навещать меня в Лондон на семинары и к своему стоматологу, а я начала ездить в Кембридж на субботу или воскресенье. Мы ожидали этих встреч с нетерпением, но они всегда оборачивались обоюдным неудовлетворением. Поездки за десять шиллингов в оба конца пробили дыру в моем бюджете, составлявшем десять фунтов в месяц, а корабль любви то и дело попадал в шторм. Не требовалось быть семи пядей во лбу, чтобы понять, что Стивен не собирался вступать в длительные стабильные отношения из-за неблагоприятного прогноза врачей. Он мог себе позволить лишь кратковременный роман, что было неприемлемо для меня, невинной девушки, воспитанной в пуританском духе начала 1960-х, когда страх нежелательной беременности все еще являлся весьма существенным сдерживающим фактором. В результате столкновения взглядов на эти вопросы между нами

возникло такое напряжение, что я часто возвращалась в Лондон в слезах, а Стивен, похоже, чувствовал, что мое присутствие сыплет соль на его рану. Его эмоциональные проявления были скудны, и он отказывался говорить о своей болезни. Не желая причинять ему боль, я пыталась догадаться о его чувствах, не настаивая на том, чтобы он их проговаривал, тем самым неосознанно способствуя становлению традиции избегать коммуникации, что в итоге стало невыносимым. Зимой мы снова встретились на Харли-стрит после его визита к стоматологу. «Как все прошло?» – спросила я. Стивен скорчил гримасу: «Он сказал мне, чтобы я больше не приходил. Он уже ничем не может помочь».

В Уэстфилде моя соседка по комнате Маргарет Смитсон сопровождала меня на встречах Христианского союза, где я надеялась найти подсказки для разрешения сложившейся ситуации, которая меня беспокоила тем больше, чем сильнее я в нее вовлекалась. Как и его родители, Стивен не стеснялся говорить о своем атеизме, несмотря на то что его йоркширские бабка и дед были методистами. Понятно, что специалист по космологии, изучающий законы, которым подчиняется Вселенная, не мог допустить, чтобы иррациональная вера в Создателя добавляла путаницу в его расчеты, даже не принимая во внимание то, что болезнь также вносила свою лепту в нарушение стройности его мышления. Что касается меня, то я была счастлива избавиться от скучных воскресных посещений церкви, но не собиралась полностью отказаться от веры. Даже в то время, возможно, под влиянием матери, я не теряла убеждения в том, что земля и небо повинуются более возвышенным законам, чем те, которые диктовала холодная обезличенная философия Стивена. Хотя я уже была очарована им, полностью околдована прямым взглядом его серо-голубых глаз и широкой улыбкой, от которой возникали ямочки на щеках, его атеизм все еще вызывал во мне сопротивление. Инстинктивно я понимала, что не могу позволить себе уступить в этом вопросе, потому что такое влияние было бы негативным: в моей жизни не осталось бы никакого утешения, поддержки и надежды на лучшее. Атеизм уничтожил бы нас обоих. Я должна была ловить каждый лучик надежды, чтобы иметь достаточно веры для нас обоих, если из нашего затруднительного положения мог выйти хоть какой-нибудь толк.

После визита к стоматологу Стивен произнес: «Он сказал мне, чтобы я больше не приходил. Он уже ничем не может помочь».

Встречи Христианского союза были малочисленны, а со временем посетителей становилось все меньше. Темой для обсуждений в том семестре служила природа божественной благодати, но скоро стало ясно, что лидеры группы, в числе которых был молодой капеллан, которого мы называли «Преподобный Гороховый Суп» (по созвучию с его именем), придерживались твердого убеждения, что лишь практикующие христиане, прошедшие обряд крещения и регулярно причащающиеся, достойны божественной благодати, спасения и тому подобных милостей Божьих; только такие христиане, по их мнению, достойны Царствия Небесного. Мы с Маргарет были настолько возмущены, что демонстративно покинули собрание, яростно составляя списки родственников, друзей, просто хороших людей, не соответствовавших критериям отбора, и продолжали обсуждать эту тему между собой в течение долгого времени. Обсуждение продолжилось и в каникулы, которые я провела с Маргарет у ее родителей в Йоркшире.

Сейчас студенты-филологи все чаще проводят за границей целый год, изучая иностранный язык. В 60-е считалось роскошью провести даже один семестр в стране, язык которой ты изучаешь. В конце апреля нас, студентов Уэстфилда, отправили на запланированный курс в университете Валенсии. Ехать надо было с пересадкой: сначала на поезде, потом на корабле. Добравшись до места назначения, мы обнаружили, что никакого курса нет и в помине; все, что нам мог предложить университет, – это несколько лекций о Шекспире на испанском языке. На нас налагалось единственное обязательство: забрать сертификаты

посещения в конце семестра (присутствовать на лекциях было необязательно). Мы сходили на одну лекцию, представлявшую собой пародию на анализ «Макбета», и решили, что с нас достаточно. В школе мне хватило Шекспира на всю жизнь; дополнительная доза на испанском была мне противопоказана. Однокурсники полностью меня поддерживали, и мы единогласно выбрали пляж.

Две недели спустя все остальные так же продолжали ходить на пляж, а я лежала в своей комнате на седьмом этаже кондоминиума, прикованная к постели страшной головной болью, которую я считала последствием солнечного удара, но которая на поверку оказалась тяжелым случаем ветрянки. Я и без этого чувствовала себя ужасно несчастной. Мне очень не хватало Стивена: общение по телефону тогда не было принято, а писем он мне не писал, хотя я написала ему, наверное, сотню. Я находила утешение лишь у своих друзей из Уэст-филда, чьи посещения были той ниточкой, которая связывала меня с окружающим миром, а также у хозяйки квартиры, Доньи Пилар да Убеда, и ее дочери Марибель, доброй, как ангел, женщины средних лет. Я понемногу начала выздоравливать и выходила на кухню, где Донья Пилар давала мне уроки испанской кухни, что было значительно полезнее, чем Шекспир на испанском. Она научила меня разделять апельсин на четверти, не раздавив дольки, готовить гаспачо и паэлью и брала с собой за покупками. К счастью, сыпь на моем лице и присутствие августейшей матроны обеспечивали свободу от посягательств праздношатающихся мужчин. Вернувшись в квартиру, я сидела в гостиной, слушая две пластинки, которые привезла с собой, – Симфонию № 7 Бетховена и отрывки из «Тристана и Изольды» Вагнера, – пока меня не начинало тошнить от них. Вторая пластинка приводила меня на вершины самоистязания и душевных мук. Наконец долгожданный момент настал: я села в поезд до Барселоны, откуда должна была отправиться домой. Я покидала Валенсию с чувством облегчения: несмотря на сочность ее апельсинов и вездесущий аромат лимонных рощ, во рту осталось неприятное послевкусие постоянных сексуальных домогательств и горечь репрессивного режима, позволявшего себе запиравать студентов на ночь в тюрьму и изымать компрометирующие страницы импортной газеты «Таймс» перед продажей.

Мои родители привезли Стивена повидаться со мной. Воссоединение было счастливым, но радость скоро угасла. Я почувствовала, что в мое отсутствие он изменился: не с точки зрения физического состояния (он лишь начал ходить с тростью), но в личностном плане. У него была глубокая депрессия, которая проявлялась в грубом, безжалостном цинизме и лишь усугублялась часами прослушивания опер Вагнера на полную громкость.

Он стал еще более сдержанным и закрытым и был настолько поглощен собой, что, предложив научить меня играть в крокет на лужайке Тринити-холла, через несколько минут практически перестал замечать мое присутствие. Отбросив трость, ставшую его постоянной спутницей, он дал краткие инструкции; я направила мяч к первым воротцам, но промахнулась. Тогда он взял свой молоток и провел мой мяч по всей дистанции до самого финиша, так и не дав мне шанса попробовать еще раз.

Я стояла с открытым ртом, одновременно удивленная и раздосадованная. Демонстрация силы впечатляла, но Стивен не дал себе труда скрыть свою враждебность и разочарование, как будто бы нарочно стараясь отвратить меня от общения с ним. Но оказалось уже поздно. Я была так сильно влюблена, что легкого или очевидного способа расстаться не видела.

Скорое расставание стало болезненным, но это оказалось лучше для нас обоих. Стивен с сестрой Филиппой собирался в Германию, в паломничество на место поклонения Вагнеру – Байройтский фестивальный театр, куда у них были билеты на все четыре части цикла «Кольцо нибелунга». Оттуда они планировали отправиться поездом за железный занавес, в Прагу. В это время я должна была сопровождать отца на международной правительственной конференции в Дижоне, где меня поселили в местной семье, состоявшей из пожилых супру-

гов и их умудренной жизненным опытом двадцатипятилетней дочери, у которой имелась работа и бойфренд. Не могу сказать, чтобы мне не хватало развлечений: программа отцовской конференции была рассчитана на пару дней рабочих заседаний, а затем состояла из увеселений, к которым меня пригласили присоединиться. Поскольку мы находились в Бургундии, то, естественно, посещали виноградники – знаменитые местные Clos. Так начался, возможно, самый приятный этап моего образования, связанный с развитием разборчивости в моих вкусовых рецепторах, в процессе которого меня ожидало приятное знакомство со всемирно известными наименованиями и прекрасными винными букетами бургундского, нюи-сен-жорж, кот-де-бон и кло-де-вужо. Рекламный лозунг нюи-сен-жорж взывал к моему невинному любопытству: соблазнительно-бархатистый вкус вина, как было сказано, напоминает «la nuit des noces, douce et caressante...»³².

Из Дижона мы поехали на машине в аэропорт Женевы, чтобы встретить маму. Следующие несколько дней мы провели в нашем любимом уголке Бернских Альп, крохотной деревушке Хофлух над перевалом Бреннер с видом на долину реки Ааре и поселок Меринген, где без усталости любовались сказочными окрестностями. Перед отъездом в Италию папа отвез нас в Люцерн, средневековый город на берегу озера, где показал нам старинный деревянный мост, в пролетах которого сохранилась серия картин «Танец смерти». Он указал на фигуру Смерти в белом одеянии, выбирающую себе жертву, чтобы заключить в свои объятия и унести прочь, навстречу судьбе.

Италия была изумительна: это оказался праздник для ума и сердца. Искусство, история, музыка, свет и цвет встречались повсюду, куда бы мы ни отправились, – Комо, Флоренция, Сан-Джиминьяно, Пиза, Сиена, Верона, Падуя – в головокружительном потоке витиеватого изобилия. Однажды вечером во Флоренции, проведя день в обществе Микеланджело, Боттичелли, Беллини и Леонардо да Винчи, мы с мамой сидели у окна, из которого открывался вид на реку Арно и Палаццо Питти, куда мы собирались на концерт. Именно в этот волнующий момент она рассказала мне о причинах, побудивших ее выйти замуж за моего отца перед началом войны. Она сказала, что хотела иметь возможность самостоятельно ухаживать за ним, если бы он был ранен. Через несколько дней я вспомнила о ее признании, звучавшем как предсказание: в Венеции, в отеле Делла Салюте, расположенном вдоль узкого канала по соседству с одноименным собором, я получила открытку, которую торжественно вручил мне менеджер. Открытка, изображавшая вид на замок в Зальцбурге, оказалась от Стивена.

У Стивена была глубокая депрессия, которая проявлялась в грубом, безжалостном цинизме и лишь усугублялась часами прослушивания опер Вагнера на полную громкость.

Я была вне себя от радости. Неужели Стивен тоже думал обо мне, как и я о нем? У меня появились основания для надежды, что он хотел бы увидеться со мной в конце лета. Открытка содержала необыкновенно много новостей. Он приехал в Зальцбург на заключительную часть фестиваля и удивлялся его контрасту с Байройтом. Чехословакия ему понравилась, все было удивительно дешево, что составило отличную рекламу коммунизму. Он ничего не написал о том, что неудачное падение в поезде в Германии лишило его передних зубов: это обеспечило дядю на Харли-стрит большим объемом болезненной для пациента работы. Нахлынувшие романтические переживания, хоть и переданные на расстоянии, сделали Венецию – ее каналы, лагуны, палаццо, соборы, галереи и островки – еще более прекрасными; однако в нетерпении открыть новую страницу собственной истории я не сожалела о том, что нужно вернуться в Швейцарию. Из Базеля мы полетели домой на

³² Первую брачную ночь, полную ласк и нежности (фр.).

самолете, разместив автомобиль в его грузовом отделении: такая экстравагантная концовка была, впрочем, вполне оправданна, учитывая то, сколько тысяч миль мой отец провел за рулем, кося по Европе в течение долгих лет.

Стивен был рад видеть меня. Интуитивно я понимала, что он начал более оптимистично воспринимать наши отношения и, возможно, решил, что не все еще потеряно, а будущее не обязательно должно быть столь трагичным, каким оно рисовалось ему под действием мрачных предчувствий. Вернувшись в Кембридж, однажды темным дождливым октябрьским вечером он застенчиво прошептал мне предложение выйти за него замуж. Эта минута перевернула наши жизни и заставила меня навсегда забыть о карьере в дипломатической службе.

6. Семейная история

Как только главное решение было принято, все остальное постепенно встало на свои места, если не автоматически, то с некоторым усилием с нашей стороны. Следующий год пролетел незаметно в приливе эйфории. Какие бы сомнения по поводу состояния здоровья Стивена ни терзали моих друзей и родственников, они благоразумно держали все при себе и комментировали лишь эксцентричное поведение членов семьи Хокинг.

Их замечания меня не очень беспокоили, поскольку мне нравились Хокинги, а к их эксцентричности я относилась с почтительным любопытством. Они всегда рады были видеть меня у себя дома и относились уже как к члену семьи. Да, они экономили на предметах быта, предпочитая старые проверенные вещи новомодным, и перебарщивали со строгостью в вопросе отопления (тем, кто жаловался на холод, безапелляционно предлагалось поступить как Фрэнк Хокинг и одеться потеплее – например, надеть халат, путь даже днем). Более того, как я уже имела случай заметить, некоторые части дома были, мягко говоря, немного обветшалыми. Тем не менее все это не стало для меня новостью, а лишь указывало на то, что хозяева придерживались определенных приоритетов, не чуждых и моей семье. Мои родители тоже экономили каждое пенни всю свою сознательную жизнь. Мы были небогаты, и нам часто приходилось довольствоваться малым и ремонтировать старые вещи, потому что большая часть дохода отца уходила на наше образование и чудесные летние каникулы. У нас в доме не было центрального отопления, и я привыкла сидеть у камина, обжигаящего мое лицо и пальцы ног, в то время как за спиной гуляли леденящие струйки сквозняков. Ночью я прижимала онемевшие ступни к бутылке с горячей водой, зная, что утром, когда на окне расцветут морозные папоротники и пальмы, обнаружу на ногах водянистые волдыри – цена, которую я платила за кратковременное тепло. Если наш дом и выглядел лучше, чем у Хокингов, то это лишь благодаря тому, что он был меньше, к тому же, что отец уже давно оставил попытки проявить себя в качестве мастера на все руки. У него были для этого веские основания, поскольку его попытки что-либо отремонтировать заканчивались плачевно: потолок падал ему на голову, а краска разлеталась по всему помещению, минуя цель. Поэтому он принял решение, что дешевле и надежнее будет доверять ремонт профессионалам.

В моем присутствии Хокинги редко действовали в соответствии с мифом о чтении за столом, принятом в их семье. Трапезы обычно сопровождалась общей беседой, которую спокойно направляла мать Стивена, стойчески переносившая вспыльчивый характер мужа. Фрэнк Хокинг, требовательный и резкий, в глубине души не был жестокосердным. Его выпады большей частью направлялись на вопиющие промахи неодушевленных предметов, например кухонный нож, который отказывался резать, разбитое стекло или упавшую вилку, но никогда – на людей из круга семьи. В общении с юным Эдвардом, склонным к истерикам перед отходом ко сну, он проявлял чудеса сдержанности и терпения. Что касается Стивена, которого, очевидно, больше не мучили наплывы плохого настроения, то его бесстрастный философский взгляд на жизнь стал залогом более мирного семейного климата.

Разговоры за ужином были, как я и ожидала, интеллектуального характера и касались в основном политических и международных вопросов. Поскольку Филиппа поступила в Оксфорд, где изучала китайский язык, то речь часто заходила о «культурной революции»³³. Я была мало осведомлена в части восточной истории и политики, поэтому сочла благоразумным хранить молчание, дабы не выдать свое невежество. Испания и Франция представля-

---

³³ Великая пролетарская культурная революция – серия идейно-политических кампаний 1966–1976 годов в Китае, развернутых и руководимых председателем Мао Цзэдуном, который поставил цель дискредитировать и уничтожить политическую оппозицию и установить режим личной власти.

лись узкими и малозанятыми предметами в сравнении с Востоком, и никто из присутствующих не выражал ни малейшей заинтересованности ими и их культурой. В любом случае Хокингам было известно о Франции все, что должно знать, поскольку у Изабель имелись французские родственники. Им также было известно и то, что должно знать об Испании, поскольку она с детьми прожила три месяца в непосредственной близости от дома Роберта Грейвса³⁴ в деревне Дейя на острове Майорка, когда зимой 1950 года Фрэнк находился в длительной отлучке, изучая тропическую медицину в Африке. Берил Грейвс была подругой Изабель со студенческих лет в Оксфорде, а имя Роберта Грейвса почиталось Хокинггами как икона.

После ужина, когда со стола была убрана посуда, молодая часть публики играла в настольные игры. Стивен фанател по настольным играм с раннего детства и вместе с лучшим другом Джоном Маккленаганом разработал длинную и сложную династическую стратегию, в состав которой входили генеалогические древа, поместное дворянство, обширные земельные владения, епископства для младших сыновей и налоги на наследство. К сожалению, эта игра не сохранилась, так что нам пришлось снисходить до Cluedo³⁵, скрабла³⁶ и маджонга, знаменитого своей сложностью китайского домино с изящными резными фишками из слоновой кости. Я уже была свидетелем удивительных достижений Стивена в области крокета; его предложение научить меня игре в шахматы повлекло за собой те же последствия. Тем не менее для игры в скрабл я не нуждалась в наставнике, поскольку игры в слова всегда хорошо мне удавались – это искусство я усвоила еще в детстве из многочисленных игр «Лексикона», открытых для меня говорливой и изобретательной тетей Эффи, сестрой моей бабушки, у которой я гостила в северном Лондоне.

Если для настольных игр не набирался кворум, то после ужина мы со Стивеном сидели у огня, слушая, как его мать пересказывает эпизоды семейной истории. Я обожала ее рассказы и хотела стать похожей на нее. Она была выпускницей Оксфорда, до замужества работала налоговым инспектором, отличалась интеллектом и остроумием, но полностью отдала себя семье, очевидно, не обладая никакими профессиональными амбициями. В то время она преподавала историю в частном пансионе для девочек в Сент-Олбанс, где ее значительный интеллектуальный потенциал явно недооценивали. Она взяла на себя труд рассказать мне о своем прошлом и прошлом семьи Хокинг и выполняла эту миссию с философской отстраненностью. В родительской семье она была вторым по счету ребенком из семи, родилась в Глазго, где ее отец, сын богатого котельщика, работал врачом. Хотя ее семья переехала в Плимут на корабле в ранние годы ее жизни, она прекрасно помнила строгий аскетизм дедовского дома в Глазго, где семейная молитва в гостиной, обязательная для посещения всех членов семьи и слуг, составляла единственное дозволенное развлечение. По материнской линии ее предком был Джон Ло оф Лористон³⁷, который, разорив французов в XVII веке, переехал в Луизиану. В ее рассказе оживали разнообразные затяжные семейные междоусобицы, большинство из которых касалось денег, поскольку лишение неугодного родственника наследства по завещанию было весьма распространенным и приемлемым способом выражения глубокого пуританского недовольства.

Предки отца Стивена были богобоязненными йоркширскими фермерами. Их притязания на знатность связывались с одним из предков, который в начале XIX века служил наместником у герцога Девонширского. В ознаменование своего высокого положения он

³⁴ Роберт Грейвс (24 июля 1895, Лондон, – 7 декабря 1985, Дейя, Майорка) – британский поэт, романист и критик.

³⁵ Cluedo (слияние *англ.* clue – улика и *лат.* ludo – играю) – настольная игра детективного жанра.

³⁶ Игра, в ходе которой игроки должны составить максимальное количество слов из отдельных букв на игровой доске.

³⁷ Джон Ло оф Лористон (John Law of Lauriston; 21 апреля 1671, Эдинбург, – 21 марта 1729, Венеция) – шотландский финансист, основатель Banque générale и создатель так называемой системы Ло.

построил для себя значительных размеров особняк в Боробридже, Йоркшир, и назвал его Четсворт. С той поры состояние семьи значительно сократилось, вследствие чего некоторые сельскохозяйственные проекты дедушки Стивена привели к разорению, так что бабушка Стивена вынуждена была спасать пятерых детей – четверых сыновей и дочь – от прозябания в нищете. Она справилась с этой задачей, открыв школу в собственном доме. Успех предприятия приписывают сильному характеру бабушки. Деньги, богатство, его приобретение и утрата постоянно фигурировали в рассказах Изабель, склонной ценить в людях в первую очередь умственные способности, а не честность или доброту. Обаяние рассматривалось как серьезный недостаток, а обладавшие им люди – как те, кому ни при каких обстоятельствах не стоит доверять.

Предки Стивена были богобоязненными йоркширскими фермерами.

Поскольку у матери Стивена было семь братьев и сестер, а у его отца – пять, он мог похвастаться наличием целого полка двоюродных братьев и сестер и армии троюродных. Мои родители, напротив, выросли единственными детьми; поэтому у меня не было кузенов, лишь троюродные братья и сестры, один в Австралии, остальные в сельской части Норфолка. По этой причине я была потрясена знакомством с таким количеством людей, которые не только являлись близкими родственниками, но и обладали значительным внешним сходством. Со стороны матери Стивена все отличались высокими скулами, близко посаженными голубыми глазами и волнистыми каштановыми волосами, а со стороны отца лица у всех были длинные и обвисшие книзу. На меня немного походил лишь мой брат; а у Стивена имелось тридцать три кузена, похожих друг на друга и на него самого.

Хотя многие из них жили за границей, часто женились и разводились, мне удалось повстречать многих из них, а также их друзей, мужей, жен и даже бывших супругов за время семейных слетов, которыми ознаменовалась та памятная зима. Со мной общались открыто и дружелюбно, и я начала ощущать преимущества большой семьи: ощущение потери внешней индивидуальности компенсировалось чувством безопасности, связанным с принадлежностью к этой группе. Новизна этого чувства была упоительной, а мой семейный круг, состоящий из родителей, брата, одной бабушки и двух ее сестер, стал казаться мне весьма малочисленным.

Со стороны матери Стивена все отличались высокими скулами, близко посаженными голубыми глазами и волнистыми каштановыми волосами, а со стороны отца лица у всех были длинные и обвисшие книзу.

Среди Хокингов нашелся, однако, человек, не испытывающий характерной для них самоуверенности. Услышав о нашей помолвке, тетя Стивена Мюриэль объявила, что ей просто необходимо покинуть Йоркшир, чтобы посмотреть, на ком это женится ее Стивен. Мюриэль была единственной сестрой Фрэнка Хокинга. Будучи самым робким из членов семьи, она заботилась о стареющих родителях и нигде не работала, несмотря на свою музыкальную одаренность. Ей уже перевалило за шестьдесят, и на ее грустном одутловатом лице и в мягком взгляде больших карих глаз проступали следы несбывшихся надежд. Она была предана своему брату Фрэнку и его старшему сыну и восхищалась интеллектуальным превосходством других членов семьи, не имея возможности подняться до их уровня. Ее просторечные выражения вызвали отчужденность в семье, хотя Стивен, бывший, по понятиям методистов, ее крестным сыном, всегда относился к ней с добротой и терпением. Я часто останавливалась поболтать с тетей Мюриэль или же скрывалась на чердаке у бабушки Уокер, чтобы отдохнуть от атмосферы интеллектуального соперничества, царившей в обеденном зале.

Стивен порой резко отзывался о людях, не входящих в семейный круг.

Стивен порой резко отзывался о людях, не входящих в семейный круг. Он снова стал самоуверенным и демонстрировал свои оксфордские замашки в каждом разговоре, шокируя людей провоцирующими заявлениями. Он глубоко огорчил мою миролюбивую бабушку, к которой мы приехали погостить на выходные, заявив, что собор Норвича – ничем не примечательное здание. Моих друзей он считал легкой добычей и без всякого смущения монополизировал слушателей на вечеринках своими экстравагантными суждениями, часто доминируя на социальной сцене при помощи громогласной и веской аргументации.

Мне он доказывал, что искусственные цветы во всех отношениях превосходят живые и что мой любимый композитор Брамс был второсортным, так как не мог справиться с оркестровой партитурой. Рахманинов годился только в музыкальную мусорку, а Чайковский не умел сочинять ничего, кроме балетов. До сих пор мои знания о композиторах были на зачаточном уровне: я знала о Рахманинове и Чайковском лишь то, что их музыка глубоко волнует меня; что касается оркестровок Брамса, то я не имела о них никакого представления. Лишь намного позже я выяснила, что если Вагнер и презирал Брамса, то это чувство было взаимным. Я молча порадовалась этому и, разумеется, промолчала.

Хотя мне импонировало нежелание Стивена поддерживать светскую беседу, я начала нервничать по поводу того, что его отдающее безвкусицей высокомерие подвергает меня опасности лишиться друзей и даже родственников. В какой-то момент я испугалась, что он сведет на нет мои шансы на научную деятельность. Я заранее смирилась с тем, что из-за него мне придется оставить надежды на дипломатическую карьеру, но не готова была позволить ему уничтожить мои исследовательские амбиции. Когда я представила его своему куратору Алену Дейермонду, в то время побуждавшему меня к написанию диссертации в области средневековой литературы, Стивен буквально превзошел себя. Размахивая стаканом с хересом с таким видом, будто повторяет азбучную истину, он с огромным наслаждением высказал Алену Дейермонду и моим однокурсникам мнение, что изучать средневековую литературу так же полезно, как считать гальки на пляже. К счастью, Ален тоже был выпускником Оксфорда: он с готовностью подобрал брошенную перчатку и показал Стивену, почем фунт лиха. Спорный вопрос так и не был урегулирован, однако оппоненты расстались друзьями. По дороге домой в машине я выразила протест, на что Стивен лишь пожал плечами и сказал: «Ты слишком эмоционально к этому относишься».

Убеждение Стивена в том, что интеллектуальные споры никак не влияют на личные отношения, было поставлено под вопрос в этом же году. Профессор Фред Хойл, отказавшийся стать научным руководителем Стивена по аспирантскому исследованию, в то время был одним из первопроходцев в популяризации науки при помощи телевидения. Он приобрел широкую известность; благодаря своему успеху ему удалось убедить правительство выделить средства на собственный Институт астрономии в Кембридже. Было известно заранее, что если к его требованиям не прислушаются, то он пополнит ряды британских ученых, обогативших научный потенциал Соединенных Штатов. Он обладал властью и популярностью; к его недавним работам проявляла живой интерес пресса – в особенности к написанным в соавторстве с аспирантом из Индии Джаянтом Нарликар, чей кабинет находился рядом с кабинетом Стивена в старом здании Кавендишской лаборатории³⁸ в Кембридже.

В преддверии публикации новая статья Хойла, развивающая теорию стационарной Вселенной, разработанную им вместе с Германом Бонди и Томасом Голдом, была представлена собранию выдающихся ученых Королевского общества³⁹. Затем объявили время для вопросов, которые в таких случаях обычно задаются в почтительном тоне. Стивен при-

³⁸ Физическая лаборатория при Кембриджском университете (Великобритания). Основана в 1871 году. Первоначально использовалась лишь как учебная база для подготовки физиков-экспериментаторов, позднее (главным образом под руководством Дж. Дж. Томсона и Э. Резерфорда) превратилась в одну из ведущих научно-исследовательских лабораторий мира.

³⁹ Ведущий научный центр, выполняющий функции национальной академии наук в Великобритании.

сутствовал на презентации и ждал своего часа. Наконец он поднял руку, которую заметил председатель. Все увидели, как этот еще ничем не отличившийся аспирант-исследователь с усилием поднимается на ноги и начинает при всем честном народе попрекать Хойла и его студентов в том, что представленные ими расчеты неверны. Публика была шокирована; Хойл пришел в неистовство от такой наглости. «Откуда вы знаете?!» – воскликнул он, уверенный в том, что основания Стивена оспаривать результаты его исследования легко опровергнуть. Ответ Стивена поверг его в изумление. «Я и сам провел такое исследование, – ответил он, добавив: – Мысленно». В результате этой интервенции о Стивене заговорили в научных кругах, что помогло ему определиться с темой диссертации на соискание ученой степени в области астрономии: свойства расширяющихся вселенных. Однако взаимоотношения между ним и Фредом Хойлом навсегда остались натянутыми.

Несмотря на споры, какими бы они ни были: строго научными или далеко не столь безобидными, – все, что мы делали на протяжении того учебного года, должно было способствовать нашей общей цели – свадьбе, запланированной на июль 1965 года. Так как мое положение в Уэстфилде могло быть поставлено под вопрос в связи с предстоящим браком, моей задачей стало умиротворить руководство колледжа. Не получив согласия, мы оказались бы вынуждены отложить свадьбу еще на год, поскольку прекрасно понимали серьезность обещания, данного нами моему отцу в обмен на благословение нашей помолвки: я должна была получить высшее образование. Поскольку болезнь Стивена могла за этот год значительно прогрессировать, о чем мне постоянно напоминал его отец, то не имелось никакой гарантии, что он проживет еще год и дождется свадьбы. Эта горькая правда была обстоятельством, которое мне приходилось учитывать, составляя любые планы. В первую очередь мне предстояло убедить руководителя кафедры испанского языка профессора Джона Вэри и декана факультета миссис Мэтьюс в том, что брак необходимо заключить как можно быстрее. Профессор Вэри, выслушав мои доводы, сказал, что ситуация действительно из ряда вон выходящая, но что ему требуется одобрение декана для того, чтобы дать свое согласие.

В результате о Стивене заговорили в научных кругах, что помогло ему определиться с темой диссертации на соискание ученой степени в области астрономии.

Моя единственная встреча с миссис Мэтьюс произошла при описанных ранее обстоятельствах на не очень удачном собеседовании в 1962 году, поэтому я не надеялась на благоприятный исход. В конце осени 1964-го я пришла к ней в шесть часов вечера, как было назначено секретарем. Я с замиранием сердца постучала в обитую сукном зеленую дверь, отделяющую ее квартиру в Ридженси-хаус от административной территории колледжа. Миссис Мэтьюс, видимо, почувствовала мою нервозность с того момента, как я переступила порог. Она предложила мне сесть, закурила и взяла стакан хереса. «Что случилось? – начала она разговор, хмурясь и глядя мне в глаза с искренним беспокойством. – Не бойтесь, я вас не съем!» Я вдохнула поглубже и приступила к описанию ситуации: моих отношений со Стивеном, его болезни, прогноза и наших планов, которые заключались в том, чтобы как можно лучше воспользоваться остающимся у нас временем. На протяжении моего рассказа она не сводила с меня глаз, но ее лицо ничего не выражало. Выслушав мою историю от начала до конца, она сразу перешла к делу.

Помимо щенячьего восторга от ежедневного общения и продолжительного любовного воркования, в таких беседах у нас со Стивеном было место и обсуждению наших планов.

«Вы, конечно же, понимаете, что в случае вступления в брак вам придется жить вне колледжа?» У меня немного полегчало на душе – ведь это был не категорический запрет; я уверенно кивнула, поскольку уже выяснила все, что требовалось. «Да, я знаю, – ответила

я. – Есть свободная комната в частном доме на Платс-Лейн». «Ну, в таком случае, все в порядке, – ответила миссис Мэтьюс, не отрывая взгляда от углей на каминной решетке. – Продолжайте в том же духе и постарайтесь воспользоваться своим шансом наилучшим образом». Она помолчала, а затем заговорила каким-то особенно рассеянным тоном, признаваясь, что и сама была в похожей ситуации. Ее муж также страдал тяжелой формой инвалидности. Она прекрасно понимала, как важно в таких случаях действовать по велению сердца. Она также была согласна с моим отцом в том, что мне необходимо окончить колледж. Она предупредила, что меня ждет нелегкое будущее, и пообещала свое всемерное содействие, начиная с уведомления профессора Вэри о своем согласии.

Преодолев главное препятствие, я должна была договориться о проживании на Платс-Лейн, что прошло гораздо легче. Хозяйка квартиры миссис Данхэм с готовностью согласилась уступить мне мансарду на третьем этаже; и она, и ее муж оказались гостеприимными и терпеливыми хозяевами. «Терпеливыми» – поскольку ни разу не пожаловались на то, что я узурпировала их телефон, находящийся в кабинете на первом этаже. Стивен разузнал способ, которым можно было звонить мне за четыре пенса – такова была стоимость местного соединения между Кембриджем и Лондоном. Безлимитные звонки дали нам возможность говорить друг с другом каждый вечер так долго, как нам хотелось. Помимо щенячьего восторга от ежедневного общения и продолжительного любовного воркования, в таких беседах было место и обсуждению наших планов. Болезнь постепенно стала восприниматься нами как незначительный фоновый раздражитель: мы говорили о карьерных планах, о доме, о приготовлениях к свадьбе и о нашей первой поездке в Соединенные Штаты на летние курсы в Корнелльском университете, штат Нью-Йорк, которые начинались через десять дней после запланированной нами даты свадьбы.

7. Служить верой и правдой

В два счета справившись с главными задачами, я преисполнилась уверенности в том, что смогу завершить обучение в лондонском колледже, приезжая раз в неделю из Кембриджа, особенно в свете новых исследований, утверждающих, что находящиеся в браке студенты демонстрируют более высокую академическую успеваемость, нежели неудовлетворенные личной жизнью холостые студенты. Мой отец продолжал снабжать меня ежемесячной суммой, позволяющей покрыть железнодорожные издержки; однако ответственность за поиск работы, которая сможет обеспечить нас обоим, лежала на Стивене. Он стал серьезно относиться к своему научному исследованию, осознавая, что его работа должна быть оформлена или даже опубликована для того, чтобы он получил возможность подать заявление на должность научного сотрудника университета. В связи с этим он стал развивать идеи, вызвавшие столько шума на лекции Хойла в Королевском обществе. В качестве некоторой компенсации за прилагаемые усилия он впервые почувствовал, что работа приносит ему удовольствие.

При таких обстоятельствах морозным февральским утром 1965 года он ожидал моего приезда в свои новые апартаменты, которые ему предоставили для удобства передвижения в главном корпусе Тринити-холла, с нетерпением, которое объяснялось не только желанием юного жениха заключить возлюбленную в объятия. Он думал, что я наконец-то смогу употребить свои секретарские навыки на пользу дела и напечатаю для него заявление о приеме на работу. Когда я явилась к нему, пряча левую руку в гипсе под пальто, на его лице выразились одновременно ужас и разочарование; мои надежды на его жалость тут же улетучились. Впрочем, я и не требовала большего: ситуация, в которой произошел перелом, была слишком неоднозначной, чтобы рассказывать о ней по телефону.

Правда заключалась в том, что танцевальные вечеринки в Уэстфилде очень оживились с тех пор, как в колледже появились студенты мужского пола, а в студенческом профсоюзе – более активный Комитет развлечений. У нас теперь был настоящий оркестр, играющий музыку шестидесятых, песни группы «Битлз» и твист. Я обожала твист и на одной из еженедельных вечеринок лихо отплясывала этот незамысловатый невинный танец с чьим-то бойфрендом. Пол был отполирован до блеска, я поскользнулась на высоких каблуках и рухнула, неловко подвернув вытянутую левую руку. Немедленная жгучая боль в руке свидетельствовала об очередном переломе запястья, на этот раз – из-за любви к танцам.

Едва оправившись от этого испытания, я сначала не поняла истинную причину выражения ужаса на лице Стивена, – до тех пор пока он беспомощным жестом не указал на позаимствованную на выходные пишущую машинку и стопку девственно белой бумаги на столе рядом с ней. Он скорбно сообщил мне о моей предполагаемой роли – я должна была напечатать его заявление на вступление в должность научного сотрудника в колледж Гонвиля и Каюса, которое было необходимо подать до начала следующей недели. Все еще снедаемая угрызениями совести по поводу твиста, я приступила к работе с намерением написать заявление от руки (правая рука у меня была в порядке). Я потратила на это все выходные.

В силу обстоятельств я не могла оставаться у Стивена на ночь. По его словам, всевидящее око Сэма, ворчливого служителя пансиона и по совместительству блюстителя морали на его круговой лестнице, не раз замечало мой шарф или кардиган, небрежно оставленный на спинке стула у Стивена в кабинете. Учувя запах скандала и легкую добычу, Сэм, выслеживая юную посетительницу, по утрам просовывал голову в дверь спальни Стивена в надежде обнаружить меня в его незаконных объятиях на узкой односпальной кровати. Но он так и не дождался возможности доложить пикантные обстоятельства администрации – друзья Стивена, которые уже обзавелись отдельным жильем, регулярно предоставляли мне убежище

по выходным. У многих из этих друзей уже имелся дом, машина и планировались дети, что в те дни считалось в порядке вещей. Наше поколение было последним из тех, что исповедовали простые жизненные ценности: романтическая любовь, брак, дом и семья. Единственное отличие наших со Стивеном отношений заключалось в понимании, что нам отпущено меньше времени на то, чтобы достичь этих целей.

Несмотря ни на что, заявление на место научного сотрудника было доставлено вовремя, и Стивен стал ожидать интервью. Однако и тут не обошлось без сложностей. На волне своей популярности после неожиданного вмешательства в лекцию Хойла Стивен подошел к профессору Герману Бонди в конце одного из регулярных семинаров в лондонском Кингс-колледже и попросил его дать рекомендации в случае обращения работодателя по поводу одобрения кандидатуры Стивена на место научного сотрудника. Так как Герман Бонди жил в Гемпшире по соседству с тетушкой Стивена Лорейн и ее мужем Расом (тем самым стоматологом с Харли-стрит), то Стивену показалось, что официальный письменный запрос не требуется. Однако несколько недель спустя он получил сконфуженное послание от колледжа Гонвиля и Каюса. В ответ на запрос колледжа о рекомендациях для Стивена Хокинга профессор Бонди заявил, что не имеет чести знать кандидата с таким именем. Принимая во внимание обстоятельства и неформальный подход Стивена, было очевидно, что профессор попросту забыл о данном согласии. Ситуацию исправили несколько спешных телефонных звонков, после чего Стивена в обычном порядке вызвали на интервью, где он получил массу возможностей впечатлить членов комиссии своей способностью к убеждению – в особенности благодаря тому, что ни один из них не занимался космологией, несмотря на прекрасную репутацию в других научных дисциплинах.

Должно быть, комитет по научной работе соблазнился мыслью залучить в свои ряды космолога; мы же искренне ликовали, увидев имя Стивена в списке новых научных сотрудников. Все получалось так, как мы задумали; нашу свадьбу можно было, как и предполагалось, назначить на середину июля. Мы не обращали внимания на мрачные медицинские прогнозы, блаженствуя в атмосфере любви и в предчувствии профессиональных успехов, и отметили начинающееся лето серией новых праздников. Ясный небосклон нашего счастья омрачали лишь редкие облачка в виде предстоящих мне экзаменов, решения жилищного вопроса и зловеще забрезжившего на горизонте подоходного налога.

К нашему негодованию, не по сезону холодный ветер враждебной реальности раздул одно из облаков до грозовой тучи, временно подмочившей наше приподнятое настроение. Ободренный успехом в комитете по научной работе, через две недели после утверждения его кандидатуры (что показалось нам в нашем нетерпении достаточным сроком) Стивен отправился на встречу с главным казначеем колледжа Гонвиля и Каюса (в Кембридже говорят: Гонвиль и Киз, что соответствует фамилии второго основателя колледжа, но пишут «Кай» из-за латинизирующего влияния эпохи Возрождения). Казначей холодно проинформировал новоиспеченного научного сотрудника, что тот займет свой пост лишь в октябре и в высшей степени преждевременно пытаться получить информацию шестью месяцами раньше. Что касается собственно запроса Стивена, ответ на который играл ключевую роль в наших планах, то казначей совершенно не был расположен к тому, чтобы предоставить информацию о размере заработной платы научных сотрудников. Для ровного счета он категорически заявил, что колледж более не берет на себя обязательств по предоставлению жилья научным сотрудникам. Пострадав от столь высокомерного обращения, мы имели возможность лишь строить догадки о том, каков будет доход Стивена, и оказались вынуждены искать жилье. Поскольку в Кембридже было достаточно много женатых научных сотрудников, мы предположили, что надежда у нас есть. Что касается крыши над головой, то мы отдали предпочтение квартире в строящемся доме возле рыночной площади, попросив агента внести нас в список на вселение.

Все получалось так, как мы задумали; нашу свадьбу можно было, как и предполагалось, назначить на середину июля.

Мы были настолько уверены в себе, так нетерпеливо рвались в будущее, что не позволяли столь приземленным проблемам надолго огорчать нас. На самом деле отношение казначея и ему подобных лишь подтверждало обоснованность нелюбви Стивена к напыщенным чиновникам старшего возраста, которую я теперь разделяла в полной мере. Мы прекрасно понимали, что в своем идеализме попираем здравый смысл, осторожность, условности и обыденность. Мы не могли позволить убогому мышлению чиновников помешать нашим великим замыслам или поколебать нашу убежденность. Борьба с подобными бюрократическими мельницами скоро стала нашей собственной версией восстания шестидесятых. Но нашей главной битвой оставалась битва с судьбой. Преследуя свою высокую цель, мы чувствовали за собой право высмеивать такие незначительные дорожные препятствия, как зазнавшиеся казначеи.

Когда человек борется с судьбой, действительно значимо лишь главное: жизнь, выживание и смерть. До сих пор силы судьбы либо дремали, либо были на нашей стороне. Несмотря на все препятствия, наше ближайшее будущее казалось столь же обеспеченным, как и будущее других наших сверстников, учитывая угрозу холодной войны в середине шестидесятых. Для Стивена женитьба влекла за собой необходимость заняться серьезной работой и показать, чего он стоит как физик. В своей неискушенности я полагала, что вера также сыграла свою роль в том, что мы смогли поставить себе цель и добиться ее. В каком-то смысле у нас со Стивеном была общая вера – экзистенциальная вера в правильность сделанного нами выбора, но для меня, как и для моей мамы и друзей, существовало и другое понимание веры – вера в Бога, который, как мне казалось, укрепил меня в моей решимости и придал мне мужества. С другой стороны, я знала о том, что Хокинги, несмотря на методистов в родне, провозглашали себя агностиками, если не атеистами, и находила их привычку глумиться над религиозными ценностями неприятной. Через два месяца после помолвки мы со Стивеном вместе встретили Рождество. После возвращения на Хилсайд-роуд, 14 с утренней службы, на которую Стивен ходил со мной и моими родителями, нас встретили с поднятыми в изумлении бровями и начали отпускать едкие комментарии. «Ну как, ты уже стал святым?» – тихо спросила у Стивена Филиппа саркастическим тоном, и я почувствовала волну необъяснимой враждебности по отношению ко мне. Он лишь рассмеялся в ответ, а его мать продолжила тему: «Да уж святее, чем ты; он ведь находится под влиянием добропорядочной женщины». Я не знала, как относиться к таким замечаниям: проигнорировать их было нелегко, так как от них за версту несло семейным заговором против меня, устроенным с целью поколебать мой оплот – веру, на которую я полагалась в предстоящем мне свершении. Этот цинизм я не могла разделить, в отличие от веселья по поводу выбора текста венчания. Я пришла в ужас, узнав, что в соответствии с Молитвенником 1662 года мне предстояло стать «как иные благочестивые и воздержанные матроны», и проголосовала за версию 1928 года, где эта уродливая фраза отсутствовала.

Успех имеет свойство порождать успех, и скоро у нас опять появилось что отметить. Еще одна суббота была потрачена на написание конкурсной заявки на получение Премии гравитации, учрежденного неким гражданином Америки, в своей мудрости верующим в то, что открытие антигравитации послужит излечению его подагры. Не думаю, что поступившие на конкурс эссе смогли хоть отчасти облегчить страдания несчастного, но его щедрые денежные выплаты победителям значительно поправляли бюджет молодых физиков. За годы своей работы Стивен выигрывал приз Премии гравитации многократно, в различных номинациях, начиная с 1971 года. Однако в 1965-м судьба еще не стала к нему настолько благосклонна; тем не менее наши усилия были вознаграждены весьма своевременным успехом.

Через несколько недель меня срочно вызвали с чердака к телефону – на проводе ждал Стивен. Он, как всегда, звонил из Кембриджа за четыре пенни, чтобы сообщить мне о получении им поощрительного приза Премии гравитации в сумме сто фунтов стерлингов. Я скакала по кухне миссис Данхэм в пароксизме восторга. Сложив сто фунтов Стивена и двести пятьдесят фунтов, составляющих вклад, сделанный отцом на мое имя в системе национальных сбережений⁴⁰, который я имела право забрать, когда мне исполнится двадцать один, мы могли бы закрыть кредит Стивена и купить машину. Летом, незадолго до свадьбы, близкий друг Стивена из Тринити-холла Роб Донован организовал для нас очень выгодное предложение со стороны своего отца, торговца автомобилями из Чешира. На наш выбор было предоставлено две машины. Первая – блестящий красный «Роллс-Ройс» 1924 года с открытым верхом – была соблазнительна, но абсолютно непрактична и к тому же не вписывалась в наш бюджет. Вторым вариантом была «Мини», тоже красного цвета. Стивен неохотно снизошел до «Мини», признавая, что она нам по карману и соответствует нашим потребностям, особенно в свете приближающегося зловещего облачка под названием «экзамен по вождению».

Для Стивена женитьба влекла за собой необходимость заняться серьезной работой и показать, чего он стоит как физик.

Так как все мои предыдущие попытки сдать этот экзамен оканчивались полным провалом, я имела все основания предполагать, что появление на следующем испытании на красном «Роллс-Ройсе» не вызовет особой симпатии у бессердечного непоколебимого инспектора, в который раз отправляющего меня домой ни с чем. Он официально заявил, что мой стиль вождения подходит не для новичка, а для водителя со стажем; по его словам, я ездилла беспечно и слишком быстро. Честно говоря, он мог бы сказать мне спасибо за то, что я не превысила ограничения скорости, не совершала обгон на повороте и подъеме и не выезжала на встречную полосу автомагистрали, руководствуясь заразительным примером Стивена. Как это ни странно (зная его стиль вождения), у него все еще сохранились действующие права, хотя водить он уже не мог; закон оговаривал возможность предоставления мне права на вождение автомобиля в его присутствии. Осенью 1965 года мне наконец-то удалось сдать злополучный экзамен; видимо, благодаря тому, что мой Люцифер, скрывающийся под маской главного экзаменатора, лежал в больнице.

Все эти достижения и радостные известия начала 1965 года свидетельствовали о том, что нам удастся задуманное; в связи с этим я сосредоточилась на Кембридже и предстоящей свадьбе. Я все больше отдалялась от своих старых друзей и сверстников, с которыми общалась во время учебы в Уэстфилде и на танцах и теннисе в Сент-Олбансе. С ними я в последний раз виделась перед Рождеством 1964 года, когда мы вместе работали на сортировке писем в местном почтовом отделении, и на моем дне рождения, который родители Стивена разрешили отметить в своем большом ветхом доме, гораздо более просторном, чем таунхаус моих родителей.

День был хоть куда: жаркий, солнечный, с ясным весенним небом над головой; я лучилась абсолютным счастьем. Подарок Стивена – звукозаписи поздних квартетов Бетховена – мог говорить лишь о том, что между нами установились действительно глубокие отношения. В прошлом году день рождения прошел не столь радужно: Стивен подарил мне пластинки с полным собранием сочинений Веберна⁴¹, а потом отвел на фильм об использовании электрического стула в США. Вечером вся моя семья, включая бабушку, собралась в гостиной на торжественное прослушивание опусов Веберна. Стивен с важным видом восседал в кресле, отец с головой углубился в чтение книги, мама забылась вязанием, а бабушка – сном. Про-

⁴⁰ Необращающиеся ценные бумаги правительства для аккумуляции сбережений.

⁴¹ Антон Веберн, также Антон фон Веберн – австрийский композитор и дирижер. В его музыке предельная звуковая рафинированность сочетается с жесткой конструктивной схемой и абстрактностью мышления.

являя чудеса самоконтроля, мои родственники сохранили полное спокойствие перед лицом атональных созвучий, продолжительных беспорядочных пауз и резких диссонансов; я же, сидя на полу на грани истерики, могла лишь закрывать лицо подушкой.

Тем не менее мой двадцать первый день рождения в 1965 году прошел на одном дыхании: на террасе, освещенной цветными фонариками и обдуваемой теплым весенним ветром. Все было чудесно, как в сказке; впрочем, как и в любой сказке, не обошлось без злодея. Я вновь почувствовала, как от Филиппы исходят вибрации плохо скрываемой неприязни по отношению ко мне; ее источник оставался для меня тайной. Неужели это из-за того, что я всего лишь на один вечер позаимствовала ее дом для своего праздника? А может быть, она считала меня интеллектуально несостоятельной, а также «женственной» (для Хокингов это слово служило бранным)? Очевидно, моя вера казалась ей смехотворной. «Не принимай это близко к сердцу», – был ответ Стивена, когда я поделилась с ним беспокойством, но такая поверхностная реакция меня не утешила.

Старшая из сестер, Мэри, относилась ко мне более доброжелательно. По мнению их матери, Стивену было трудно простить своим сиблингам появление на свет всего лишь через семнадцать месяцев после его рождения. Мэри была застенчива и щедра от природы, но оказалась в незавидном положении: ее брат и сестра, Стивен и Филиппа, обладали высоким интеллектом и сильным характером, и в целях самозащиты ей пришлось вступить с ними в интеллектуальную конкуренцию, хотя она сама была больше склонна к прикладному творчеству. Мэри очень любила отца и пошла по его стопам, занявшись медициной; именно с отцом у нее были самые теплые отношения в семье. Хотя мои родители имели информацию из первых рук от друзей из Сент-Олбанса о резком, обидном поведении Фрэнка Хокинга с подчиненными в его Медицинской исследовательской лаборатории в Милл-Хилл⁴², по отношению ко мне он вел себя благородно и тактично. Жаль, что он не показывал себя миру в лучшем свете; на самом деле это был чувствительный человек, способный проявлять щедрость и другие достойные уважения качества. Много раз он с характерной йоркширской откровенностью говорил мне о том, насколько он и вся его семья рада нашей помолвке, и обещал оказать необходимую помощь. Естественно, он был подавлен диагнозом сына; несмотря на радость, которую ему внушал наш брак, как врач он занимал весьма консервативную и пессимистическую позицию. Мой отец как-то услышал о швейцарском докторе, который лечит неврологические заболевания при помощи контролируемой диеты, и предложил оплатить курс лечения Стивена в Швейцарии. Имея сомнительное преимущество обладания медицинским образованием, Фрэнк Хокинг отверг швейцарские притязания как необоснованные. Он всегда предупреждал меня о том, что жизнь Стивена будет короткой, как и период, в который он сможет выполнять свой супружеский долг. Более того, он советовал нам поспешить со свадьбой, заверив меня, что болезнь Стивена не передается по наследству.

Мать Стивена призналась мне, что, по ее мнению, первые симптомы заболевания Стивена проявились при необъяснимой болезни в тринадцать лет. Она также полагала, что мне необходимо знать все нелицеприятные подробности развития заболевания Стивена, которые проявятся по мере ухудшения его состояния. Однако, если уж существующие методы лечения объявлялись несомненным шарлатанством, я не видела особого смысла в том, чтобы разрушать мой природный оптимизм чередой мрачных пророчеств без какого бы то ни было временного утешения. Я отвечала, что предпочитаю не знать деталей развития болезни, поскольку так сильно люблю Стивена, что выйду за него замуж несмотря ни на что. Я создам для него благоприятную среду, отказавшись от собственной карьеры, которая теперь казалась мне не столь необходимой в сравнении с предстоящим мне делом. В свою очередь, как я наивно полагала в двадцать один год, Стивен будет ценить меня и поддерживать в моих

⁴² Район в пригороде Лондона.

собственных начинаниях. Я также верила в обещание, которое он дал моему отцу в обмен на мою руку: что он не будет требовать больше, чем я в состоянии выполнить, и не станет обременять меня собой. Мы оба также пообещали отцу, что я окончу колледж.

Отец Стивена предупреждал меня о том, что жизнь Стивена будет короткой, как и период, в который он сможет выполнять свой супружеский долг. Более того, он советовал нам поспешить со свадьбой, заверив меня, что болезнь Стивена не передается по наследству.

Приготовления к свадьбе шли своим чередом, ознаменованные множественными перемещениями из Сент-Олбанса в Кембридж и обратно, а также типичными свадебными разногласиями: так, Стивен отказывался надевать парадный костюм для утренних приемов, хотя мой отец и брат настаивали на этом, считая, что необходимо придерживаться правил этикета. Стивен также отказался продевать гвоздику в петлицу, считая этот цветок вульгарным, хотя у меня его цвет и аромат пробуждал воспоминания об Испании. Роза оказалась компромиссным вариантом. Мой отец считал, что на любой свадьбе должны говориться памятные речи; Стивен забастовал, отказавшись произносить хоть слово. Вопрос с подружками невесты завис в воздухе и оставался нерешенным до последнего момента; в день свадьбы благодаря чьей-то находчивости их заменили юным Эдвардом в роли импровизированного пажа. К счастью, о месте свадьбы споров не возникло; единогласно было принято решение о том, что ее проведет капеллан Пол Лукас в часовне Тринити-холла.

О месте свадьбы споров не возникло; единогласно было принято решение о том, что ее проведет капеллан Пол Лукас в часовне Тринити-холла.

Церковному обряду, запланированному на 15 июля, должна была предшествовать скромная гражданская церемония днем раньше в Ширхолле⁴³, Кембридж, поскольку сами колледжи не уполномочены заключать браки, а 25 фунтов за специальную лицензию архиепископа Кентерберийского были сочтены лишними расходами. Остановив выбор на маленьком помещении, мы некоторое время ломали голову над тем, как разместить всех гостей. Некоторых друзей и родственников пришлось безжалостно вычеркнуть из списков; для оставшихся была предусмотрена площадка церковного хора.

Ко всей этой неразберихе добавлялся еще и Наполеон III, Парижская коммуна 1871 года и мой выпускной экзамен по французскому. Незадолго до свадьбы Стивен впервые посетил Международную конференцию по общей теории относительности, в том году проходившую в Лондоне. Я вместе с ним пришла на официальный государственный прием на улице Карлтонхаус-террас, где мы познакомились со многими физиками, впоследствии сыгравшими значительную роль в карьере Стивена: это были Кип Торн, Джон Уилер, Чарльз Мизнер, Джордж Эллис и два русских ученых. Многие из них стали друзьями нашей семьи на долгие годы. Именно на этой конференции мировое научное сообщество, изучающее теорию относительности, впервые было захвачено исследовательской лихорадкой в отношении черных дыр (тогда у них не было столь живописного названия; как феномен они упоминались только в прозаичном описании коллапсирующих звезд). Как показало время, этот ажиотаж продлился несколько десятилетий.

Я уселась на место водителя, Стивен устроился рядом со мной; осторожно съехав с обочины, я повезла нас в направлении деревни Лонг-Мелфорд в Суффолке, где у нас был забронирован номер в гостинице «Бык».

---

⁴³ Здание администрации Кембриджа.

После церемонии гражданского брака, состоявшейся 14 июля под речитатив служащего загса в окружении кабинетов с очередями и искусственных цветов Шир-холла, ко мне подошла моя свекровь и со своей кривой усмешкой проговорила: «Добро пожаловать, миссис Хокинг, потому что люди запомнят тебя под этим именем». На следующий день – день святого Свитуна – шафер Стивена Роб Донован успешно провел нас и наших близких сквозь все перипетии венчания и увеселений в окрестностях Тринити-холла. Это потребовало от него большой ловкости, учитывая количество престарелых родственников и диаметр шляпы Филиппы, украшенной невероятным количеством цветов наперстянки, дельфиниума и маков, видимо, для того чтобы не уступать саду колледжа в изобилии растительности. День был очень счастливым, несмотря на облачное небо и накрапывающий дождик. Наконец ранним вечером, после официального окончания праздника в вестибюле колледжа, где мой отец выразил Стивену публичную благодарность за женитьбу на мне, Роб Донован отвез нас на окраину Кембриджа. Там нас ждала заранее припаркованная на боковой улице машина, наш недавно купленный красный «Мини», обклеенный знаками «Ученик» и недостижимый для коварных замыслов моего брата. Я уселась на место водителя, Стивен устроился рядом со мной; осторожно съехав с обочины, я повезла нас в направлении деревни Лонг-Мелфорд в Суффолке, где у нас был забронирован номер в гостинице «Бык».

8. Введение в физику

Слишком скоро та первая идиллическая неделя после свадьбы стала лишь тихим островком воспоминаний об извилистых улочках Суффолка, пышных садах, покрытых мхом деревенских церквушках и деревянно-кирпичных домах. Тем временем мы уже сидели в самолете в ожидании вылета в Нью-Йорк, пройдя регистрацию задолго до других пассажиров. Позади была блаженная неделя с проносящимися за окном автомобиля сонными селениями, коттеджами и побережьем; на нас неотвратимо надвигался научный прогресс, синтетические традиции и ускоренный ритм жизни Нового Света.

В аэропорту Кеннеди мы встали в очередь на паспортный контроль и заметили, что в нашу сторону направляется высокая, строго одетая стюардесса, высматривая что-то в папке, которую держала в руках. «Как ваши фамилии?» – спросила она, проверяя списки. «Джейн и Стивен Хокинг», – ответили мы, не ожидая никаких экстренных сообщений. «Хм, – сказала она удивленно, – вас нет в моих списках. Сколько вам лет?» Теперь настала наша очередь удивляться. «Мне двадцать один, а ему двадцать три», – ответила я за нас обоих. «Ну надо же, прошу прощения! – смутилась она. – Я приняла вас за несовершеннолетних без сопровождения».

В негодовании из-за сомнений в нашей зрелости и супружеском статусе мы гордо расправили плечи и прошествовали сквозь таможенный пост Соединенных Штатов к вертолету, курсирующему между аэропортами Нью-Йорка. Наш рейс в Итаку, штат Нью-Йорк, отправлялся из аэропорта Ла Гуардия. Первый взгляд на Нью-Йорк с высоты птичьего полета нас не порадовал. Мы летели над небоскребами сквозь густой смог, здания выплывали из дымки, как гигантские копыта, на которые было страшно напороться. Трудно поверить в то, что люди живут и работают в этом адском месте. Мое подозрение, что мы приземлились в современном Бробдингнеге⁴⁴, подтвердилось, когда нас проводили к лимузину, который повез нас в Корнелльский университет. Все вокруг – машины, здания, дороги – было в десять раз больше, чем обычно, и даже зеленые поля между городами показались мне бесконечными. Однако меня, лингвиста, привыкшего встречать иноязычных соседей в пятидесяти километрах от собственного дома (стоило лишь пересечь ЛаМанш), больше всего поразило то, что мы, преодолев тысячи миль, оказались среди людей, говоривших на одном с нами языке, хотя этот язык, как и все остальное, существенно раздался в размерах.

Нас поселили в студенческом пансионе в комнате с двумя кроватями на третьем этаже нового общежития в кампусе Корнелла. Мы оба привыкли к спартанским условиям общежитий, и проблема заключалась не в этом. Нас привело в негодование то, что третий этаж был полностью отведен для проживания семей во время летних курсов, и нам пришлось мириться с соседством, обремененным младенцами и детьми раннего возраста, которые ночами плакали, а днем сидели в коридоре, оглашая его протестующими воплями, в то время как родители развлекались в зоне отдыха. Такое непредвиденное обстоятельство резко прервало наш медовый месяц, который мы мечтали продлить на другом берегу Атлантики. Хотя некоторые из малышей были очаровательны, гигантские ясли не отвечали нашим представлениям о романтическом месте.

Еще одну проблему представляла для нас схема передвижения по кампусу. Для здоровых людей она не представляла никаких затруднений, но поскольку пансион находился в полутора километрах от места проведения лекций, а транспорта у нас не было, то Стивену приходилось напрягать все свои силы, чтобы успеть на занятия вовремя. Он мог ходить самостоятельно, но очень медленно; гораздо быстрее у него получалось передвигаться, опи-

⁴⁴ Название вымышленной страны великанов в «Путешествии Гулливера».

раясь на чью-то руку. Я с радостью предложила ему помощь, вступая в свою новую роль, и стала везде ходить вместе с ним. Трапезы представляли еще одну проблему. Мы все еще жили на студенческую стипендию и не могли позволить себе все время питаться в столовой; однако на кухоньке на нашем этаже не имелось никаких принадлежностей, так что мы не в состоянии были соорудить себе даже чашку чая. В конце концов девушка из администрации конференции пришла к нам на помощь, предложив свозить меня в Итаку, чтобы я купила все необходимое в магазине «Вулвортс». Ее просторный микроавтобус оказался более чем велик для нас двоих. По дороге я между делом спросила, была ли она в Европе. Ответ не заставил себя ждать. «Нет, – сказала она. – Видишь ли, я не езжу в места, где люди не моются».

Вооруженная кастрюлей, столовыми приборами, кружками и тарелками, а также электровентилятором для спасения от жары, которая здесь, в отличие от Испании, была липкой и влажной, я создала на третьем этаже пансиона импровизированный филиал домашнего очага – в первый, но далеко не в последний раз за время моего замужества. Брэндон Картер, научный сотрудник Кембриджа и гость на нашей свадьбе, оказал мне неоценимую помощь. Он провел детство в австралийском буше и научил меня заваривать чай по методу тамошних аборигенов – в котелке, в роли которого выступала кастрюля – та же кастрюля, где я готовила яичницу, макароны, тушеную фасоль и другую простую еду, уместную в нашем положении. Универсальность приспособлений была ключевым фактором в моем непредвиденно скором приобщении к радостям ведения домашнего хозяйства.

Большую часть дня я тратила, отводя Стивена на учебу и приводя домой, по дороге посещая бакалейную лавку кампуса. Промежутки между этими прогулками, оказавшиеся короткими из-за протяженности здешних расстояний, я заполняла занятиями в библиотеке. Кроме того, чтобы разнообразить постную диету из испанской лингвистики, я решила позаимствовать печатную машинку и стол в офисе секретарей и начала печатать черновой вариант первой главы диссертации Стивена. Эти самые вселенные, может, и расширились, но были невероятно перегружены странными символическими обозначениями и иероглифами, наряду с обыкновенными числительными и традиционными математическими символами, пляшущими над строкой и под ней. Скоро стало понятно, что работа Стивена представляет собой типографический кошмар.

Хотя столь неожиданная встреча с повседневной рутинной жены физика не представлялась мне наилучшим вариантом второй недели медового месяца, я была рада, что нашла себе полезное занятие. Также я с радостью замечала удовольствие, которое Стивен испытывал от общения в международных научных кругах, где его уже стали узнавать. Он был особенно воодушевлен многообещающим сотрудничеством с Роджером Пенроузом, английским физиком немного более старшего возраста: они начали работу над математическим проектом, известным как «теория сингулярностей» или «гравитационный коллапс». Теория гласит, что любое тело, испытывающее гравитационный коллапс, образует сингулярность, область пространства-времени, где релятивистские законы уже не имеют силы, возможно, из-за того, что кривизна пространства-времени неограниченно возрастает. В случае со звездой, коллапсирующей под действием собственной гравитации, когда площадь ее поверхности и объем схлопываются до нуля, Роджер предположил, что сингулярность окажется скрытой внутри объекта, который позже назовут «черной дырой». Теория Роджерса, а также работы русских ученых Лифшица и Халатникова натолкнули Стивена на мысль, что их уравнения можно развернуть во времени и таким образом доказать, что любая расширяющаяся модель Вселенной должна иметь начало в сингулярности, что составляет теоретическую основу Большого взрыва. Благодаря этим уравнениям появились знаменитые выводы его диссертации.

Стивен мог ходить самостоятельно, но очень медленно; гораздо быстрее у него получалось передвигаться, опираясь на чью-то руку. Я с

радостью предложила ему помощь, вступая в свою новую роль, и стала везде ходить вместе с ним.

Приезд из родительского дома в Детройте жены Роджера Пенроуза Джоан немного разнобразил мои будни на третьем этаже. Она явилась как корабль на всех парусах, неся перед собой младенца в слинге и ведя за руку второго малыша; шествие замыкала ее престарелая мать. Джоан получила образование в области ораторского искусства, что стало незаменимым подспорьем в управлении выводком мальчишек, а также важнейшим качеством, позволявшим не оставаться в тени среди физиков, для которых многочисленное общество жен, обремененных маленькими детьми, представляло лишь малозаметный фон. Некоторые из этих женщин были громогласными и болтливыми, другие – подавленными и замкнутыми, третьи – мрачными и унылыми. Некоторые жены получили образование в области математики и физики; они вели себя задиристо, по-мужски; те же, чьи спящие таланты относились к другим сферам, были язвительны и недоверчивы. Физика нанесла урон каждой из них; нравились ли они друг другу, уживались ли друг с другом, но одно свойство их объединяло: для всех других начинаний они были вдовами – они принадлежали физике.

Было, однако, несколько приятных отклонений, сохранившихся в памяти. Каждый день во время нашего путешествия по кампусу я останавливалась поболтать по-испански с мексиканской парой, так же дезориентированной в Корнелле, как и я. Затем одним субботним вечером нас пригласили в гости знакомые друзей родителей Стивена, и мы провели выходной в их летнем коттедже на берегу озера в пригороде Итаки. Обычно мы вечерами напевали «Вальсируя с Матильдой⁴⁵» над нашей единственной кастрюлей, булькающей на плите в кухоньке на третьем этаже, слушая длинные рассказы Брэндона о его приключениях. Местом действия чаще всего служил австралийский буш; были и другие истории, повествующие об увлечении работами математика Джеймса Клерка Максвелла, и о захватывающей экспедиции под парусом, которая должна была преодолеть Бискайский залив и достичь Средиземноморья, но закончилась в Шербуре. Когда и эти темы оказывались исчерпаны, разговор превращался в непрекращающиеся космологические дебаты между Роджером и Стивеном, в то время как я мыла кастрюлю и пластиковые тарелки, задаваясь одним и тем же вопросом: неужели все наше лето пройдет в кампусе Корнелльского университета, на третьем этаже общежития?

В тот самый момент, когда я уже начала привыкать к рутинному существованию, Брайан и Сьюзи Бернс, супруги, ранее гостившие в Кембридже, пригласили нас на автомобильную прогулку к Ниагарскому водопаду. Когда после скучной дороги, пролежавшей среди окрестностей города Буффало, мы внезапно увидели водопад, впечатление было незабываемое. Величественные низвергающиеся темные воды в непрекращающемся падении, неумолимо перекатывающиеся через край утеса, внизу превращались в массу белой пены и радужные нити, пронизывающие влажный туман. Зрелище было грандиозным, а грохот – оглушающим. Ошеломленно спотыкаясь, мы преодолели мост на канадскую сторону, откуда открывался еще более захватывающий вид. Там мы стояли в оцепенении до тех пор, пока не пришло время садиться на самолет до Итаки. Начинаясь гроза; мы заняли места в маленьком самолете и поднялись в воздух среди молний и грома. Впервые в жизни мне было страшно лететь.

В следующие выходные Брэндон и его друзья организовали поездку под парусом на озеро Онтарио. Мы отплыли от пристани, поймав легкий бриз; на середине озера день прошел незаметно. Я плавала в изумрудной воде, а Стивен сидел в шезлонге, погруженный в мысли; мы оба наслаждались ясным небом и плеском воды о борт лодки. Вечером наши спутники, уже давно не разделявшие наше упоение тихими радостями, начали озабоченно

⁴⁵ *Waltzing Matilda* – австралийская народная песня, называемая «неофициальным гимном Австралии».

обсуждать запуск сигнальной ракеты и другие способы привлечения внимания спасателей: мы попали в штить. Брэндон глубокомысленно заметил, что с такой ситуацией в Бискайском заливе он не сталкивался, так как там ветер никогда не стихает. Каким-то невероятным образом поздно вечером нам все-таки удалось прибиться к гавани; в отблесках живописного закатного солнца, исчезающего за потемневшим горизонтом, наши усталые лица приобрели янтарный оттенок.

Лишь в заключительную неделю летних курсов кто-то из участников – кажется, Рэй Сэчс, экстравертированный физик из Калифорнии, отец четырех дочерей, – догадался организовать общественное мероприятие для семейств – пикник на поляне. Там нас снова знакомили с женами и детьми; среди новых знакомых наибольшее впечатление на меня произвел застенчивый американец из Техаса по имени Роберт Бойер, с которым у Стивена уже сложилось профессиональное взаимопонимание. Роберт заговорил со мной очень естественно и дружелюбно и умудрился ни словом не упомянуть о физике. Честно говоря, поодиночке физики могли быть весьма приятными людьми, способными обсуждать земные материи. Но стоило им собраться в группу, как брала верх природная склонность к нескончаемым дискуссиями, которые практически всегда касались физики. Лишь одна тема могла соперничать с ней; тема, занимавшая в то время не только академиков, но и всех молодых людей: война во Вьетнаме. Эта тема многократно затрагивалась либеральной публикой, отдыхавшей на пикнике. Растущая угроза войны вызывала страх и отвращение; молодое поколение американцев находилось под угрозой мобилизации для удовлетворения амбиций военных и фанатиков.

Вечер перед отъездом домой мы провели, сидя на ступеньках общежития, любуясь полной луной в прозрачном небе; тогда же я познакомилась с профессором Эйбом Таубом, зачинщиком и организатором летних курсов – он и его жена Сесили вышли на прогулку полюбоваться ночным небом. Мы завороченно слушали их рассказы о жизни в Калифорнии, о виде из окон их дома, построенного неподалеку от моста Золотые Ворота, о Сан-Франциско, о кампусе и научной кафедре в Беркли, где Эйб возглавлял рабочую группу по исследованиям, связанным с теорией относительности. Я уловила в словах Эйба намек на приглашение; Стивен, со своей стороны, продемонстрировал полную готовность на него откликнуться; тем не менее формального предложения так и не прозвучало.

Вернувшись в пансион, мы хотели было продолжить разговор, как внезапно у Стивена, возможно, под влиянием холодного ночного воздуха, начался сильнейший приступ удушья, который я наблюдала в первый раз. Его болезнь, на долгое время затаившаяся, проявилась во всей своей устрашающей ярости. Казалось, невидимый призрак вышел из тени и схватил его за горло, начал валять его по полу и трясти как куклу, затем стал топтать; несмолкающий свистящий кашель разрывал воздух в комнате, наполненный громкими паническими хрипами. Стивен был беспомощен в этой схватке с врагом, и я ничем не могла ему помочь. Я оказалась не готова к столь внезапной встрече с чудовищной силой мотонейронной болезни, до сей поры незаметного партнера в нашем браке. В конце концов Стивен жестом показал мне, что его надо похлопать по спине. Я энергично взялась за дело, желая изгнать невидимого монстра. Наконец приступ утих, так же стремительно, как и начался; мы были полностью измотаны им, а очевидцы – потрясены до глубины души. Атака болезни шокировала нас обоих; она показалась нам дурным предзнаменованием, ставящим под угрозу наше будущее. Мечты о Калифорнии растаяли в дымке фантазий, где они уже начали обретать форму.

Возвращаясь в Нью-Йорк, я поняла, что корнелльский опыт скоропостижно превратил меня в возрасте двадцати одного года в одну из «благочестивых», если не «воздержанных», матрон. Демоническая природа болезни заявила о себе гораздо более сокрушительными симптомами, чем хромота, затруднение передвижения и недостаток координации. Но это было еще полбеды; я начала чувствовать, что в нашем браке, и так уже перегруженном участ-

никами, появился еще один невидимый партнер. Эта четвертая сущность сначала притворялась послушной помощницей, близкой подругой, обещавшей успех и исполнение желаний. На самом же деле она оказалась безжалостной соперницей, требовательной любовницей, неумолимой сиреной, заманивающей тех, кто прислушивается к ее зову, в глубокий омут одержимости. Это была Ее Величество Физика, которую жена Эйнштейна назвала «первой помощницей в разводах».

Казалось, невидимый призрак вышел из тени и схватил Стивена за горло, начал валять его по полу и трясти как куклу, затем стал топтать; несмолкающий свистящий кашель разрывал воздух в комнате, наполненный громкими паническими хрипами.

В Нью-Йорк-Сити мне удалось немного отдохнуть от мрачных мыслей и восстановить баланс в наших отношениях вдали от соблазнительного соседства с другими физиками. Коллега Фрэнка Хокинга щедро выделил нам комнату в своей квартире на Манхэттене, где мы остановились на выходные. Расположение квартиры идеально соответствовало нашим намерениям: мы посетили Метрополитен-музей, Эмпайр-стейт-билдинг, Таймс-сквер и Бродвей. К сожалению, на Бродвее в августе было мало постановок, так что мы провели субботний вечер в кинотеатре за просмотром «Моей прекрасной леди». Мне было не жаль расстаться с Нью-Йорком. Автобус отвез нас в аэропорт Кеннеди; я, оборачиваясь через плечо, смотрела на угловатые ряды небоскребов, стоящих по стойке «смирно» серой массой, исчезающей на горизонте, и думала, что никогда в жизни не видела ничего более brutального. Мне не терпелось вернуться к моей тесной, но уютной Лилипутии, с ее старомодными, но более вменяемыми обычаями. Мое место было на континенте, убаюканном историей и вскормленном поэтическими ценностями, где жизнь течет более предсказуемо и где люди уделяют больше времени друг другу.

9. Улица Литл-Сент-Мэри

Мои сентиментальные иллюзии относительно обретения устойчивости на европейском берегу Атлантики моментально развеялись по возвращении в Англию, где я обнаружила, что мои родители продают дом, в котором я выросла, чтобы переехать на несколько кварталов выше по той же улице. Разрыв с прошлым теперь был подтвержден сделкой купли-продажи недвижимости. Хотя квартира, которую мы зарезервировали в Кембридже рядом с рыночной площадью, по нашей информации, еще не была готова, нам все равно следовало поехать в Кембридж и найти себе какое-то пристанище – хотя бы для того, чтобы разместить наши свадебные подарки. Мы погрузили багаж и подарки в красный «Мини» и поехали напрямик к агенту по недвижимости. От него мы узнали о том, что дом достроен, но у агента в списках не оказалось нашей фамилии, поэтому все квартиры были сданы другим жильцам. Старый Свет уже совсем не казался нам воплощением надежности.

За обедом мы обсудили наше незавидное положение. Стивен решил еще раз пойти на приступ казначейства колледжа Гонвиля и Каюса в отчаянной попытке уговорить его оказать нам помощь. Мы отправились в пещеру людоеда вдвоем. К нашему несказанному удивлению, тот переменял обличье: новым казначеем стал преподаватель по тибетскому языку. Этот пост был чистойшей синекурой, поскольку тибетский в университете никто не изучал. Следовательно, у казначея оказалось достаточно времени, чтобы заниматься финансовыми делами колледжа. В отличие от своего предшественника, он не стал в гневе откусывать голову Стивена; вместо этого он внимательно выслушал нас с серьезным и даже сочувствующим видом, а затем предложил блестящее решение, которое высекло искру улыбки на его каменном лице. «Да... – пробормотал он глубокомысленно, – думаю, мы сможем помочь – конечно, кратковременно – вы же знаете политику колледжа, мы не предоставляем жилье научным сотрудникам». Затаив дыхание, мы дружно закивали. Он просмотрел свои записи. «В общежитии на Харви-роуд есть свободная комната. Она стоит двенадцать шиллингов шесть пенсов за ночь за одного человека. Мы можем поставить вторую кровать, что составит двадцать пять шиллингов за ночь за двоих». Нам пришлось проглотить негодование, вызванное столь точными подсчетами, потому что нам больше некуда было идти; гостиницу мы себе позволить не могли. Но мы поклялись друг другу как можно раньше съехать с Харви-роуд.

Насколько власти колледжа были немилосердны и скупы, настолько же очарователен оказался персонал общежития, в особенности его экономка. Оказалось, что это в равной мере верно и для другого обслуживающего персонала, работавшего в колледже, будь то уборщики, разнорабочие, садовники, портье или официанты. От них неизменно исходила человеческая теплота и дружелюбие, явно отсутствующие в разреженной атмосфере высших эшелонов. Экономка прогрела нашу комнату, проветрила постели и принесла нам чай с бисквитами перед сном и завтрак наутро. Она даже предложила стирать нам белье, хотя это не понадобилось: наше пребывание в общежитии, к счастью, оказалось совсем недолгим.

На следующий день научный руководитель Стивена Деннис Шама оказал нам экстренную помощь, познакомив Стивена с научным сотрудником колледжа Питерхаус, который хотел сдать в субаренду дом, арендуемый им у своего колледжа. Дом не был меблирован, но въехать мы могли немедленно. Кроме того, его расположение нас абсолютно устраивало: дом стоял на одной из старейших и самых живописных улиц Кембриджа, Литл-Сент-Мэри Лейн, всего лишь в ста метрах от кафедры Стивена, недавно переехавшей в бывшее здание типографии «Питт-Пресс» на Милл-Лейн.

Поскольку в доме номер одиннадцать по улице Литл-Сент-Мэри не оказалось ни табуретки, нам пришлось стиснуть зубы, поскрести по сусекам, обратившись к заначкам и

деньгам из свадебных подарков, и раскошелиться на основные предметы мебели, кровать и электроплитку. В ожидании доставки кровати я отправилась за продуктами, оставив Стивена подпирать стенку гостиной, так как сидеть было негде. К моему изумлению, вернувшись, я обнаружила его уютно устроившимся на синем кухонном стуле. Он объяснил, что дама из соседнего дома приходила познакомиться и, обнаружив его прислонившимся к стенке, принесла стул, сказав, что мы можем пользоваться им, пока не обзаведемся достаточным количеством мебели. Даму звали Тельма Тэтчер; она приходилась супругой бывшему надзирателю (или главе) колледжа Фитцуильям и проживала в доме номер девять. Тельма Тэтчер действовала на нас весьма благотворно и оживляюще в течение последующих десяти лет. В тот вечер мы приготовили себе ужин в корнелльской кастрюле на электроплитке с единственной горелкой, выпили хереса из хрустальных бокалов, накрыли ужин в посуде из костяного фарфора⁴⁶ на коробке, имитирующей стол, и съели его при помощи новехонького сияющего набора ножей и вилок из нержавеющей стали. Стивен сидел на стуле, любезно предоставленном Тельмой Тэтчер, а я на коленях прямо на полу, покрытом белой плиткой. Пусть комфорт был импровизированным, но мы с радостью отметили наш успех: мы оказались обеспечены крышей над головой на три месяца вперед.

Улица, на которой находился дом, начиналась с двух церквей, стоящих часовыми на входе: справа – викторианская объединенная реформированная церковь⁴⁷, слева – средневековая церковь Литл-Сент-Мэри; таким образом, сама улица спрятана от нескромных взглядов. Туристы могут обнаружить ее только случайно. В наши дни улица закрыта для сквозного движения автотранспорта благодаря инициативе ее обитателей, включая Стивена и меня, поэтому посетители двух крупных комплексов на набережной, отеля «Гарден-Хаус» и Университетского центра, вынуждены проезжать по Милл-Лейн, на которой нет жилых домов. Дом номер одиннадцать – последний в ряду трехэтажных коттеджей по правой стороне улицы, часть из них, судя по всему, были построены в XVI веке. Мы вселились в 1965 году, после недавней реставрации дома колледжем Питерхаус, который, в отличие от Гонвиля и Каюса, предоставлял жилье научным сотрудникам.

Железный парапет с южной стороны улицы огораживает церковный двор Литл-Сент-Мэри, представляющий собой дикий заросший сад, который в тот сентябрь полыхал краснеющими ягодами шиповника и боярышника и распространял тяжелый аромат осенних роз. Несколько сохранившихся могильных плит были настолько древними, что надписи на них стали нечитаемыми, несмотря на то что над ними возвышались многолетние платаны и простирались искривленные ветви глицинии, защищая сад от буйства стихий. Здесь Природа растворила в себе останки предыдущих столетий и воскресила их в цветущем изобилии, перекатываемом через парапет и обвивающем старый скрюченный газовый фонарь, по вечерам заливающий улицу призрачным светом.

Тельма Тэтчер была самопровозглашенной старостой улицы. Именно она посадила розовые кусты в церковном дворике, где прогуливалась Мэтти, своего кинг-чарльз-спаниеля, оборачивая лапки пса пластиковыми пакетами в дождливую погоду. Она добровольно взяла на себя обязанность заботиться о благополучии всех своих соседей, независимо от возраста и обстоятельств. Каждую неделю она снабжала нас новыми стульями, столами, горшками и сковородами; нашла для нас газовую плитку, принадлежавшую сестре Чалмерс, медсестре из Питерхауса, которой колледж предоставил полностью оборудованную квартиру; пообещала найти для нас жилье по истечении текущего контракта и, помимо прочего, предоста-

⁴⁶ Сорт тонкостенного английского фарфора.

⁴⁷ Протестантская церковь в Англии и Уэльсе, которая образовалась путем слияния в 1972 году ряда английских конгрегационалистов с пресвитерианской церковью Англии.

вила неограниченный доступ к своим запасам хереса в элегантной сияющей гостиной ее красивого оштукатуренного дома.

В 1965 году ей, вероятно, уже шел седьмой десяток, хотя прямая спина, темные волосы и статная фигура делали ее десятью годами моложе. В ней сочетался талант рассказчика и ярко выраженная прагматичность: однажды в момент всеобщего религиозного подъема на квакерском бракосочетании она встала, чтобы провозгласить, что помощники забыли зажечь газ под самоваром. В манере, которая сделала бы честь Джойс Гренфелл⁴⁸, она с легкостью развенчивала раздутое эго многих академиков Кембриджа. Она вела себя аристократично и уверенно, но в основе ее действий всегда лежала искренняя и глубокая склонность к христианским добродетелям. Она была столпом традиционных ценностей, представляя в своем лице все то, что Стивен отвергал; а ее основной мишенью являлись «пустоголовые либералы». В ней Стивен обрел достойного соперника; он уважал ее за доброту и щедрость, несмотря на то что с политической точки зрения они были на противоположных сторонах баррикады.

В следующие несколько месяцев Тельма Тэтчер взяла нас под свое крыло, как заботливая наседка. Она смотрела, все ли в порядке у Стивена, когда я уезжала в Лондон, и одновременно заботилась о своем престарелом муже, который, как она сказала, «украл ее из колыбели», а также об их молодой и независимой дочери Мэри, составляющей архив видеофильмов о быте британцев в Индии.

Скорее, чем хотелось бы, я вновь приступила к занятиям в Уэстфилде: начался последний год обучения. Расставание со Стивеном по понедельникам было очень болезненным, а график – тяжелым для нас обоих. Стивену едва хватало сил, чтобы справляться с бытовыми ситуациями, связанными с жизнью в доме; кроме того, каждый вечер, если его кто-нибудь не приглашал в гости, он совершал полную опасностей прогулку на длинную дистанцию по Кингс-парад, чтобы поужинать в колледже. Наша подруга из Австралии Анн Янг каждый день из своего окна наблюдала за тем, как он медленно идет по противоположной стороне улицы. Обратного его обычно провожал один из младших научных сотрудников, после чего Стивен звонил мне по телефону, докладывая о том, как прошел день.

Мои обычные передвижения также были изнурительными.

Я уезжала в Лондон в понедельник утром, проводила неделю в Уэстфилде, а в пятницу вечером снова вливалась в ряды пользователей общественного автотранспорта. Стремясь поскорее добраться в Кембридж, к Стивену, – а также успеть на вечерний курс лекций Николауса Певзнера⁴⁹ по архитектуре Возрождения, который мы посещали вдвоем, – я грызла ногти и нервно смотрела на часы в метрополитене, гадая, сколько еще поезд просидит в туннеле, в ужасе от того, что могу опоздать на поезд от Ливерпуль-стрит⁵⁰. Впоследствии долгие годы мне снился страшный сон, в котором я застреваю в туннеле лондонской подземки.

В течение недели напряжение не ослабевало: переводы с английского на испанский и обратно, эссе и контрольные работы, которые следовало сдавать в срок и которые я должна была успевать делать по вечерам в будние дни. Выходные оказывались под завязку забиты походами в магазины, стиркой, уборкой и перепечаткой тех частей диссертации Стивена, которые он написал в течение недели своим неровным, практически неразборчивым почер-

---

⁴⁸ Джойс Ирен Гренфелл (10 февраля 1910 – 30 ноября 1979) – английская комедийная актриса, автор монологов, исполнительница собственных песен.

⁴⁹ Николаус Бернхард Леон Певзнер (30 января 1902, Лейпциг, – 18 августа 1983, Лондон) – британский историк искусства германского происхождения, специализировавшийся в основном на истории архитектуры. Более всего известен как автор фундаментального 46-томного сочинения *The Buildings of England* («Здания Англии»), над которым работал с 1951 по 1974 год и которое считается одним из самых значительных искусствоведческих трудов XX века.

⁵⁰ Ливерпуль-стрит (Liverpool Street station, также London Liverpool Street и St Pancras International, редко – Ливерпульский вокзал) – один из 13 центральных железнодорожных вокзалов Лондона.

ком, а также набором других частей под его диктовку. Печатная машинка стояла на новом блестящем обеденном столе; больше на кухне не было никакой мебели. Мучения, пережитые на курсах стенографии перед поступлением в университет, сейчас приносили свои плоды. Скоропись оказалась умеренно полезной для конспектирования лекций, но именно навыки ненавистной машинописи были божьим даром, позволяющим зафиксировать на бумаге законы сотворения мира. Благодаря этому мы сэкономили весьма значительную сумму, которая ушла бы на гонорары машинистки. Первые отрывки диссертации, появившиеся в Корнелле, содержали массу уравнений, символов и коэффициентов, греческих букв, надстрочных и подстрочных цифр, а также конечные и бесконечные вселенные, сводившие меня с ума. Тем не менее, так как это была научная диссертация, ее объем был ограничен. Кроме того, я утешалась тем, что причастна к определению происхождения вселенной. Мне внушала священный ужас мысль о том, что все эти загадочные цифры, буквы и знаки содержат секрет темной глубокой бесконечности. Однако слишком длительные размышления о поэтической составляющей темы мешали работе, поскольку отвлекали внимание от всех этих точек и циферок над и под строкой, неправильное положение которых могло нарушить порядок созидания и повергнуть зарождающуюся вселенную в первичный хаос.

Честно говоря, я очень гордилась тем, что могу внести в диссертацию Стивена более существенный вклад, чем механическое перепечатывание.

Честно говоря, я очень гордилась тем, что могу внести в диссертацию более существенный вклад, чем механическое перепечатывание. Употребление Стивеном английского языка оставляло желать много лучшего. Его устная речь изобиловала сорными словами, такими как «в общем» и «то есть», да и в письменной форме он не проявлял должного уважения к английской стилистике. Являясь дочерью преданного слуги Ее Величества, я с малых лет была приучена использовать язык как точный инструмент, стараясь выражать свои мысли ясно и подробно. Здесь находилась та область, в которой я могла помочь Стивену преодолеть пропасть между искусством и наукой.

Также в выходные мы покупали необходимые предметы для дома и мебель, исследовали Кембридж и его окрестности и встречались с друзьями. Однажды мы провели целую субботу в магазине электротоваров, обсуждая, можем ли себе позволить потратить на покупку холодильника на пять фунтов больше, чем планировали. Учитывая то, что зарплата Стивена, как мы, наконец, выяснили, составляла тысячу сто фунтов в год, а за аренду дома и его содержание мы платили десять фунтов в неделю, то дополнительные пять фунтов составляли значительную сумму денег. В воскресенье, если удавалось успешно извлечь «Мини» из общего гаража колледжа Гонвиля и Каюса, мы ездили по Кембриджширу, посещая церкви и деревушки и попутно присматривая дом или участок земли, который могли бы купить. Иногда нам приходилось отказаться от экспедиции из-за того, что «Мини» так забаррикадировали стареющие «Бентли» и «Роверы», что он мог быть извлечен из своего угла только при помощи подъемного крана.

Однажды в воскресенье, успешно выехав из гаража, мы решили посетить местную достопримечательность, относящуюся к собственности Национального треста⁵¹, – аббатство Англси. Поскольку парковка находилась почти в километре от самого аббатства, я проехала мимо нее по усыпанной листьями дороге к главному входу, ожидая, что там с пониманием отнесутся к такому поступку, увидев моего частично обездвиженного пассажира. На самом деле нас встретили с нетерпимостью, граничащей с грубостью, и не позволили Стивену выйти из машины. Мы сразу же отправились домой, где я написала яростное письмо протеста – не только против недостатка удобств для инвалидов в Великобритании, но и про-

⁵¹ Организация по охране исторических памятников, достопримечательностей и живописных мест в Великобритании.

тив неуважения, с которым к ним относятся, таким образом, впервые проявив себя в качестве защитника людей с ограниченными возможностями.

Любовниц здесь предпочитали скучным, глупым женам. Член колледжа имел право пригласить за стол любую женщину – при условии, что она не являлась его женой.

Часто по воскресеньям мы оказывались неподалеку от домов наших женатых друзей как раз во время чаепития и без приглашения являлись к ним в гости, поддерживая угасающую иллюзию, что еще можем себе позволить спонтанность студенческих лет. У многих из этих друзей, которые были немного старше нас, уже появились первые дети. В связи с этим мы постепенно приобщались к их семейному стилю жизни, в особенности после того, как я стала крестной двух вышеупомянутых малышей, что меня восхитило и немного озадачило. В то же время Стивен все больше погружался в жизнь сообщества научных сотрудников колледжа Гонвиля и Каюса. Субботним вечером в октябре я пошла вместе с ним на церемонию посвящения новых членов колледжа, проходившую в часовне. Капеллан предложил мне пронаблюдать за церемонией с хоров, а потом пригласил меня, жену сотрудника, в моей будничной одежде, отужинать за столом для почетных гостей. Это был беспрецедентный поступок: во всех колледжах Кембриджа испокон веков установлено, что жены не имеют права сидеть за этим столом. Стол предназначался для членов колледжа, культивирующих собственную значимость с такой же неустанной заботой, с какой филателист пополняет свою коллекцию, а заводчик почтовых голубей выводит новую породу. За столом всегда обсуждался самый интригующий предмет – их собственные персоны, о которых они могли пространно рассуждать, избегая необходимости говорить о предметах, знакомых им недостаточно. Любовниц здесь предпочитали скучным, глупым женам. Член колледжа имел право пригласить за стол любую женщину – при условии, что она не являлась его женой. Само собой разумелось, что студентам также запрещено сидеть за Высоким Столом. В тайне от руководства этот капеллан-раскольник нарушил оба священных правила.

После церемонии посвящения Стивена пригласили на совещание административного совета колледжа. Еще не успевшего толком разобраться в происходящем, в ту пятницу его поглотила пучина политических игр. Сам того не желая, он как будто оказался частью инсценировки романа Чарльза Перси Сноу «Наставники». Единственное незначительное отличие заключалось в том, что в романе распри по поводу власти происходят в колледже Крайсте, в котором учился сам Сноу, а Стивен находился в колледже Каюса. Здесь жизнь в точности имитировала искусство. Как стало известно Стивену, обвинение, выдвинутое против главы колледжа Сэра Невилла Мотта, заключалось в том, что он использовал свое положение для покровительства своим протеже. В то время было невозможно установить истину. В административном совете бушевали страсти, многие его члены на грани срыва бросались неосторожными обвинениями. В результате быстрых подсчетов Стивен с неудовольствием осознал, что голоса новых сотрудников могут играть решающую роль – фактически его собственный голос мог стать решающим, – но так как они плохо понимали суть вопроса, то вынуждены были голосовать вслепую. Знакомство Стивена с политической подоплекой работы в колледже имело драматическую развязку: его глава подал прошение об отставке.

В следующем году волнения по поводу руководства колледжем поутихли, поскольку его новым главой Джозеф Нидхэм, неохотно оторвавшись от титанического труда по обобщению истории науки в Китае, вернул колледж к стабильности. Хотя я находила его манеру общения резкой, за исключением одного памятного случая, когда за портвейном в профессорской комнате после званого обеда он многословно предостерегал меня против употребления французских вин с высоким содержанием сахара («Барсак» и ему подобных) из-за высокого содержания в них дисульфида. Зато его безупречная жена Дороти оказала мне

неоценимую помощь в организации небольшого плацдарма для моих собственных академических начинаний в Кембридже. Несмотря на научные достижения, она была самым скромным и симпатичным академиком из всех, с кем мне приходилось общаться.

10. Зимние каникулы

Диссертация Стивена оказалась настолько удачной, что он скоро приобрел репутацию гениального новичка в своей области науки. Зимой он получил свою долю признания в связи с присуждением ему премии Адамса⁵² наполовину с Роджером Пенроузом за эссе по математике, озаглавленное «Сингулярности и геометрия пространства-времени». Его научный руководитель Деннис Шама заверил меня в том, что Стивена ожидает карьера ньютоновского значения, и он сделает все от него зависящее, чтобы способствовать этому. Он сдержал свое слово. Всю свою кипучую энергию Деннис Шама самоотверженно употреблял на то, чтобы продвигать карьеру своих подопечных, а не собственную. Его страсть к разгадыванию тайн Вселенной была сильнее любых личных амбиций. Отправляя своих диссертантов на конференции и совещания, будь то в Лондоне или за рубежом, и требуя от них детального изучения и изложения всех публикаций по теме их диссертации, он значительно пополнил свою и их копилку знаний, а также воспитал целое поколение выдающихся космологов, релятивистов, астрофизиков, специалистов по прикладной математике и физиков-теоретиков. Честно говоря, я никогда не понимала, чем отличаются эти термины; я заметила только то, что профессия ученого меняется в зависимости от названия конференции: все вдруг становились астрофизиками, если предстояла конференция Астрофизического союза, или релятивистами, если на носу была конференция по общей теории относительности, и так далее. В ту осень недавние релятивисты, пережив июльскую конференцию в Лондоне, подобно хамелеонам, начали примерять обличье астрофизиков, готовясь к участию в декабрьской конференции в Майами-Бич.

Под конец семестра Стивен узнал о том, что колледж предлагает финансировать поездку в Майами для нас обоих. Я сомневалась в том, стоит ли отрываться от учебного процесса в Уэстфилде, пусть даже на пару дней в конце семестра, но, к моему удивлению, у профессора Вэри не возникло возражений по поводу моего отсутствия, так что тусклым декабрьским утром после долгого ожидания вылета в лондонском аэропорту (над городом висел густой туман) мы отправились в путь. Во Флориде было уже темно, когда мы приземлились; поэтому лишь на следующее утро мы обнаружили, что наш отель стоит прямо на пляже, а из окон открывается вид на бирюзовые волны Карибского моря. Только что покинув холодный промозглый Лондон после изнурительного семестра, я поразились нереальности, невероятности ситуации – как будто бы шагнула в другое измерение, оказалась в Зазеркалье. Это впечатление усиливалось на протяжении нашей поездки. Голубое небо и солнце были нам очень нужны, потому что приступы удушья у Стивена участились, и его сестра Мэри убедительно советовала мне отвезти его в теплые края на зиму. Благодаря этой счастливой возможности мы получили неделю солнца.

В день открытия конференции Стивен и его неформально одетые коллеги исчезли за дверями зала заседаний, а я отправилась на разведку. Отель, построенный полукругом около бассейна, выглядел подозрительно знакомым. Я спросила себя, не дежавю ли это, так как не сомневалась, что где-то уже видела его раньше. Внезапно на меня снизошло озарение: это был отель, в котором снимали первые кадры фильма «Голдфингер», триллера из серии о Джеймсе Бонде. Именно в этом отеле девушка умерла от недостатка кислорода, так как ее с ног до головы покрыли золотой краской! Отель «Фонтенбло» представлял собой модернистское здание из бетона с мраморными полами, стеклянными стенами и огромными зер-

---

⁵² Премия Адамса (Adams Prize) ежегодно присуждается факультетом математики Кембриджского университета молодому английскому математику за первоклассное международное исследование в области математических наук.

калами на всю стену. В соответствии с названием он был полностью меблирован в стиле Людовика XV.

Не только мебель выглядела неуместно: сама конференция по астрофизике представляла собой большое недоразумение. Одетый с иголки персонал отеля, по-видимому, не знал, как относиться к делегатам, чьи футболки, шорты и сандалии никак нельзя было назвать элегантными. Как-то я пробралась в конференц-зал с намерением немного послушать одну из лекций. Поначалу меня привело в замешательство отсутствие знакомых лиц среди присутствующих. Потом я заметила, что слушатели одеты не так, как физики за завтраком: тут были черные костюмы с галстуками, гладко зачесанные волосы, уложенные гелем, и ни одной бороды. Когда заговорил докладчик, я в одну минуту поняла свою ошибку: это была конференция директоров еврейских похоронных бюро по теме использования пластиковых биodeградируемых гробов.

После экзотической природы и жаркого солнца Майами нас ожидал перелет в осень – в Остин, штат Техас, где находился университетский городок, в середине шестидесятых восславленный прессой как колыбель лучших умов космологии. Джордж Эллис, приехавший с нами из Майами, был приглашен в Остин на год; он и его жена Сью, с которой я познакомилась на нашей свадьбе, пригласили нас остановиться у них на неделю. За это время нам удалось узнать друг друга получше и заложить фундамент дружбы длиной в жизнь, которая выстояла перед многочисленными неурядицами, ожидавшими нас. Джордж был по характеру меланхоличным и погруженным в себя. Его отец являлся знаменитым издателем *Rand Daily Mail*, газеты, известной своим сопротивлением апартеиду в Южной Африке. Он познакомился со Сью, дочерью традиционного родезийского⁵³ фермера, в Кейптаунском университете. Джордж и Сью были яростными противниками апартеида и, став добровольными политическими эмигрантами по отношению к Южной Африке, всегда подчеркивали, что не смогли бы там жить. В отличие от задумчивого интроверта Джорджа Сью была общительна, но не навязчива, жизнерадостна, но чувствительна к потребностям других людей. Талантливая художница и скульптор, она излучала тепло и созидательность – качества, которые она предоставила в распоряжение школы для обездоленных детей, находившейся неподалеку от Остина. Среди ее учеников числились не только жертвы распада семей и физического насилия; среди них были и девочки-негритянки, вынужденные выживать за счет проституции; их спасли из чикагских трущоб и вывезли в Техас для реабилитации. Можно представить, каким кладом оказалась Сью для этой школы: она умела мастерить чудесные поделки из малейшего обрывка бумаги, кусочка проволоки или горстки спичек, а ее дружелюбная забота мгновенно завоевывала сердца детей, научившихся не доверять взрослым.

Я пришла к выводу, что Америка – неплохое место для здоровых и успешных людей, но для слабых и немощных, для тех, кто не по своей вине стал жертвой родовой травмы, несчастного случая или болезни и не может позаботиться о себе, это был жестокий мир, где выживал сильнейший.

В том, как она устроила свою жизнь в Техасе, Сью была исключением из правил среди жен физиков. У большинства из них не имелось выраженных интересов, помимо манускриптов и карикатур Макса Бирбома⁵⁴, которые они брали в университетской библиотеке, и прогулок по прямым параллельным и перпендикулярным улицам с роскошными жилыми домами среди ландшафта, единственным украшением которого были измазанные черным нефтяные насосы, похожие на огромных журавлей, кивками извлекающих жидкое золото из желтой земли. Чувство оторванности от цивилизации становилось тем более всепогло-

⁵³ Житель или уроженец Родезии (ныне Зимбабве).

⁵⁴ Английский писатель, художник-карикатурист, книжный иллюстратор.

щающим, что даже радиоволны здесь можно было поймать не всегда. Ощущение изолированности этого места усилилось из-за того, что нам со Стивеном потребовалось целых двадцать часов, чтобы вернуться в Лондон с пересадками в Хьюстоне и Чикаго, где нас надолго задержал снег на взлетной полосе.

Возможно, в глубине души Стивен вынашивал мысль о том, чтобы перебраться в Остин и присоединиться к группе работавших там физиков; я же в очередной раз была рада покинуть Америку, несмотря на ее климатические преимущества. В частности, меня весьма насторожил один показательный случай. Как-то в воскресный день мы отправились в гости к друзьям Эллисов, и там Стивен очень неудачно упал; после падения он кашлял кровью. Поскольку больше всего он боялся повреждения мозга, то настоял, чтобы вызвали доктора. Услышав эту просьбу, хозяева пришли в неопределимый ужас. Им было неловко из-за того, что их гость упал, но вызвать доктора на дом не представлялось возможным, в особенности в воскресенье вечером. Они сказали, что вряд ли удастся уговорить хоть какого-нибудь доктора прийти. После многочисленных телефонных звонков им все-таки удалось связаться с терапевтом, который в качестве исключения согласился осмотреть Стивена. По приезде его ожидал поистине царский прием. Он проделал необходимые манипуляции, показавшие, что все в порядке; я же в это время пришла к выводу, что Америка – неплохое место для здоровых и успешных людей, но для слабых и немощных, для тех, кто стал жертвой родовой травмы, несчастного случая или болезни и не может позаботиться о себе, это был жестокий мир, где выживал сильнейший.

11. Прихоти учебы

По возвращении в Англию нас ожидала еще одна перемена в жизни. Мы встретили Рождество в Сент-Олбансе и вернулись в Кембридж на улицу Литл-Сент-Мэри, но не в дом номер одиннадцать, а в дом номер шесть. Неустанная ревнительница наших интересов Тельма Тэтчер позвонила по телефону отсутствующей владелице дома, некой миссис Тюлон-Портер («весьма странная особа, дорогие мои»), и внушила ей, что абсолютно бесчеловечно оставлять дом пустовать в виду «отчаянной нехватки жилья для молодежи». Миссис Тюлон-Портер настолько прониклась серьезностью ситуации, что приехала первым же автобусом из Шефтсбери в Кембридж. Несмотря на подозрения в странности, она была прекрасно устроена в доме Тэтчеров на время, пока приводила в порядок собственную пустующую недвижимость.

Миссис Тюлон-Портер оказалась маленькой сухой старушкой с седыми волосами. В девичестве фройляйн Тюлон, она приехала в Англию в 1920-х, купила дом номер шесть по Литл-Сент-Мэри и впоследствии вышла замуж за своего соседа, покойного мистера Портера. Их объединяла страсть к истории фольклора; они были тесно связаны с Кембриджским фольклорным музеем, что, видимо, вызывало у миссис Тэтчер подозрение об их причастности к оккультным наукам. В доме многое свидетельствовало об их общем увлечении: англосаксонский рунический камень, встроенный в камин, вероятно, когда-то находился на церковном дворе; козырек двери, выполненный из цельного среза вяза; деревянный обод старинного колеса был переделан в тяжелую кривую табуретку, а дубовый фореиторский ящик восемнадцатого века, закрепленный на стене, использовался в качестве маленького комода.

Нам миссис Тюлон-Портер показалась достаточно безобидной – возможно, потому, что она уже была вымуштрована своей гостеприимной соседкой из дома под номером девять, – но ее дом, несмотря на странные аксессуары и идеальное расположение, поразил нас своей мрачностью и заброшенностью: в нем пахло гнилью, а стены, казалось, были вымазаны диккенсовской сажой. Фасад из красного кирпича и наружная штукатурка свидетельствовали о реставрации времен эдвардианской эпохи⁵⁵, в то время как гостиные на всех трех этажах не ремонтировались с XVIII века – они были бы очаровательны, если бы не грязь, накопившаяся за это время. Ступеньки двух лестничных пролетов, хоть и узкие и крутые, в то же время не являлись непреодолимым препятствием. Задняя стена дома, выходящая на запущенный дворик, окруженный другими домами и огороженный высокой стеной, находилась на грани разрушения, потому что фундамент в этом месте был настолько расшатан, что пол кухни и, соответственно, потолок кухни и пол ванной комнаты на втором этаже просели под опасным углом. Миссис Тюлон-Портер ничуть не обеспокоили все эти детали. Согласно табличке на внешней стене, этот выдающийся образчик архитектуры был спроектирован Джоном Кларком в 1770 году.

Потребовалась изрядная доля воображения и лишенный сантиментов подход миссис Тэтчер, чтобы убедить нас в том, что это и есть дом нашей мечты. Действительно, его расположение было идеальным. Из комнат, выходящих окнами на фасад, открывался отличный вид на церковный дворик и газовый фонарь, который даже зимой выглядел очень поэтично. Хотя пропорции первого этажа пострадали из-за того, что ступени лестницы дома номер пять упирались в общую стену, двух спален было для нас вполне достаточно. «Дорогие мои, все, что ему нужно, – это слой краски. Вы увидите – слой краски творит чудеса», – автори-

⁵⁵ Начало XX века.

тетно заявила Тельма Тэтчер, не привыкшая к тому, чтобы ее великие планы расстраивались из-за пустяков.

Мы дали себя уговорить и вступили в переговоры с собственником. Дерзкое предложение Стивена – две тысячи фунтов стерлингов за дом – было отклонено с застенчивым замечанием в сторону миссис Тэтчер, что на открытом рынке он принес бы не менее четырех тысяч. Однако мы договорились, что будем арендовать дом за четыре фунта в неделю до того времени, пока не накопим четыре тысячи фунтов, необходимых для покупки дома. До этого времени нам предоставлялось право обращаться с домом так, как если бы он был нашим собственным, и делать внутренний ремонт по нашему усмотрению. Сделка устроила всех присутствующих. Миссис Тэтчер сопроводила гостью обратно в дом номер девять, где, судя по всему, угостила ее рекордным количеством хереса или, быть может, джина; по крайней мере, на следующий день мы узнали, что миссис Тюлон-Портер перед отбытием в Шефтсбери дала согласие на то, чтобы убрать старый навес для угля и сарайчик для инструментов с заднего двора, а также на ремонт фасада.

Поскольку дом не был заселен, миссис Тюлон-Портер ничего не имела против того, чтобы мы сделали ремонт перед заселением. Диссертацию Стивена мы уже отдали в переплет, так что время, ушедшее на печатание рукописи, теперь можно было посвятить моему следующему занятию – покраске дома. Сам процесс мне нравился, но имел мало общего с испанской лингвистикой, к выпускным экзаменам по которой мне следовало готовиться. Однако состояние дома было действительно плачевным, а профессиональных отделочников мы позволить себе не могли; таким образом, у меня не оставалось выбора. Вооруженная целой коллекцией кистей и тонной белой краски, я атаковала мрачные стены гостиной. Я поставила себе цель до переезда покрасить две наиболее важные комнаты: гостиную и нашу спальню, а после сражаться с тем, что оставалось: чердаком, двумя лестничными пролетами, кухней и ванной, с чем рассчитывала справиться за несколько месяцев.

Мне не нравился запах краски, поэтому я работала с открытой парадной дверью. Тэтчеры частенько заходили полюбоваться на процесс, поэтому я не испытывала недостатка в чашках чая и ободряющих комментариях. Однажды мистер Тэтчер остановился, проходя мимо нашего дома, слегка изогнув по-военному прямую спину, чтобы заглянуть в дверной проем.

«Ну и ну! – воскликнул он. – Какая же вы хрупкая, но, видит Бог, силы в вас уйма!» Я улыбнулась с высоты своей стремянки, польщенная комплиментом старого вояки, ветерана Первой мировой войны, все еще носившего ее шрамы на своем исхудалом лице. Через несколько дней мы узнали о том, что Тэтчеры решили заплатить своему разнорабочему за покраску потолка в нашей гостиной. «Подарок дорогого Билли на новоселье соседям» – так Тельма Тэтчер описала щедрость своего мужа. Разнорабочий Тэтчеров, похожий на расплывшего Джона Гилгуда⁵⁶, оказался художником на пенсии, в свободное время зарабатывающий ремеслом, схожим с его профессией; его жена держала типографию на Кингс-парад. Он был приятным мужчиной, но, как я подозреваю, изрядно позабавился, глядя на мои неловкие потуги в овладении его мастерством. Под его чутким руководством я вскоре освоила основные приемы его искусства: надо было начинать красить стену сверху; неровные поверхности лучше прокрашивались, если краску наносить по кругу; для окраски оконной рамы использовался малярный скотч.

В релятивистских кругах Стивен стремительно поднимался по лестнице славы в связи с его исследованиями сингулярностей; мои учебные дела также вызвали чувство головокружения, но по другой причине: я постоянно меняла род занятий.

---

⁵⁶ Сэр Артур Джон Гилгуд (Sir Arthur John Gielgud; 14 апреля 1904, Лондон, – 21 мая 2000, Уоттон Андервуд) – английский актер, театральный режиссер, один из крупнейших исполнителей шекспировских ролей в истории театра.

В течение недели я поднималась на вершины знаний, получая интенсивные дозы средневековых и современных языков, филологии и литературы; по субботам – спускалась с небес на землю, проходя экспресс-курс по отделке интерьеров. В итоге, поняв, что площадь потолков и стен, требующих покраски, явно превышает мои возможности, мы подсчитали, что можем оплатить декоратору покраску кухни – к тому же эта работа была не из приятных: грязь и плесень копились там веками.

Хотя мои родители сами только что осилили переезд в новый дом, они и мой брат Крис приезжали в Кембридж на выходные вначале 1966-го, чтобы отремонтировать спальню верхнего этажа. В знак признательности за их готовность помочь отец Стивена выкроил время между своими поездками по миру, чтобы покрасить ванную; я же нанесла слой эмали на старую облупившуюся ванну. И вот, волшебным образом подтверждая правдивость предсказания Тельмы Тэтчер, покосившийся коттедж XVIII века приобрел вполне узнаваемые черты дома нашей мечты. Неровные углы его потолков и стен стали казаться просто забавной деталью. Наши немногочисленные предметы мебелировки, которые разные коллеги Стивена по случаю переносили на дистанцию в пять домов, поместились в новом доме идеально – хотя, покупая их, мы, конечно, не знали габаритов мест их конечного назначения.

Мы со Стивеном настолько вдохновились результатом реставрации нашего домика, что решили: пришла пора нанести визит новому казначею Гонвилю и Каюса. В этом намерении нас также поддерживала растущая уверенность Стивена в своем положении в колледже. После нового года мы отважились посетить ежегодный Дамский вечер, или «Утешение епископа Шекстона». В этот день жен официально приглашали в Кембридж и угощали на банкете, как будто для того, чтобы компенсировать презрение, с которым к ним относились в течение года. Епископ Шекстон в XVI веке завещал щедрое пособие величиной двенадцать шиллингов шесть пенсов для утешения каждого члена колледжа, который вынужден проводить Рождество в доме, а не в колледже. Современного эквивалента двенадцати шиллингов шести пенсов хватало на то, чтобы приготовить для членов колледжа и их супруг роскошную трапезу из пяти-шести блюд с неограниченным количеством лучшего вина. Обычно на ужин подавался суп, целый омар, мелкая дикая птица неизвестного вида (порция состояла из целой тушки с головой и лапками), щедрый кусок пудинга, пикантный сыр и к десерту непременно знаменитый портвейн или кларет, который, согласно традиции, следует передавать исключительно по часовой стрелке. Теоретически это должно было быть великолепное угощение; на практике же залы колледжа так плохо отапливались, что блюда достигали стола уже остывшими. Наш первый опыт посещения Утешения епископа Шекстона отдавал холодком, и не только из-за температуры пищи, вина и помещения. Нас посадили за один стол с бывшим казначеем – тем самым, который безжалостно пресек вполне законные попытки Стивена получить информацию о зарплате перед нашей свадьбой. Этого было вполне достаточно для расстройства; но оно усугубилось тем, что наши места находились в конце стола, где его опора не позволяла сесть удобно. После ужина, который прошел в ледяном молчании, из сумрака появились престарелые музыканты и начали «жарить» допотопный фокстрот. Я так и не научилась танцевать фокстрот: пришествие «Биттлз» пресекло мои заигрывания с бальными танцами, и теперь я могла лишь угрюмо смотреть на то, как наши молчаливые сотрапезники поднялись со своих мест и направились на танцплощадку. Подобно закрытым черным зонтикам в чехлах, они двигались по залу, властно передвигая покорных задрапированных супруг и проворно совершая отточенные мелкие движения ногами. Мне было двадцать один, остальным присутствующим – по сорок-пятьдесят, а то и по шестьдесят-семьдесят. Складывалось впечатление, что мы перенеслись в другое измерение, где господствует гериатрическая культура, а люди нашего возраста подвергаются намеренному ostracismu.

Единственным утешением нам служило то, что Гонвиль и Кай, один из богатейших и наиболее финансово стабильных колледжей, в принципе, мог бы одолжить нам пару тысяч

фунтов, не поставив под угрозу свою финансовую состоятельность. Мы прекрасно осознавали, что ни одно строительное общество даже не станет рассматривать дом для выдачи ипотеки, но Стивен, не сломленный предыдущими неудачами у казначеев, посчитал, что колледж можно попросить о ссуде, которая позволила бы нам предложить более солидную сумму миссис Тюлон-Портер. Ожидая его в приемной казначея, я обсудила нашу деликатную проблему с мистером Кларком, седовласым ассистентом казначейства, который выглядел гораздо более сговорчивым, чем сам казначей. Мой разговор с ним я начала с жалобы. Почему, спросила я мистера Кларка, несколько недель назад вы выслали Стивену формы заявления на университетскую пенсию, когда всем известно, что жизнь Стивена будет столь скоротечна, что, по всей вероятности, он не сможет ее получить? Не было ли это бессердечием с вашей стороны – отправлять пресловутые формы? Стивен лишь один раз взглянул на них и устало отодвинул в сторону, не желая рассматривать возможность обеспечить будущее, на которое могли рассчитывать другие, но в котором было отказано ему самому.

Мистер Кларк, вопреки ожиданиям, не извинился за свое жестокосердие; напротив, помотал головой, не постигая, в чем заключается моя проблема. «Видите ли, юная леди, я всего лишь следую своим инструкциям, – сказал он, бросив на меня взгляд светло-голубых глаз из-под кустистых седых бровей. – А мои инструкции состоят в том, чтобы отправлять формы всем новым членам колледжа, поскольку всем новым членам колледжа по праву полагается университетская пенсия. Ваш муж является новым членом колледжа, следовательно, ему полагается университетская пенсия, как и всем остальным. Ему лишь нужно подписать формы, чтобы установить свое право». Его слова все еще звенели в моих ушах, когда он добавил как бы между прочим: «Никаких медицинских анализов, ничего подобного, если вас это беспокоит».

Агент убедительно дал нам понять, что мы потратили его время зря, пригласив по такому абсурдному вопросу. Разве мы не видим, что задняя стена дома разваливается?

То, что он сказал, не укладывалось у меня в голове. Эти вещи мы в своем невежестве считали неприменимыми к нашей ситуации. Теперь же мне говорили, что не хватало лишь подписи и что таким образом нам было гарантировано условие, на которое ни один из нас не рассчитывал, – уверенность в завтрашнем дне. Всего лишь за одни сутки мы оба добились значительного успеха и при помощи этого успеха обнаружили для себя новую цель в жизни – уверенность в завтрашнем дне, которая, как ни странно, несла в себе утешительный смысл. Стивен уговорил казначея отправить агента по продаже земельной собственности колледжа для осмотра дома с целью предоставления обеспечения по ссуде, а я закрепила право Стивена на получение пенсии. С суммой, недостающей для покупки дома, и гарантией пенсии наше благополучие обрело два надежных якоря во всех отношениях ненадежном мире.

Земельный агент колледжа прибыл на осмотр дома солнечным весенним утром, в то время, когда церковный дворик уже готов был взорваться желтым многоцветием. Наш оптимизм значительно поутих, когда мы увидели его сухое, неулыбчивое лицо; услышав его устный вердикт, предстоящий письменному отчету, мы утратили всякую надежду. Агент убедительно дал нам понять, что мы потратили его время зря, пригласив по такому абсурдному вопросу. Разве мы не видим, что задняя стена дома разваливается? И, если нам этого мало, мансарда на третьем этаже явно пожароопасна. Он не рискнул бы провести там ночь, не стал бы устраивать кабинет и никому не посоветовал бы этого делать. Двухсотлетний дом, по его мнению, не являлся разумным капиталовложением. В любом случае, в текущее время рассматривалось несколько вариантов строительства новых дорог, так что его не удивило бы, если бы вся улица пошла под снос, а на ее месте была построена новая дорога для подъезда

с запада к центру города. Он никак не мог рекомендовать дом в качестве инвестиции для колледжа.

Стивена привел в бешенство такой недальновидный вердикт; тем не менее, несмотря на его громогласные протесты, казначей принял отчет земельного агента. Некоторое время спустя мы проезжали мимо офиса этого агентства, расположенного на другом конце города, и Стивен в негодовании фыркнул, указывая на здание. Как и наш дом, оно было высотой в три этажа, но более масштабных пропорций, как минимум на три метра выше. Третий этаж, насколько мы могли рассмотреть, использовался под офис или кабинет. Кроме того, это оштукатуренное здание с островерхой крышей и деревянными опорами живописно выдавалось вперед и кренилось на манер обветшалого здания XVI века. По сравнению с ним наш домик XVIII века выглядел определенно более современным и хорошо сохранившимся. Таким образом, мы не нашли быстрого решения; наилучшим выходом нам показалось скопить максимально возможную сумму и сделать первоначальный вклад в ипотеку на более новый дом. Мы воплотили это решение в жизнь: Стивен зарабатывал деньги при помощи научной работы, преподавания и конкурсов статей, а я, вопреки тогдашней моде на экстравагантное расточительство, поощряемой правительством Макмиллана, занималась семейным бюджетом, оплачивая счета и экономя при помощи бережливого ведения хозяйства. Вкуснейшие обрезки бекона с жировыми прожилками продавались по шиллингу шесть пенсов за фунт в старом добром Сэйнсбери⁵⁷ с его мраморными прилавками и бесконечными очередями; утиная печенка от птицеводческой фермы Сеннит была питательна и дешева; на рынке в изобилии продавались свежие фрукты и овощи; мясник оставлял для меня недорогую вырезку, переднюю ногу свиньи или лопатку барана, все за пять шиллингов, что позволило мне ни разу не осрамиться перед гостями – нашими новыми друзьями из колледжа и с кафедры.

Стивен зарабатывал деньги при помощи научной работы, преподавания и конкурсов статей, а я, вопреки тогдашней моде на экстравагантное расточительство, поощряемой правительством Макмиллана, занималась семейным бюджетом, оплачивая счета и экономя при помощи бережливого ведения хозяйства.

Лейбористское правительство, избранное в 1964 году, унаследовало от консерваторов сомнительное настроение нации, переживающей гигантский бум шопинга. Весной 1966 года, впервые воспользовавшись правом голосовать, я присоединилась к вечерней демонстрации на рыночной площади, празднующей успех лейбористского кандидата в повторных выборах, организованных для того, чтобы увеличить правительственное большинство. К сожалению, наш новый член парламента, Роберт Дэйвиз, умер, не окончив срок службы, а лейбористское правительство было задавлено растущими экономическими проблемами, частыми забастовками и постоянной озабоченностью «кризисом платежного баланса», вызвавшего шумиху в 1960-х.

С падением курса фунта стерлингов Великобритания утрачивала роль сверхдержавы. Сообщения о событиях внутри страны как никогда пестрели экономическими новостями, в то время как международная обстановка, связанная с войной во Вьетнаме и усиливающимся напряжением на Ближнем Востоке, грозила вызвать предполагаемую конфронтацию сверхдержав и поставить под угрозу сдерживание ядерной атаки с обеих сторон.

Тем временем Стивен обнаружил еще один способ зарабатывания денег без ущерба саморазвитию. Он всегда хотел изучать математику в Оксфорде, но его отец был убежден (и оказался неправ), что для математиков в будущем не останется работы. Зная о том, что

⁵⁷ Вторая по величине сеть супермаркетов в Великобритании.

уже разочаровал отца отсутствием интереса к медицине, Стивен пошел на компромисс и поступил на физический факультет. Поэтому, приехав в Кембридж в качестве аспиранта, он имел лишь базовые знания по математике. Сейчас же, работая с Роджером Пенроузом, который был блестящим математиком, Стивен почувствовал свое слабое место, но быстро нашел отличное решение для этой проблемы: он решил выучить математику, взяв на себя обязанность вести этот курс у студентов Гонвиля и Каюса. Таким образом он постепенно проработал всю программу для получения степени бакалавра с отличием по математике. Естественно, его успехи были гораздо более впечатляющими, чем у его студентов: он находил огорчительной недостаточность у них прикладных навыков, как было указано в его отчете по итогам семестра, который я написала под его диктовку. С Брэндоном Картером он посетил несколько лекций по математике для студентов, в частности тот курс, что читал добродушный глава колледжа Пемброк сэра Вильям Ходж. В течение семестра большая часть публики постепенно растаяла, оставив сэра Вильяма в обществе трех слушателей: Стивена, Брэндона и еще одного их коллеги, Рэя Макленагана. Они сожалели о том, что не воспользовались возможностью ускользнуть вместе со всеми, но, поскольку их отсутствие было бы слишком заметным, они сочли своим долгом высидеть курс до конца.

Кажется, именно в тот год, когда я завершала обучение в Лондоне, дядя Стивена Герман Гарденберг, психиатр с Харли-стрит, долгое время лежал в больнице Сент-Джонс-Вуд, через дорогу от Уэстфилда, страдая сердечным заболеванием. Я иногда навещала его по вечерам после всех лекций и семинаров. Герман, муж тети Стивена Жанет, тоже врача, был обаятельным, вежливым, прекрасно воспитанным человеком, любившим говорить об интересовавших меня предметах, в частности – о поэзии трубадуров Прованса, которые являлись темой моей выпускной работы. Он в то время читал «Аллегию любви» К. С. Льюиса⁵⁸ и со своей профессиональной точки зрения рассматривал ключевой конфликт поэзии – влюбленный поэт чахнет по своей недостижимой возлюбленной – в физиологическом ключе. Затем наш разговор переходил на семейные темы: я рассказывала о нашей жизни в Кембридже и о реставрации дома. «Надеюсь, Хокинги не обижают тебя?» – осторожно спросил он однажды, явно беспокоясь о том, чтобы его недоверие к этому семейству осталось в тайне. Я конфиденциально заверила его в том, что обо мне не стоит переживать. Да, Хокинги были эксцентричными, даже странными, это знали все; да, они высокомерны, убеждены в своем интеллектуальном превосходстве над простыми смертными – об этом говорил весь Сент-Олбанс, где к ним относились со смешанным чувством подозрения и страха. Да, случались размолвки и срывы, напряжение, витавшее в воздухе во время нашей помолвки и свадьбы, но я воспринимала их как общий фон семейной жизни. У меня не было веских оснований жаловаться на то, как они со мной обращаются. На самом деле, заверила я Германа, они всегда были рады видеть меня и Стивена и тепло встречали нас на Хилсайд-роуд.

---

⁵⁸ Аллегория любви (*The Allegory of Love. A Study in Medieval Tradition*) – историко-литературное исследование К. С. Льюиса, опубликованное в 1936 году. Подзаголовок исследования – «обзор средневековой аллегорической традиции».

12. Бесславный финал

С приближением лета деревья и травы в церковном двореке соперничали друг с другом за внимание местных жителей и прохожих, выставляя напоказ цвета и запахи. Группы туристов, в основном американских, стали регулярно наведываться на нашу улочку. Многие из них прижимали носы к нашим окнам, пытаясь сквозь тюль рассмотреть наш эксцентричный интерьер. Некоторые из них не были восприимчивы к окружающей их красоте; один мальчик громко сказал своим родителям: «Ой, мама, не хотел бы я жить здесь: Святой Дух может явиться и забрать нас!» Я тоже не могла позволить себе долго наслаждаться красотой природы. Кроме короткого перерыва на празднование получения Стивеном ученой степени в марте, все мое время до последней минутки было отдано повторению пройденного материала – в библиотеке моего колледжа в Лондоне в течение недели, в Кембридже на чердаке в окружении книг в выходные, а также в Сент-Олбансе, куда мы приехали к родителям мирно отметить Пасху.

В день визита мать Стивена очень определенно дала мне понять, что Филиппа хочет видеть одного Стивена – без меня, – добавив, что никто из Хокингов, включая Филиппу, не имеет ничего против «этой истории между тобой и Стивеном» (видимо, имелся в виду наш брак).

Семейство Хокингов, напротив, было на взводе. Младшую сестру Стивена Филиппу недавно положили в больницу в Оксфорде по неизвестной мне причине. Я разделяла беспокойство Стивена о ней и хотела навестить ее, наивно надеясь на то, что наконец-то мы с ней сможем уладить одно из тех туманных недоразумений, которое не давало нам подружиться в новом семейном статусе. Я любила Стивена, хотела наладить отношения с его семьей, находить в них приятные стороны и, в свою очередь, нравиться им и не понимала, почему у меня не складываются отношения с его сестрой. Однако в день визита мать Стивена очень определенно дала мне понять, что Филиппа хочет видеть одного Стивена – без меня, – добавив, что никто из Хокингов, включая Филиппу, не имеет ничего против «этой истории между тобой и Стивеном» (видимо, имелся в виду наш брак). Поскольку Стивен не сделал никаких усилий для того, чтобы смягчить резкость матери, я готова была ретироваться в родительский дом и там разрыдаться, но старый «Форд-Зафира» не захотел заводиться, и я внезапно обнаружила, что везу Изабель и Стивена в Оксфорд в нашем «Мини».

Мои спутники отправились в больницу, а я провела несколько часов в комнате ожидания, повторяя великую средневековую эпическую поэму *El Cantar de Mio Cid*⁵⁹, повествующую о деяниях героя в изгнании. Время пролетело незаметно, так как я углубилась в тонкую психологическую подоплеку поэмы конца XII века, в которой искусно переплетались две темы: общественная репутация неуязвимого воина и личные чувства любящего мужа и отца. Когда Сид отправляется в изгнание, поэт уподобляет его разлуку с семьей «вырыванию ногтя из плоти». Далее поэт описывает многочисленные попытки вышеозначенного героя проявить щедрость и поддержку в отношении трусливых зятьев, которые превратно понимают его намерения и ополчаются против него. Этот эпос, подобно шепоту веков, повествует о сложности и непредсказуемости человеческой психики. Даже в XII веке мучительный разрыв между общественным мнением и частной жизнью представлялся неотъемлемым человеческим противоречием.

---

⁵⁹ «Песнь о моем Сиде» – испанская эпическая поэма XII века. Воспевает национального героя Родриго Диаса де Бивара по прозвищу Сид, изображая его борцом за освобождение испанского народа от мавров и врагом знати.

По возвращении из Оксфорда никто и не вспомнил об утреннем эпизоде. Согласно семейной традиции, его замели под ковер вместе с другими пыльными остатками психологических и эмоциональных травм как несущественный и не стоящий внимания в той разреженной атмосфере, где эмоциональные проблемы никогда не обсуждались из-за угрозы, какую они представляли для ясности ума. Поэтому меня удивило то, что перед началом выпускных экзаменов я получила письмо от Филиппы, на котором ее мелким почерком было написано мое имя. Она писала, что сожалеет о наших размолвках и надеется улучшить отношения в будущем, заверяя меня в своем уважении к моему «желанию любить Стивена». Хотя я с готовностью приняла эту оливковую ветвь, меня смутила эта фраза; моя мама также была озадачена, когда несколько месяцев назад пошел слух, что Хокинги думают о переезде в Кембридж для того, чтобы у Стивена был там дом. «Они что, думают, что ваш брак продлится недолго?» – негодовала она. Меня приводили в замешательство все эти недомолвки; я не понимала, почему семья Стивена ставит палки в колеса нашим отношениям и нашему счастью, в особенности принимая во внимание то, насколько он зависит от меня во всех бытовых вопросах.

Вопреки всем сомнениям, в неделю, предшествовавшую выпускным экзаменам, мы были близки как никогда. Стивен приехал в Лондон, чтобы морально поддержать меня, и жил со мной в моей комнатке на чердаке, прорабатывая теоремы сингулярности и иногда окунаясь в переводы великих испанских художественных произведений, среди которых была «Селестина» Фернандо де Рохаса – непритязательный прототип «Ромео и Джульетты», главная героиня которого, старая сводница Селестина, является одним из наиболее забавных персонажей средневековой испанской литературы. Я же каждое утро отправлялась в экзаменационный зал. Вечером мы со Стивеном ехали в Хемпстед-Хит⁶⁰ или в сады Кенвуд-хаус⁶¹, ища спасения от последствий зимы – нервного истощения и умственного застоя. Мы заходили в гости к моей обожаемой тете Эффи, неотразимой как никогда в свои шестьдесят с хвостиком, все еще живущей в одиночестве в своем большом доме на Тафнел-парк. К концу недели я уже начала привыкать к такому ритму – но экзамены уже почти закончились. В тот момент я почувствовала не облегчение, а катастрофический упадок сил. Темы, которые я повторяла, уже ускользали из памяти; точно так же ускользала от меня и степень бакалавра с отличием, которой, как я знала, ожидают от любого носящего фамилию Хокинг.

С последним росчерком пера на последней странице экзаменационных бланков я навсегда распрощалась со студенчеством. Пластинка «Битлз» «Револьвер», подаренная Стивеном на мой день рождения, казалась грустным анахронизмом. Не было ни праздника, ни гостей; лишь несколько торопливых прощаний, и я окончательно вступила в новый этап жизни, села на водительское сиденье и поехала вместе со Стивеном за Роджером Пенроузом, который пригласил нас на обед в свой дом в Стэнморе. Мы остановились на парковке станции Стэнмор, где стояла его машина, старый голубой «Фольксваген». Роджера ничуть не смутило то, что все четыре шины оказались сдутыми: он заглянул в ближайший гараж и подкачал их. Мы вместе подъехали к его одноэтажному дому в конце улицы, вдали от особняков биржевых маклеров, где нас с радостью приветствовала Джоан и их сынишки, Кристофер и Тоби – тот самый младенец, которого она держала на руках в Корнелле прошлым летом. Сейчас ему было уже полтора года, он передвигался самостоятельно и заразительно выражал свою *joie de vivre*⁶², на полном ходу пересекая гостиную с бисквитом в руке, в результате чего за ним оставалась дорожка из крошек на темно-синем ковре. Потом он решил покорить

⁶⁰ Хэмпстедская пустошь – лесопарковая зона на севере Лондона, между деревнями Хэмпстед и Хайгейт в административном районе Кэмден.

⁶¹ Архитектурно-парковый ансамбль, расположенный в лондонском районе Хэмпстед.

⁶² Радость бытия (*фр.*).

кресло: залезал на его подлокотник и прыгивал, приговаривая: «Не делай так, не делай так!» Нимало не тронутые всеми этими милыми проделками, Роджер и Стивен завели неотвратимую дискуссию о роли физики в математике.

Я не понимала, почему семья Стивена ставит палки в колеса нашим отношениям и нашему счастью, в особенности принимая во внимание то, насколько он зависит от меня во всех бытовых вопросах.

Результаты выпускных экзаменов, как я и ожидала, оказались не блестящими, но вполне удовлетворительными: я могла начинать работать над диссертацией на соискание ученой степени. Судя по моим наблюдениям за жизнью Кембриджа, роль жены и, возможно, матери, была бы для меня билетом в один конец к полному фиаско в общественной жизни; я знала, что с самого начала должна утвердить себя как личность. Хотя в то время уже существовал ряд инициатив, облегчающих поступление женщин в наиболее прогрессивные из колледжей, в Кембридже было достаточно образованных, но несчастливых жен, чьи таланты оставались без внимания, чему способствовала система, отказывающая женам и матерям в собственной интеллектуальной идентичности.

Мои еженедельные мытарства в Лондон подошли к концу как раз вовремя: Стивену все чаще требовалась моя помощь. Так как ему теперь приходилось опираться на мою руку при любом перемещении вне дома, по утрам я отводила его на кафедру, днем забирала домой, чтобы накормить обедом, который, как и каждый прием пищи, должен был состоять из мяса и двух овощей, чтобы утолить его зверский голод, отводила обратно и забирала домой вечером. Все мысли о дипломатической карьере давно уже стали наследием прошлого; но мне было отказано в любой, пусть даже самой простой работе; я не могла позволить себе даже курсы повышения квалификации, так как мое присутствие постоянно требовалось в замкнутой цепочке: кафедра прикладной математики – Литл-Сент-Мэри – кухня. Написание диссертации показалось мне идеальным вариантом. Я могла легко подогнать свои занятия в университетской библиотеке и дома к графику Стивена. К тому же я имела право на студенческую субсидию, что оказалось для меня приятной неожиданностью.

Теперь Стивену приходилось опираться на мою руку при любом перемещении вне дома.

Литература средневекового периода казалась мне привлекательным предметом исследования, но наши обстоятельства не позволили бы мне ездить в отдаленные библиотеки в поисках пыльных манускриптов, поэтому я не могла надеяться на то, чтобы подготовить к печати до сей поры неизвестный текст. Мое исследование должно было стать критическим эссе на основе уже опубликованных текстов, в которых я не испытывала недостатка – к моим услугам была Кембриджская библиотека. Я решила, что останусь в аспирантуре Лондонского университета, так как в Кембридже диссертации требовалось сдавать в установленный срок, равный трем годам, а в Лондоне таких ограничений не ставили, что было мне на руку: вряд ли я смогла бы полностью посвятить себя написанию исследования.

Мы гармонично уживались в быту и работе, поддерживали друг друга, проявляли интерес к занятиям друг друга, несмотря на значительную дистанцию между нашими областями науки, попытки расстроить наш брак и неизбежное ухудшение состояния здоровья Стивена.

Я не сразу взялась за проработку выбранной мной темы, которой стала средневековая лирическая поэзия Пиренейского полуострова. Благодаря находке Стивена возникла другая тема, избранная в качестве предмета предварительной исследовательской работы. В результате чтения «Селестины» во время моих экзаменов Стивену в голову пришла отличная идея, которую он изложил мне по дороге в Кембридж по окончании экзаменационной недели. Он

спросил меня, не задумывалась ли я над тем, что трагическая концовка романа с сопутствующим ей отчаянием и разрушением была предрешена в тот момент, когда старая шельма Селестина отвергла любовь второстепенного персонажа Пармено, юноши, у которого сформировался по отношению к ней материнский комплекс⁶³. Идея была захватывающая и вызвала восторженное одобрение у моего научного руководителя; каково же было его изумление, когда я призналась, что идея принадлежит Стивену. Меня тоже поразили его аналитические способности и изобретательность: он с легкостью мог сосредоточиться на главном в любой научной сфере, в том числе в той, которой занималась я. Моя задача была сформулирована следующим образом: исследовать и развить его идею и обосновать справедливость применения концепции Фрейда в тексте, датированном 1499 годом. Больше всего в этом начинании меня радовало то, что оно явилось результатом успешности наших отношений: мы гармонично уживались в быту и работе, поддерживали друг друга, проявляли интерес к занятиям друг друга, несмотря на значительную дистанцию между нашими областями науки, попытки расстроить наш брак и неизбежное ухудшение состояния здоровья Стивена. Мы были очень счастливы. Мы оба черпали уверенность и мужество во взаимной преданности и доверии друг другу. Затем, ранней осенью, мы выяснили, что у нас будет ребенок.

---

⁶³ Болезненная привязанность мужчины пубертатного и постпубертатного возраста к матери или женщине, играющей роль матери.

13. Этапы жизни

Вскоре после подтверждения моей беременности мы узнали печальную новость: бабушка Стивена по отцовской линии, старшая миссис Хокинг, с которой я познакомилась всего месяц назад, отдала дань природе в возрасте девяноста шести лет, в то время, когда родители Стивена были в Китае с официальным визитом в страну, находящуюся на пике культурной революции. Тем летом мы со Стивеном, его матерью и Эдвардом ездили на север к стареющим родственникам: меня познакомили с незамужними тетюшками Изабель в Эдинбурге, а на обратном пути мы остановились на ночь в родовом поместье Хокингов в Боробридже, Йоркшир.

В начале XIX века тот самый предок, бывший наместником герцога Девонширского и в связи с этим построивший себе большой особняк, изменил свою фамилию: вместо вульгарного «Хокинс» появилось более благозвучное «Хокинг». Поместье Хокингов Четсворт, с его широкой лестницей, высокими потолками и эркерными окнами, знавало лучшие времена. Бедная теть Мюриэль управлялась с домом в одиночку, одновременно ухаживая за беспомощной, но все еще властной матерью. Подобно дому, миссис Хокинг стала лишь тенью собственного прошлого, но в ее сморщенных чертах нетрудно было разглядеть решительность и силу духа женщины, которая воспитала пятерых детей и спасла семью от банкротства. Она жила в единственной комнате, которая отапливалась и была пригодной для обитания: в гостиной. Остальные комнаты, включая нашу, где стояли останки кровати с балдахинном, были холодными, темными, промозглыми и жутковатыми, и, несмотря на усилия тети Мюриэль, не стали уютными.

В отсутствие родителей Стивена его младший брат Эдвард жил у моих родителей. Приехав к нам в Кембридж на выходные, он обнаружил, что в нежном десятилетнем возрасте вынужден сам готовить себе обед, следуя инструкциям брата. Меня подкосил внезапный приступ раннего токсикоза. Эта утренняя болезнь продлилась весь день, потом перешла на следующий, и так далее, неделя за неделей. Опытная подруга подсказала, что против этой хвори нет ничего лучше, чем утренняя чашка чая перед тем, как встать с постели. Теоретически идея была замечательная; на практике же я не могла выпить чашку чая, не встав с постели, чтобы приготовить ее. Родители тут же пришли мне на помощь, подарив нам машину для приготовления чая. После этого меня мало беспокоили симптомы беременности, и я смогла с новыми силами вернуться к обычной жизни, то есть к чтению и работе над диссертацией.

От друзей, желающих нам помочь, не было отбоя: все эти новоиспеченные мамочки сыпали сведениями о преимуществах и недостатках различных больниц, роддомов, здравниц, профилактического дыхания, классов релаксации и грудного вскармливания. В отчаянии от моего невежества в этих вопросах они даже оставляли мне своих младенцев, чтобы я могла попрактиковаться в смене подгузников, но все эти знания были для меня пока что чисто теоретическими: беременность протекала без осложнений, а все их младенцы были прекрасно воспитаны. Мне казалось, что детки только едят и спят, изредка просыпаясь, чтобы немного похныкать.

Мое состояние здоровья не доставляло особого беспокойства в сравнении со здоровьем Стивена, которое начало требовать определенных врачебных вмешательств. Перед отъездом в Китай Фрэнк Хокинг прочитал в медицинском журнале о том, что регулярный прием витамина В перорально может оказывать положительное влияние на нервную систему; этот эффект усиливается еженедельными инъекциями препарата под названием «гидроксокобаламин». Витамины в таблетках можно было достать по рецепту доктора Свона, работавшего в госпитале Бартс, как и отец Стивена; к этому доктору Стивен был приписан в Кембридже.

Организовать еженедельные инъекции оказалось труднее, потому что хирургический кабинет находился на другом конце Кембриджа; кроме того, Стивен считал, что утро, проведенное в очереди в ожидании инъекции, потрачено зря. Мы все же попытались, но раздражение Стивена с каждым разом росло. Однажды мы вернулись домой после инъекции около полудня и обнаружили Тельму Тэтчер на улице с метлой в руке: она выполняла свое ежедневное упражнение – подметала дорогу и мостовую. Заметив наши мрачные лица, она окликнула нас: «Дорогие мои, что случилось?» Я объяснила суть проблемы, и она мгновенно предложила решение: «О, ну это легко поправить! Мы попросим, чтобы сестра Чалмерс заходила к вам по дороге из Питерхауса!» Она обняла нас обоих и отправилась звонить сестре Чалмерс, которая по доброте душевной одолжила нам газовую плитку при переезде на улицу Литл-Сент-Мэри. По инициативе Тельмы Тэтчер она была направлена на новое задание: делать Стивену инъекции у нас дома один раз в неделю после работы в медицинском кабинете колледжа. В нашей системе координат это было время завтрака.

Подобная проблема возникла и тогда, когда врачи порекомендовали регулярную физиотерапию для того, чтобы сохранить подвижность суставов и активность мышц Стивена. Его пальцы уже начинали скрючиваться, и он больше не мог написать ничего, кроме своей подписи. Мы посетили лишь одну сессию физиотерапии в Адденбруке – новой клинике в пригороде Кембриджа; после этого Стивен был так взбешен, что поклялся никогда больше не тратить свое драгоценное время на ожидание перед кабинетом врача. На этот раз нас спас Деннис Шама. Он уговорил Институт физики спонсировать из своего благотворительного фонда визиты частного физиотерапевта на дом два раза в неделю. Так в нашей жизни появилась Констанс Уиллис.

Констанс оказалась одной из английских леди старой закалки, сделанных из того же теста, что и Молли дю Кейн, предводительница общества народного танца и песни в Сент-Олбансе: она была открытой, жизнерадостной и прямодушной. Констанс Уиллис заходила к нам в десять утра по вторникам и четвергам, чтобы растянуть мышцы Стивена, а до этого навещала двух престарелых пациентов из Тринити-колледжа: мистера Гоу, известного классика, и преподобного Симпсона, бывшего декана колледжа, помогая им, в общих словах, надевать носки.

Сестра Чалмерс и мисс Уильямс так распределили обязанности, что распорядок дня Стивена практически не изменился и был почти таким же, как и у его коллег. На самом деле, он приходил в офис позже остальных, но засиживался там допоздна. Он мог долго находиться без движения, погруженный в свои мысли, а в выходные вел молчаливую борьбу с уравнениями, описывающими зарождение Вселенной, тренируя свой мозг, чтобы запоминать длинные сложные теоремы без помощи ручки и бумаги. «Небесная механика», в шутку называл это мистер Тэтчер. «Полагаю, что ваш молодой человек занят небесной механикой?» – спрашивал он, если Стивен проходил мимо него по улице, не здороваясь. Такое случалось часто: нежелание Стивена тратить время на светскую беседу вынуждало меня извиняться перед наиболее обидчивыми из знакомых. Обычно я объясняла, что Стивену приходится концентрировать все свое внимание на том, чтобы не упасть.

Приступы токсикоза не позволили мне посетить похороны старой миссис Хокинг в Йоркшире. Вообще-то я еще ни разу не была на похоронах. К сожалению, вскоре представился случай исправить это упущение. Мэри Тэтчер, единственная дочь наших соседей, планировала отправиться в длительную учебную поездку на Ближний Восток, общим сроком на несколько месяцев. Часть времени она хотела провести в Израиле, а другую часть – в Иордании. Осенью, незадолго до ее отъезда, я увидела, как она идет по улице под руку с отцом, чья походка стала медленнее и осторожнее. Они исчезли из вида, скрывшись в церковном дворе. Эта трогательная картина навсегда сохранилась в моей памяти: казалось, в те драгоценные моменты они оба предчувствовали скорое и окончательное расставание.

Вскоре после отъезда Мэри ее отец заболел; его отвезли в лечебный центр для престарелых, где он и скончался через несколько недель.

Сухие листья танцевали в порывах ветра, который еще не стал по-зимнему злым, а мы со Стивеном стояли, рука об руку, на заднем дворе величественной холодной церкви Святой Троицы: это была Низкая церковь⁶⁴, которой Вильям Тэтчер отдал предпочтение в сравнении с Высокой англиканской церковью на Литл-Сент-Мэри. Меня пробирали дрожь, когда я вслушивалась в волнующие слова монотонной службы, сопровождавшей занесение гроба в церковь. Я смотрела и слушала, и меня терзал неоспоримый парадокс: одним махом смерть стирала ученость, опыт, героизм, доброту, достижения, воспоминания о жизни, из которой уходил человек; в то же время внутри меня зрело чудесное начало новой жизни, чистая страница, на которой еще предстояло появиться знаниям, опыту, достижениям и воспоминаниям. Рядом со мной стоял отец моего ребенка, молодой и полный сил, несмотря на надвигающуюся инвалидность. Его здоровье в целом было в порядке, а намерение наслаждаться жизнью во всех ее проявлениях и преуспеть в физике крепло с каждым днем. Ему было трудно ходить; пуговицы не желали застегиваться; прием пищи занимал все больше времени; приходилось запоминать все то, что раньше он мог записать. Но все эти проблемы были чисто механическими, их можно преодолеть при помощи изобретательности и упорства. Невозможно было представить, что Стивен является кандидатом на центральное место в грустной церемонии, в которой мы принимали участие в тот день. Смерть была трагедией, предназначенной старикам, а не молодым.

Молодость – неотъемлемая часть самой сути Кембриджа, несмотря на его средневековую архитектуру и ископаемых членов колледжей, обитающих в древних жилищах, таких же замшелых, как и они сами. Магнетизм этого места притягивает все новые поколения молодых людей, которые остаются на три года, если повезет – на шесть лет. Затем Кембридж выбрасывает их в реальный мир, освобождая от заклęcia. Многие из наших друзей первых лет уже разъехались по миру, заняв преподавательские должности в самых разных университетах. На их места были приняты новые кадры, некоторые на достаточно длительный срок, некоторые – совсем ненадолго. Одним из таких скоротечных посетителей был Роберт Бойер, тот самый тихий американец, с которым мы познакомились в Корнелле. Он лишь ненадолго заехал в Кембридж и после заседания на кафедре зашел к нам поужинать. Он говорил о своей жене-англичанке, о маленькой дочери, о Вьетнаме – о нем говорили тогда все американцы, – а также о физике и сингулярностях.

Внутри меня зрело чудесное начало новой жизни, чистая страница, на которой еще предстояло появиться знаниям, опыту, достижениям и воспоминаниям. Рядом со мной стоял отец моего ребенка, молодой и полный сил, несмотря на надвигающуюся инвалидность.

Однажды утром, некоторое время спустя после визита Роберта, я слушала новости по радио и готовила обед для Стивена, дожидаясь его возвращения домой. Джордж Эллис, приехавшие из Техаса, вызвался приводить Стивена домой на обед по дороге в столовую Университетского центра, расположенного на набережной. Я внимательно прислушивалась, потому что главной новостью была атака снайпера в Остине, Техас. Маньяк забрался на крышу университетской башни, откуда открыл огонь по преподавателям и студентам, пересекающим площадь. Один из пострадавших скончался на месте. Сообщение показалось тем более ужасающим, что место действия было мне хорошо знакомо. Эта площадь все еще стояла у меня перед глазами; внезапно я осознала, что мишенью снайпера мог стать любой из наших знакомых. В тот же день мы получили известие, что убит был Роберт Бойер. Смерть пришла

⁶⁴ Направление в англиканской церкви, отрицательно относящееся к ритуальности.

к нему не в старости, не в результате стихийного бедствия, такого как недавняя трагедия в Аберфане⁶⁵, не из-за заболевания; это была смерть от жестокой руки человека. В страшных словах похоронной проповеди заключалась суровая правда: «...как смерть чрез человека...»⁶⁶

Маньяк забрался на крышу университетской башни, откуда открыл огонь по преподавателям и студентам, пересекающим площадь. Один из пострадавших скончался на месте.

Ошеломленные произошедшей трагедией, мы искали способ выразить печаль по поводу гибели Роберта Бойера и восхищение его свершениями, увековечив его память.

---

⁶⁵ Трагедия в Аберфане (Aberfan disaster) – обрушение породного отвала в деревне Аберфан, Уэльс, Великобритания, 21 октября 1966 года, в результате которого погибло 116 детей и 28 взрослых.

⁶⁶ «Ибо как смерть чрез человека, так чрез человека и воскресение мертвых. Как в Адаме все умирают, так во Христе все оживут».

14. Несовершенство мира

Роберт Джордж родился весом шесть фунтов пять унций⁶⁷ в десять часов вечера в воскресенье 28 мая 1967 года, в тот самый момент, когда одинокий яхтсмен Фрэнсис Чичестер зашел в гавань Плимута, встречаемый ликующей толпой, из своего кругосветного путешествия. Рождение Роберта было встречено семейным ликованием такого масштаба, что, когда Стивен на следующее утро отправился поделиться хорошей новостью с Пек и Хау Ги Анг, нашими соседями из Сингапура, проживающими в нашем бывшем доме под номером одиннадцать, его настолько переполняли эмоции, что Пек заволновалась, не умерла ли я при родах.

Роберт в своем стремлении появиться на свет опередил положенный срок на две недели и застал меня врасплох. В марте сестра Стивена Мэри, его двоюродный брат Джулиан и я вместе с тысячами других выпускников получили дипломы о высшем образовании на грандиозной церемонии Лондонского университета в Альберт-холле. Празднество было омрачено лишь отсутствием почетного ректора университета, которым являлась королева-мать, по причине ее болезни. После церемонии наши родители устроили для нас памятный праздник в чудесном месте – Королевском обществе тропической медицины, в которое нас пустили благодаря стараниям моего свекра.

Еще до наступления этого знаменательного события доктор Дороти Нидхэм, благородная супруга главы колледжа Гонвиля и Каюса, взяла меня под свое крыло и ввела в ряды формирующегося академического общества – колледжа Люси Кавендиш, возглавляемого двумя учеными, доктором Анной Биддер и доктором Кейт Бертрам; их целью было обеспечение академических возможностей для женщин старше двадцати одного года в Кембридже. Благодаря колледжу Люси Кавендиш мне удалось получить статус магистра гуманитарных наук в университете, благодаря чему я смогла брать книги в университетской библиотеке. К концу весны исследование «Селестины», на которое меня вдохновил Стивен, было отдано в переплет; я не видела никаких причин для того, чтобы материнство помешало мне продолжать исследования. В последнюю пятницу мая я, как обычно, провела большую часть дня в библиотеке, беззаботно собирая материал для диссертации. Я не подозревала, что нескоро снова окажусь в библиотеке.

В тот вечер, игнорируя странное тянущее ощущение внизу живота, я отправилась с беременной Сью Эллис на вечеринку для жен, которую устраивала Вильма Бэчелор, жена заведующего кафедрой. Утром в субботу, после беспокойной ночи, тянущие ощущения стали сильнее и участились. Я ринулась в город за покупками для Стивена, понимая, что скоро надолго выйду из строя. Волоча огромные сумки домой, я чувствовала себя, мягко говоря, неважно. Потом я отправилась к мяснику, чтобы закупить последние припасы. Взглянув на меня, мясник Крис обслужил меня вне очереди. «Джейн, – сказал он, – иди-ка ты поскорее домой!» Я с радостью последовала его совету.

Немногим позже началась гроза. Хау Ги, отец двух маленьких дочерей, отвез нас со Стивеном в платный роддом, о чем я вскоре пожалела: надо было остаться дома или попроситься в родильное отделение больницы, куда в те годы пускали только женщин из неблагополучных семей или рожениц с осложнениями. Стареющие акушерки были столь же суровы, как и классные дамы времен моей школьной юности. Я шла по коридору, Стивен опирался на мою руку; как вдруг я почувствовала наступление сильной схватки, словно осьминог своими щупальцами сжал мой живот. Прилежно следуя инструкциям, полученным на недавно

⁶⁷ Около 2860 г.

вошедших в моду курсах перинатальной подготовки, я прислонилась к дверному косяку и сосредоточила внимание на заученной дыхательной гимнастике.

«Господи, что это с вами такое?» – недружелюбно спросила сестра на посту, сверля меня взглядом, не выражающим ни малейшей симпатии. Значительно моложе остального персонала, уж она должна была понимать, чем я занимаюсь. Затем в течение двадцати четырех часов ничего существенного не происходило; после этого ребенок наконец появился на свет, и помог мне в этом не персонал роддома, а Джон Оуэнс, веселый молодой доктор из отделения хирургии, к которому я была прикреплена. Все это время Стивен преданно меня поддерживал, в течение долгих часов сидя у моей постели и даже навестив меня вместе с матерью в шесть утра на следующий день, что было запрещено правилами: он пробрался через запасной вход.

Я лежала в постели, утомленная и разбитая, и проигрывала у себя в голове великолепные темы из Двойного концерта Брамса для скрипки и виолончели, выбранные мной в качестве мантры, позволяющей сконцентрироваться на музыке и отвлечься от боли. Музыка уносила меня на два месяца назад, в тот день, когда мои родители устроили для нас отпуск на Пасху. Они сняли домик на краю обрыва в деревушке Порт-Айзек на севере Корнуолла – очень далеко от Кембриджа. Наверное, они думали, что я еще не скоро смогу позволить себе дальние поездки (как оказалось, они ошибались). Мы провели там неделю, и именно тогда Стивен подарил мне на день рождения, в качестве уступки моим предпочтениям, пластинку с концертом Брамса.

С возрастающей уверенностью в себе у Стивена стала проявляться неистовая целеустремленность. Один раз мы выехали на прогулку из Порт-Айзека в Тинтагель, прославленное место действия легенды об Артуре. Замок возвышался на отдаленной скале северного побережья Корнуолла. К сожалению, его руины невозможно было рассмотреть из деревни; единственный путь туда, как сказала нам местная почтальонша, лежал через обрывистое горное ущелье, которое называлось «Долина Авалона». Стивен настоял на том, чтобы увидеть замок; мы с мамой не могли ему ни в чем отказать, зная о том, какой короткой может оказаться его жизнь. Взяв его под руки с двух сторон, мы вели, поднимали, несли его по несуществующей тропинке, спотыкаясь о камни, шатаясь под порывами морского ветра. Сапфировый клочок моря, видимый в конце ущелья, становился все меньше, и мы уже не были уверены, что выбрали правильный путь. Мы ковыляли минут сорок, моя мама теряла силы и беспокоилась обо мне на моем солидном сроке беременности; но Стивен не сдавался. К счастью, откуда ни возьмись возник «Лендровер», направляющийся по бездорожью назад в деревню. Мы окрикнули водителя. Он не хотел останавливаться, но все же притормозил, чтобы сказать нам, что до замка еще очень далеко – он находился за мысом. Затея была явно неосуществимая; мы стали умолять водителя отвезти нас обратно в деревню. Тот вел себя грубо и нетерпеливо, но в итоге согласился взять одного пассажира. Естественно, этим пассажиром должен был стать Стивен. С таким же упрямством он настаивал на поездке в летнюю школу в Беттельский мемориальный институт в Сизтле, запланированную на июль. Ни на секунду не задумавшись, я согласилась с ним, не видя причин для того, чтобы мы втроем – Стивен, я и ребенок – не могли провести полтора месяца на побережье Тихого океана. Ведь дети только едят и спят.

Моя радость при виде ребенка была неопишуемой. Через несколько минут после рождения его положили в сгиб моего локтя; немного синенький, он уже осматривал окружающий мир с пресыщенным безразличием, как бы говоря: «Это мы уже видели».

«Будущий профессор», – выдала предсказуемую реакцию моя свекровь; это был ее первый внук. Когда его принесли мне во второй раз, он уже оправился после родов и приобрел здоровый оттенок. Его глаза были глубочайшего, ярчайшего голубого цвета; лицом он походил на эльфа с розовыми щечками и заостренными ушками. Волос у него не было,

только на макушке и кончиках ушей проклевывался белый пушок. Крохотные пальчики с миниатюрными ноготками крепко сжимали мой вытянутый палец.

Это прекрасное существо, чудесное воплощение совершенства, пришло в трагически несовершенный мир. Через неделю после его рождения началась Шестидневная война на Ближнем Востоке⁶⁸, повлекшая за собой ужасные последствия, которые сохранялись на протяжении его детства и юности. Мне, в моем постнатальном мировоззрении, было ясно одно: если бы миром правили матери новорожденных детей, а не ожесточенные старики, побуждающие неоперившихся юнцов к насилию, все войны прекратились бы за одну ночь.

Постепенно мы адаптировались к нашей новой реальности. Бабушки и дедушки помогали в течение первых недель, а потом мы должны были справляться самостоятельно и для этого разработать новый распорядок. Начиная с этого времени, наши экспедиции – будь то на кафедру или в город – происходили в составе трех человек, коляски и трости. К счастью, нам опять помог Джордж Эллис. Он стал не только приводить Стивена домой на обед, но и забирать из дома после обеда, а также провожать после работы. Однажды днем, когда ребенку было около месяца и жизнь очень постепенно стала возвращаться на круги своя, я посчитала, что пришло время вернуться к моим книгам и картотеке слов, используемых в средневековой любовной лирике Пиренейского полуострова. Ребенок был накормлен, переодет и помещен в коляску на заднем дворе под летним солнечным небом. Он выглядел довольным и сонным. Я ожидала, что он проспит как минимум час. Подавляя собственный зевок, я забралась на чердак к своим книгам и разложила их на столе. Не успела я это сделать, как снизу раздался пронзительный крик. Я побежала к Роберту, взяла его на руки, покормила и снова поменяла подгузник. Мне показалось, что он был не очень-то голоден. Я осторожно уложила его в колыбельку и направилась к лестнице; за моей спиной послышался тот же крик. Эта сцена повторилась несчетное количество раз; в конце концов я поняла, что кроха не голоден и не хочет спать: он хочет общаться. Так в возрасте одного месяца мой сын начал работать над диссертацией, помогая мне тем, что качался на моем колене и срыгивал, в то время как я пыталась писать. В один день все мои иллюзии о том, что можно сочетать материнство и интеллектуальные занятия, были полностью и бесповоротно разрушены. Я не учла и телесные факторы, связанные с последствиями беременности. Я полностью рассчитывала на то, что смогу встать и заняться обычными делами уже через неделю, не осознавая, что девятимесячное вынашивание ребенка и длительные роды скажутся на моей выносливости. Я и не представляла, что кормление ребенка отнимает столько сил и времени, а учитывая сиюминутный характер его потребностей и непредсказуемый график сна и бодрствования, неудивительно, что я и сама начинала задремывать, как только дитя погрузилось в долгожданный сон.

Моя радость при виде ребенка была неопишуемой. «Будущий профессор», – выдала предсказуемую реакцию моя свекровь; это был ее первый внук.

С приближением июля меня стало подташнивать при мысли о поездке в Сиэтл, по мере того как приготовления осложнялись все новыми обстоятельствами. Чарли Мизнер, посетитель кафедры из Америки, ставший крестным Роберта при крещении в часовне Гонвила и Каюса, которое состоялось в июне, пригласил Стивена навестить его в Мэрилендском университете после летней школы в Сиэтле для того, чтобы поговорить о сингулярностях. Он и его жена Сюзанна, рожденная в Дании, уверяли нас в том, что нам будет удобно в их просторном доме в пригороде Вашингтона, где они жили с четырьмя маленькими детьми. Я не могла позволить себе малодушие, но, честно говоря, не была уверена, что мы в целости и

⁶⁸ Война между Израилем с одной стороны и Египтом, Сирией, Иорданией, Ираком и Алжиром – с другой, продолжавшаяся с 5 по 10 июня 1967 года.

сохранности доберемся до Сизтла, не говоря уже о дальнейших перемещениях. Усталость, которую я ощущала, пакуя чемоданы для себя, Стивена и нашего шестинедельного малыша, валила меня с ног. Я не ожидала ничего подобного от собственного тела, которое раньше было абсолютно надежным, а теперь подводило меня в такой ответственный момент.

Каким-то невероятным образом, при помощи группы поддержки в виде обеспокоенных родителей (в основном моей мамы), утром 17 июля 1967 года мы умудрились зарегистрироваться на рейс в лондонском аэропорту вовремя. Наше прощание было поспешным, потому что авиалиния незамедлительно предоставила инвалидное кресло для Стивена, обнаружившего, что он обязан в него усесться и быть препровожденным через таможенный и паспортный контроль в зал ожидания вылета. Отягощенная Робертом и горой поклажи, требуемой для перелета, я трусила сзади. В тот день (самый жаркий день в году) в третьем терминале сломалась система вентиляции, в результате чего горячий воздух засасывался внутрь здания, а оттока воздуха наружу вообще не было; из-за этого зал ожидания вылета превратился в настоящий ад. Заходя туда, мы услышали объявление о том, что наш рейс задерживается.

Пока мы ждали вылета в душном жарком зале, Роберт жадно заглотил все содержимое бутылочки с растворенным в воде сиропом шиповника, которой ему должно было хватить на всю дорогу до Сизтла. За первым объявлением вскоре последовало второе, приглашающее пассажиров «Пан Америкэн» проследовать в бар, где им предоставляются бесплатные закуски. Я водрузила Роберта на колени Стивена и отправилась в очередь за сэндвичами. Вернувшись, я увидела нечто, повергшее меня в неопикуемый ужас. Роберт был на своем месте – блаженно улыбаясь, лежал на коленях у отца, положив голову ему на грудь; рука Стивена обнимала ребенка. Лицо Стивена выражало нечеловеческую муку. По его новым брюкам стекала широкая желтая река. Он оказался в западне и беспомощно наблюдал, как желтый поток устремляется в его туфли. В первый и последний раз в жизни я вскрикнула – я уронила сэндвичи на пол и завопила.

Мой вопль, конечно, был довольно-таки иррациональной реакцией, но, как оказалось, наиболее адекватной в сложившихся обстоятельствах. Мои крики привлекли столь необходимую мне помощь с удивительной быстротой. Статная медсестра в зеленой униформе явилась, откуда ни возьмись, и взяла ситуацию под контроль. Одного пронизательного взгляда на меня ей было достаточно, чтобы сделать заключение – совершенно справедливое – о моей неспособности справиться с ситуацией. Она властной рукой взялась за инвалидное кресло и провезла его обитателей, отца и сына, обратно через паспортный контроль и таможенную в медпункт, не обращая никакого внимания на встающих на ее пути чиновников. В медпункте она вымыла ребенка, поручив мне Стивена. Приводя себя в порядок, мы услышали, что в громкоговоритель объявили об окончании посадки на наш рейс. Совершенно спокойно медсестра позвонила в центральное управление и сказала, что рейсу придется подождать нас. Таким образом, в возрасте семи недель Роберт получил право задерживать вылет международного рейса.

Вернувшись, я пришла в ужас. Роберт блаженно улыбаясь, лежал на коленях у отца, рука Стивена обнимала ребенка. Лицо Стивена выражало нечеловеческую муку. По его новым брюкам стекала широкая желтая река. Он оказался в западне.

Стивену пришлось сидеть в этих брюках на протяжении всего девятичасового перелета. Он пролетел в них над Исландией, переливающейся на гладкой поверхности моря, как драгоценность в атласной коробочке; над плавучими льдами Северной Атлантики, над снежными шапками гор и сияющими ледниками Гренландии, над замерзшими водами Гудзонского залива, над бесплодными пустошами Северной Канады. Наконец на горизонте возник

предвестник финала его мучений – гора Рейнир, возвещающая своим появлением о скорой посадке в аэропорту города Такома. Через пару дней я отнесла брюки в химчистку, но Стивен больше ни разу не надевал их.

Часть вторая

1. Неспящие в Сиэтле

Беттельский мемориальный институт основательно подготовился к нашему приезду в Сиэтл в 1967 году. Нам предоставили одноэтажный коттедж, напичканный всевозможными современными удобствами, включая посудомоечную машину и барабанную сушилку; чудовищных размеров автомобиль с автоматической коробкой передач; и даже доставку чистых подгузников и избавление от использованных два раза в неделю силами чисто американской организации – Службы доставки подгузников. Все эти проявления гостеприимства не успокоили меня, и не потому, что я была не благодарна; просто я чувствовала себя выброшенной на чужой берег и находилась хоть и в роскошном, но все-таки одиночестве, лишенная поддержки и помощи моей мамы, родных и друзей почти сразу после рождения ребенка. Здесь я несла полную ответственность за моего немощного мужа и новорожденного ребенка и здесь не было Джорджа Эллиса, который мог бы отвести Стивена на работу.

Беттельский институт, как заверила меня секретарь, находился неподалеку – всего лишь в двух милях от дома. Две мили или двадцать – для меня не играло роли: Стивена надо было возить туда на машине, а для того, чтобы возить Стивена, мне приходилось брать с собой и Роберта. Это означало, что утром я должна была помочь Стивену одеться и позавтракать, потом покормить и искупать Роберта – или в обратном порядке, в зависимости от того, чьи потребности были неотложнее. Потом чудо иноземной техники – «Форд Меркьюри Комет» – надо было выкатить из гаража и подать к двери, а затем переместить в него двух моих подопечных: крохотного, но прожорливого Роберта в люльке и Стивена, опирающегося на мою руку. Я по очереди спускала их вниз по лестнице и размещала в машине, одного на переднем сиденье, другого – на заднем. Теоретически при должном количестве повторений эту систему можно было более-менее успешно внедрить в жизнь. На практике, хотя мы изо всех сил старались свести к минимуму количество пропущенных утренних сессий, система постоянно давала сбой: наш любимый малыш, только-только освоивший ночной сон в Англии, перепутал часовые пояса и в Сиэтле прекрасно спал весь день напролет, а ночью проявлял все признаки общительного характера. Плюс ко всему Сиэтл посетило благословение – или проклятие – небывалой жары.

Некоторое время, следуя отчаянному инстинкту самосохранения, я ограничила свои выходы из дома Беттельским институтом и ближайшими магазинами – ну и, разумеется, химчисткой. Садясь за руль массивного автомобиля, я каждый раз испытывала такой стресс, что в конце концов, несмотря на жару, решила сделать то, на что не отважилась бы ни одна американская мать: начала ходить по магазинам с коляской и складывать покупки в люльку к ребенку.

С ликованием потерпевшего кораблекрушение моряка при виде спасательного судна я приветствовала прибытие семейства Пенроузов. Эрик, недавно добавленный член семьи, был немного более мобильным, чем Роберт, но все еще проводил много времени в лежачем положении. Если мы ставили рядом две коляски или выкладывали детей рядом на коврик, то Джоан обычно говорила, что это продолжение диалога Хокинга – Пенроуза. Благодаря Джоан мое социальное окружение значительно обогатилось. Она представила меня женам других делегатов и водила на экскурсии по Сиэтлу, где можно было закупать продукты в универмагах и детскую одежду. Под ее благотворным влиянием я настолько преисполнилась уверенности, что смогла разобраться с развязками на автомагистрали, проложенной с юга на

север через центр Сиэтла. Я даже смогла найти дом подруги детства из Нориджа, чей муж был инженером компании «Боинг».

Еще более дерзкую вылазку мы осуществили в воскресенье, вместе со Стивеном: его навигационные способности привели нас на паромную станцию. Мы пересекли залив Пьюджет-Саунд и прибыли на полуостров Олимпик, где я поднесла Роберта к берегу и окунула его ножки в блестящие под солнцем, но холодные как лед волны Тихого океана. В другой раз мы, положив спящего Роберта на скамеечку между передними сиденьями, проехали сто пятьдесят миль к северу, пересекли границу и добрались до Ванкувера, чтобы посетить наших австралийских друзей из Кембриджа, семью Янг. Сейчас они обосновались в Университете Британской Колумбии. Ванкувер оказался настолько же холодным и туманным, насколько жарким и сухим был Сиэтл; однако в канадском городе жизнь, похоже, текла более расслабленно, что придавало ему некоторое очарование по сравнению с американским соседом.

Вернувшись в Сиэтл, мы отправились со всей группой на одну из немногочисленных экскурсий, организованных Беттельским институтом. Собравшись на пристани жарким субботним утром, мы сели на паром и поехали в резервацию индейцев на острове Блейк. Когда мы ждали паром, к нам подошла познакомиться Жанет Уилер, жена одного из ведущих американских физиков. Именно в тот год ее муж Джон Уилер, пережив достойное Архимеда озарение, придумал название «черные дыры» для феномена, который изучал Стивен и многие другие ученые. Забавно, что в это время он как раз принимал ванну. На набережной Сиэтла Жанет, седовласая женщина с царственной осанкой, по всем признакам, входящая в избранные ряды Дочерей американской революции⁶⁹, взяла под свое покровительство коляску Роберта, в то время как Стивен опирался на мою руку. Две маленькие старушки подошли, чтобы с ласковым любопытством заглянуть в коляску, и одна из них пощекотала голые пальчики спящего ребенка. Испуганная Жанет Уилер рывкнула на нее так, что та подпрыгнула выше головы и вместе с подругой поспешно ретировалась в толпу. Лично я ничуть не возражала против того, чтобы Роберт проснулся и немного пободрился днем: честно говоря, это была прекрасная идея. Тогда мне удалось бы немного поспать ночью. Но этого не произошло, и он проспал большую часть дня, проснувшись только для того, чтобы оглядеть ангельским взором обветренное лицо пожилой скво, которая качала его на коленях, когда я ужинала за длинным общим столом в большом индейском сарае.

Это была одна из тех редких прогулок, когда моей единственной обязанностью, помимо заботы о ребенке, стало толкать коляску одной рукой и поддерживать Стивена другой. Другие не менее интересные экскурсии, в процессе которых мне приходилось в течение долгого времени находиться за рулем, так выматывали меня и оставляли в таком напряжении, что я валилась с ног от истощения к тому времени, как в Сиэтл вернулась моя школьная подруга Джиллиан. Они с мужем Джеффри были на острове Ванкувер, где он работал инженером по контракту. Джиллиан и Джеффри – он, к сожалению, смог провести с нами только одни выходные – буквально спасли меня. Джеффри взял на себя вождение автомобиля и возил нас на далекие расстояния – чего стоила только одна поездка на гору Рейнир, – забирал покупки и помогал Стивену забираться в машину и выходить из нее. Джил с радостью приходила на выручку мне на кухне. На одну неделю мне почти удалось расслабиться.

В то время, когда Джил была с нами, произошел инцидент, который мы обе все еще вспоминаем с отвращением. Памятным монументом, оставшимся в Сиэтле после Всемирной выставки 1962 года, стала Космическая игла, бетонный столп около ста метров высотой, увенчанный смотровой площадкой в форме летающей тарелки. В последнюю субботу, которую Джил провела с нами, мы поднялись на Космическую иглу на скоростном лифте,

---

⁶⁹ Дочери американской революции (Daughters of the American Revolution) – женская общественная организация, основанная в 1890 году, членами которой могли быть только прямые потомки участников Войны за независимость США.

чтобы полюбоваться видом искрящихся зеленых волн Пьюджет-Саунд и белыми скалами полуострова Олимпик на западе, прерывистым массивом Каскадных гор на востоке и на юге горой Рейнир, гигантским спящим вулканом. Виды были восхитительные, но Джил несла Роберта, а я поддерживала Стивена; скоро мы уже изнемогали от жары и решили вернуться к лифту, где стояла очередь на спуск. Рядом с нами стояли две девочки, наверное подростки, но ненамного младше нас с Джил. Они смотрели на нас, подталкивая друг друга локтями; потом мы все вместе вошли в лифт, и они стали обмениваться презрительными, грубыми комментариями по поводу внешности Стивена: он устало прислонился к стене, но при такой температуре кто угодно выглядел бы неважно. Они насмешливо хихикали, а моя душевная боль все росла. Мне хотелось надавать им пощечин и заставить их извиниться. Мне хотелось прокричать им в лицо, что это мой мужественный, горячо любимый муж, и отец моего прекрасного ребенка, и великий ученый; но, будучи сдержанной, как все англичане, я ничего не сказала и не сделала. Я смотрела в сторону, занимаясь Робертом, притворяясь, что их не замечаю. Никогда за всю историю человечества лифт, движущийся со скоростью один метр в секунду, не совершал такого длительного спуска. Наконец двери открылись, и мы вышли. Одна из девчонок глянула через плечо Джил на Роберта.

«Это ваш ребенок?» – спросила она в недоумении, смешанном с восхищением. «Конечно», – отрезала я. Она и ее подруга удалились – я надеюсь, в смущении. Джил пробормотала: «Какие странные люди!» – прекрасно понимая, что со мной происходит. К счастью, мы с Джил создали преграду между Стивеном и девушками, так что он не знал о происходившем.

После этого эпизода я приготовилась к немедленному возвращению домой. Но не тут-то было. За день до окончания курса на приеме в Беттельском университете Стивену предложили соблазнительный вариант: провести две недели в Калифорнийском университете в Беркли, и тут же участник из Бразилии посоветовал нам остановиться в пустой квартире отсутствующего друга. Предложение было достойным с финансовой точки зрения и, раз уж мы забрались так далеко от дома, еще две недели на Западном побережье, в Калифорнии, не казались такой уж плохой идеей. Я еще не совсем утратила тот авантюризм, который толкнул меня на путешествие по югу Испании в студенческие дни; кроме того, мне хотелось посмотреть на ту утопию, которой нас интриговали Эйб и Сесилия Тауб в Корнелле 1965 года.

Мне хотелось прокричать им в лицо, что это мой мужественный, горячо любимый муж, и отец моего прекрасного ребенка, и великий ученый; но, будучи сдержанной, как все англичане, я ничего не сказала и не сделала.

Обремененные грудой скарба – коляской и непомерным количеством багажа, – мы вылетели в Сан-Франциско, где я должна была укротить еще одну гигантскую машину и разобраться в очередной путанице дорожных развязок. К счастью, из Стивена получился гораздо более успешный штурман, чем в свое время водитель, – исключая те случаи, когда он замечал нужный нам съезд в последний момент и громко требовал, чтобы я срочно пересекала четыре полосы движения. Пару раз мы свернули не туда, снесли несколько парапетов в лучших традициях «Полицейских из Кистоуна»⁷⁰, и мы наконец нашли дом наших отсутствующих хозяев: уютную двухкомнатную квартиру в старом деревянном доме с прекрасным видом на далекий мост Золотые Ворота в туманной дымке. Жилье гораздо больше соответствовало нашему возрасту и стилю, чем претенциозный буржуазный дом в Сиэтле, но оно сразу создало пугающую логистическую проблему, поскольку располагалось на верхнем этаже трехэтажного дома. Выработанная в Сиэтле схема, к которой мы тщетно надеялись больше никогда не прибегать, пригодилась снова, с одним отличием: любой выход на улицу

⁷⁰ Комедия начала XX века о полицейских-неудачниках.

требовал теперь не двух, а трех перемещений вверх-вниз по лестнице – и по двум лестничным пролетам вместо одного. Роберту уже исполнилось три месяца, и он был слишком тяжелый, чтобы носить его в люльке; поэтому люлька спускалась первой, затем Стивен (Роберт все это время лежал в коридоре на коврике), а последним сам Роберт. В качестве компенсации за эти неудобства мы использовали автомобиль по полной программе: днем или ближе к вечеру уезжали на иссушенные солнцем холмы Беркли или даже направлялись на север вдоль разлома Сан-Андреас: в этом необитаемом болотистом краю трещины на асфальте свидетельствовали о мощи природных сил, таящихся под поверхностью земли. Однажды мы обнаружили уединенную бухту на побережье, чем-то напоминающем Корнуолл: там, бросая вызов американским ценностям, жили хиппи, свободные от ограничений материалистического общества в своих хибарках на пляже.

Эйб Тауб, руководитель релятивистской группы в Беркли, закрепил за Стивеном временную ставку на своей кафедре. Однажды вечером он и Сесили пригласили нас на прием в свой дом, расположенный высоко в холмах, окружающих долину. Ехать оказалось дольше, чем мы ожидали; к тому времени, когда мы почти добрались до места, уже смеркалось. Я не могла разглядеть место парковки и заехала в овраг на обочине дороги. Колеса заблокировались, и машина не пожелала двинуться с места. После тщетных попыток самостоятельно вытащить машину из кювета я отправилась искать помощи у Таубов и их почетных гостей, среди которых был высокообразованный и влиятельный парижский математик, профессор Лихнерович. Мужчины сняли свои парадные пиджаки, закатали рукава и приступили к задаче с благородным рвением. Когда нас наконец извлекли из кювета и представили гостям – до неприличия поздно и в растрепанном виде, – Роберт начал хныкать. Он уже один раз подвел нас подобным образом в Сиэтле. Пока его качали в люльке, он крепко спал, но как только пытались аккуратно поставить ее на диван в затемненной комнате, он начинал громко протестовать, как будто понимая, что его не приглашают на праздник. Единственное, что можно было сделать в этом случае, – позволить ему провести вечер за столом, на моих коленях, вместе с другими гостями. Сесили Тауб спокойно пережила все злоключения, нарушающие покой ее благородного собрания, и, видимо, жалея меня за измученный вид, на следующий день пригласила присоединиться к ней и мадам Лихнерович в розовом саду Беркли.

Розовый сад стал моей гаванью покоя и одиночества в безумном мире залива Сан-Франциско, отдохновением от повседневного напряжения, связанного с нашими жизненными хлопотами. Сад оказал успокаивающее действие на Роберта: он спокойно лежал в своей коляске под крышей решетчатой беседки, следя за игрой света на лепестках роз и листьях над его головой. Я сидела рядом с ним в тени, вдыхая аромат роз, погружаясь в свою книгу, «Пармскую обитель» Стендаля, и время от времени глядя на волны залива. Я невольно вспоминала Испанию, сады Хенералифе в Гранаде, где всего лишь несколько лет назад я фантазировала о том, каким могло быть наше со Стивеном будущее. Это будущее стало реальностью и превзошло самые дерзкие из наших чаяний. Я чувствовала себя усталой, но сильной; я была настолько счастлива, что усталость не имела значения. Стивен уже завоевал признание и популярность в научных кругах благодаря своей способности мгновенно проникать в суть сложных концепций, умению представлять в уме математические многомерные структуры и феноменальной памяти. Ожидающее нас будущее теперь имело и физическое воплощение: у нас появился маленький здоровый ребенок.

Будущее стало восприниматься с чувством приятной уверенности лишь благодаря тому, что мы справлялись со своими сегодняшними обязанностями. Мы привыкли жить одним днем, решая проблемы по мере их появления, а не загадывая наперед и не строя воздушных замков. С этой точки зрения, общая канва будущего была определена: в ближайшее время наша счастливая звезда будет восходить. Что до долгосрочной перспективы, то

большой знак вопроса относительно судьбы человечества касался не только нас. Война во Вьетнаме, используя модное тогда выражение, переросла в безобразнейший вооруженный конфликт, где все кошмары современной химии были цинично выпущены против мирного крестьянского населения по наущению никем не контролируемых военно-промышленных комплексов Востока и Запада. Лишь одной искры в любом уголке планеты было бы достаточно, чтобы разжечь адское пламя во всем мире.

Мы жили настоящим, но даже настоящее имело раздражающую привычку ставить нам подножки в форме непредвиденных препятствий. Например, бразильские супруги, которые с наилучшими побуждениями нашли для нас квартиру, предложили провести нам экскурсию по примечательным местам Сан-Франциско. Я надеялась, что наконец-то смогу расслабиться и насладиться выходным днем. Они приехали рано утром в субботу и привезли с собой бразильскую подругу, не говорящую по-английски. Я помогла Стивену спуститься по лестнице, намереваясь усадить его в бразильскую машину и вернуться за Робертом, который, как я предполагала, поедет у меня на коленях. Мы беззаботно вышли на улицу и стали оглядываться в поисках машины. Кроме нашего «Плимута» в обозримом пространстве стоял только древний серый «Фольксваген». «Где ваша машина?» – спросила я нашего бразильского «друга». Он изумленно посмотрел на меня. «Нет, нет, мы не поедем на нашей машине, мы все туда не поместимся. Мы возьмем вашу». Проглотив комок в горле, я открыла нашу машину. Стивен устроился сзади с двумя бразильянками, а наш, с позволения сказать, экскурсовод развалился на пассажирском сиденье и начал давать мне (работающей шофером) указания, взяв Роберта на колени. Одного взгляда на него Роберту было достаточно, чтобы зареветь как никогда прежде. Он ревел весь день: когда мы ехали по Окленскому мосту, в долгие часы стояния в плотных дорожных пробках, изжаривших нас заживо, когда пересекали район Хейт-Эшбери и ползли вверх-вниз по крутым центральным улицам Сан-Франциско. Мне тоже хотелось зареветь во все горло. Я была в отчаянии от того, что не могу успокоить моего обезумевшего от жары несчастного ребенка и должна сидеть, прикованная к водительскому креслу в нелепой ситуации, виной которой были не мы.

В парке «Золотые Ворота» нас ждала передышка. Мы отделались от компании наших пассажиров и присоединились к большой группе хиппи, усевшись на траву рядом с «детьми цветов» и покачиваясь вместе с ними под ритмы музыки. На лужайках парка было много людей моего возраста, но я уже чувствовала себя гораздо старше их. Мы со Стивеном разделяли их идеализм и нетерпимость к насилию. Нам тоже удалось достигнуть сравнительной свободы в консервативном обществе путем борьбы с бюрократией и узколобостью – тем не менее, для того чтобы удерживать наше преимущество, нам пришлось установить самим себе жесткий режим – не менее жесткий, чем тот, против которого мы бунтовали. Война во Вьетнаме казалась нам возмутительной, но не она служила нашим главным камнем преткновения. Наши усилия были направлены на преодоление болезни и невежества.

Мы привыкли жить одним днем, решая проблемы по мере их появления, а не загадывая наперед и не строя воздушных замков.

События того дня так повлияли на меня, что я решила больше никогда не оказываться в ситуации зависимости от других людей. Однако претворить это решение в жизнь было достаточно трудно, учитывая то, что Стивен уже принял настойчивое приглашение провести некоторое время в Мэрилендском университете на кафедре Чарли Мизнера. Вашингтон находился по пути домой, решили мы, поэтому еще несколько недель не сделают погоды. На самом деле нам было даже легче от того, что дорога домой будет состоять из двух отрезков: это облегчало смену часовых поясов для нас всех, включая Роберта. Еще мы хотели повидаться с сестрой Стивена Мэри, которая стала дипломированным врачом и теперь работала

на Восточном побережье⁷¹, и посетить старого друга Стивена Джона Макленагана и его жизнерадостную испаноговорящую жену, проживающих в Филадельфии.

Во время перелета на восток мы сидели в одном ряду с дамой средних лет, которая не переставая рыдала. Поскольку она время от времени кидала жадные взгляды на Роберта, я дала ей его подержать. Бледная тень улыбки озарила ее лицо, когда он приветствовал ее своим залиvistым смехом. Ее спутник наклонился через проход и прошептал, что она возвращается из Вьетнама, где был убит ее единственный сын. Хиппи были правы, протестуя против того, что их превращают в пушечное мясо, еще не дав права голосовать и покупать алкогольные напитки – совершеннолетие в Америке наступало в двадцать один год. Многим из них повезло, так как они были студентами и на время учебы освобождались от военной службы, а затем профессора могли помочь наиболее одаренным из них избежать призыва; остальные эмигрировали за границу, чаще всего – в Канаду. Сыну скорбящей матери с нашего самолета повезло меньше других.

Наш визит к Мизнерам пришелся на неудачное время: Сюзанн была полностью поглощена ежедневной битвой с администрацией школы, которая отказывалась принимать ее старшего сына Фрэнсиса, страдающего мягкой формой аутизма. Мы увиделись с Мэри и провели выходные у Макленаганов, но я была истощена и подавлена, в особенности из-за того, что Роберта пришлось перевести на искусственное вскармливание. Я сидела в спальне шикарной гостевой квартиры Мизнеров на первом этаже их дома в Силвер-Спринг, обливаясь слезами из-за утраты первой связующей нити с моим ребенком.

Использование бутылочек отрицательно повлияло на меня психологически; что касается Мизнеров, то они в связи с этим понесли и некоторый материальный урон. Однажды вечером Чарли и Сюзанн, которая стала понемногу отходить от напряжения, вызванного школьными баталиями, устроили для нас прекрасный вечер и пригласили своих друзей с нами познакомиться. Все дети спали; мы сидели за столом, ели и пили, смеялись и разговаривали. Потом мы перешли в гостиную, где опустились в мягкие кресла, а Чарли включил диапроектор с чудными семейными фотографиями. Находясь в полусонном состоянии ленивого блаженства, я вдруг почувствовала на редкость противный запах, доносящийся из кухни. Объяснение не заставило себя ждать: другие люди тоже стали морщиться и кашлять, и я с ужасом осознала, что виновата в том, что произошло. Перед ужином я поставила на плиту пластиковые бутылочки и соски Роберта для стерилизации и в пылу веселья позабыла о них. Вода испарилась из кастрюли, наполняя кухню зловещим черным дымом, быстро заполняющим каждый угол безупречно чистого дома. Полностью раздавленная случившимся, я не удивилась бы, если бы нас в тот же момент выставили на улицу с ребенком и всем скарбом. Я бесконечно благодарна Чарли и Сюзанн за их доброту: они не только не сделали этого, но на следующий день, призвав на помощь все немислимые запасы милосердия, даже каким-то образом умудрились шутить по поводу постыдного эпизода. Вероятно, они были безумно счастливы в день нашего отъезда: провожая нас, они радостно махали вслед нам и нашему четырехмесячному сынишке. Их облегчение при виде наших удаляющихся спин можно сравнить только с моим предвкушением возвращения домой.

---

⁷¹ Восточное побережье Соединенных Штатов Америки – историко-географический регион США, охватывающий восточные штаты, имеющие выход к Атлантическому океану, от границы с Канадой на севере до полуострова Флорида на юге.

2. Terra Firma

72

Поездка в Сиэтл и за его пределы изменила нашу жизнь, в чем-то – к лучшему, в чем-то – к худшему. Деньги, которые Стивен получил за лекции, прочитанные в эти несколько месяцев на другом берегу Атлантики, оказали благоприятное воздействие на наш банковский баланс. На эти средства мы смогли купить автоматическую стиральную машину и, памятуя об Америке, барабанную сушилку. В шестидесятые такие покупки составили бы гордость любого английского домашнего хозяйства, но Стивен, один раз вплотную соприкоснувшись с бытовой реальностью, решил, что наша жизнь требует дальнейшего усовершенствования при помощи электроприборов. Тот бытовой инцидент произошел в пятницу вечером зимой 1967 года после большой вечеринки, которую мы устраивали для знаменитого русского ученого Виталия Гинзбурга⁷³, приехавшего в Кембридж из Москвы на три месяца. Длительность его визита была удивительной, учитывая неблагоприятный климат международных отношений, связанный с холодной войной; тем более удивительно, что ему разрешили выехать вместе с роскошной блондинкой, его женой. Количество кастрюль и столовых приборов, лежащих грудой на кухне, говорило о том, что ужин удался. Прислонившись к стене, Стивен взял было кухонное полотенце, но ему настолько претила мысль о трате времени на мытье посуды, что на следующий день он с помощью Джорджа Эллиса купил в городе посудомоечную машину.

Поездка в Америку имела и другие, менее заметные последствия. Теперь у феномена, который исследовал Стивен, появилось всеми узнаваемое поэтичное название – «черная дыра», гораздо менее громоздкое, чем «гравитационный коллапс массивной звезды», процесс, предсказанный математическими формулами теорем о сингулярности; такое название направило научные исследования в единое русло. Яркое наименование привлекло внимание прессы. В результате летней школы в Сиэтле Стивен укрепил свое международное положение в качестве первопроходца в этих исследованиях, а круг наших друзей значительно расширился. Стивен подсчитал, что ко времени нашего возвращения в Англию в октябре Роберт пролетел такое протяженное расстояние в сравнении со своим возрастом, что теоретически он продолжал движение даже во сне. К счастью, самого Роберта ничуть не волновали столь далеко идущие последствия его первой поездки в Америку. Я тоже много путешествовала, но, в отличие от Роберта, переживала тяжелые и мучительные последствия этих поездок. Их семена дали всходы в виде парализующего страха перед полетами, разросшимися до гигантского сорняка в моем сознании за месяцы и годы после нашего возвращения домой. В сравнении с моим беззаботным отношением к перелетам в студенческие годы этот страх казался мне неуместным и огорчительным. Лишь некоторое время спустя я осознала причину своей фобии. Восстанавливая в памяти события четырех месяцев, проведенных в Америке, я поняла, что проблема была не в самих перелетах – мы совершили много перемещений в самых разных самолетах на огромные расстояния без малейших инцидентов, – но в сопутствующих обстоятельствах, в постоянном напряжении, связанном с полной ответственностью всего лишь через семь недель после родов за две другие жизни, хрупкие, но очень требовательные. Эта тяжкая и утомительная ответственность нашла себе выход, трансформировавшись в страх перелетов. Таким образом, я рационализировала свой страх, но от этого

⁷² Твердая земля (*лат.*).

⁷³ Виталий Лазаревич Гинзбург (4 октября 1916, Москва, – 8 ноября 2009, Москва) – советский и российский физик-теоретик, академик АН СССР (1966–1991) и РАН (1991–2009), доктор физико-математических наук (1942), лауреат Нобелевской премии по физике (2003).

мне не стало легче с ним бороться; мне было стыдно признавать мою слабость, потому что наша жизнь подчинялась благородному и смелому правилу Стивена: пусть в нашем доме и жила физическая болезнь, но для психологических проблем в нем места не было.

Несмотря на восторг Стивена по поводу очевидного успеха его исследований и его намерения извлекать пользу из конференций, семинаров и лекций мирового масштаба при любой возможности, нам, к счастью, больше не пришлось путешествовать той зимой. Мы провели это время в приятном стационарном состоянии, привыкая к спокойному распорядку академической жизни. Стивену продлили членство в колледже еще на два года, и теперь, когда его бывший шафер Роб Донован тоже был научным сотрудником Гонвиля и Каюса, Стивен мог рассчитывать на его постоянную помощь в сопровождении на еженедельные торжественные ужины в колледже. Мой график был менее упорядоченным и обуславливался непрекращающимися попытками согласовать потребности ребенка с требованиями моей научной работы. Когда я играла с Робертом, моя совесть приказывала мне браться за диссертацию. Когда я работала над диссертацией, мой инстинкт направлял меня к ребенку. Таким образом, я никогда не чувствовала полного удовлетворения – но лишь таким образом я могла поддерживать свой интеллектуальный статус в среде, где на детей смотрели свысока, считая их ничем не примечательным жизненным фактом. Диссертации, напротив, вызывали уважение. В конце шестидесятых годов в университете не было яслей, зато существовал прекрасный стрелковый полигон – памятник мужскому шовинизму.

Я смогла продолжить свое исследование лишь благодаря помощи моей мамы и череды нянь Иниго Шаффера, младенца соседней, живших ниже по улице. Моя мама приезжала в Кембридж на поезде в пятницу утром, после того как я отводила Стивена на работу. Она сидела с Робертом, а я шла в университетскую библиотеку, подбирая книги и другие материалы, которые изучала дома в течение следующей недели. Иногда няня Иниго забирала Роберта на час или около того, а когда мальчики подросли, стала приглашать его поиграть с Иниго в течение дня, что давало мне возможность вернуться в библиотеку. Эта же система позволила мне время от времени ездить в Лондон, где я посещала и проводила семинары, будучи уверенной, что за Робертом присмотрят, а Стивен с помощью Джорджа Эллиса пообедаст с другими членами релятивистской группы в новом Университетском центре.

Стивену продлили членство в колледже еще на два года, и теперь Стивен мог рассчитывать на постоянную помощь в сопровождении на еженедельные торжественные ужины в колледже.

Так я смогла продолжить работу над своим проектом исследования лингвистических и тематических подобию и расхождений трех основных периодов и географических областей популярной любовной лирики в средневековой Испании. Стивен в своем научном рвении покорял Вселенную, я же путешествовала во времени – назад к *харджам*, к раннему расцвету популярной поэзии на романских языках. Я начала свое исследование с составления словаря мосарабского языка⁷⁴ – раннего диалекта испанского языка, распространенного в мусульманской Испании, на котором писались харджи – короткие изысканно-поэтические фрагменты, используемые в качестве припевов в более протяженных еврейских и классических арабских одах и элегиях. Я планировала включить в исследование галицийско-португальские⁷⁵ *Cantigas de Amigo*⁷⁶ XII века, а также тексты кастильских⁷⁷ *villancicos*⁷⁸ XV века.

⁷⁴ Мосарабы – христиане Пиренейского полуострова, жившие на территории, захваченной арабами в VIII веке и принявшие арабский язык и культуру.

⁷⁵ Галиция (также Галичина) – историческая область в Восточной Европе (конец XVIII – начало XX века), примерно соответствует территории современных Ивано-Франковской, Львовской и западной части Тернопольской областей Украины, Подкарпатского и большей части Малопольского воеводств Польши.

⁷⁶ Песни о друге (*исп.*).

Эти три территории процветания поэзии, разобщенные во времени и пространстве, обладали характерными общими чертами: песня исполняется от лица девушки, ждущей своего возлюбленного на заре или оплакивающей его болезнь или отсутствие. Часто девушка спонтанно делится своим счастьем или горем с матерью или сестрой; тем не менее слова этих, на первый взгляд, наивных и простодушных признаний встречаются в более ранних христианских религиозных текстах.

---

⁷⁷ Королевство Кастилия (*Reino de Castilla*) – одно из средневековых королевств Пиренейского полуострова.

⁷⁸ Рождественские песни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.